

**МИНИСТЕРСТВО
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНЗДРАВ РОССИИ)**

Рахмановский пер., д. 3/25, стр. 1, 2, 3, 4,
Москва, ГСП-4, 127994,
тел.: (495) 628-44-53, факс: (495) 628-50-58

26.07.2021 № 28-3/1765

На № _____ от _____

Минздрав России

Вр-2034926

Органы государственной власти
субъектов Российской Федерации,
осуществляющие государственное
управление в сфере образования

Департамент общественного здоровья, коммуникаций и экспертной деятельности (далее – Департамент) в соответствии с пунктом 4 раздела I протокола заочного заседания Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав от 01.04.2021 № 28 направляет результаты проведенного ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России исследования по проблемам психического здоровья детей и подростков, ставших жертвами или обвиняемых в противоправных действиях в интернет-среде, в том числе в форме буллинга и кибербуллинга.

Приложение: на 132 л. в 1 экз.

Заместитель директора
Департамента

Подлинник электронного документа, подписанного ЭП,
хранится в системе электронного документооборота
Министерства Здравоохранения
Российской Федерации.

СВЕДЕНИЯ О СЕРТИФИКАТЕ ЭП

Сертификат: 01D69BAD0A613AC0000000C900060002
Кому выдан: Сошкина Кристина Владимировна
Действителен: с 06.10.2020 до 06.10.2021

К.В. Сошкина

ИНФОРМАЦИОННАЯ СПРАВКА

к «проблеме психического здоровья детей и подростков, ставших жертвами буллинга и кибербуллинга»;

Под буллингом понимается намеренная систематическая целенаправленная травля при неравенстве сил между агрессором и жертвой. Чаще всего этот термин применяется по отношению к агрессивным действиям одних детей и подростков по отношению к другим; так, распространенным является понятие «школьного буллинга».

Буллинг может выступать в различных формах, традиционно выделяют физический, вербальный, сексуальный буллинг и буллинг в отношениях (Horne A., Ogrinas P., 2006). Буллинг может также дифференцироваться по интенсивности (частоте и длительности) (Kasper H., 2010; Кривцова С., Шапкина А., Белевич А., 2016).

Диапазон оценок распространенности буллинга достаточно широк: от 10-12 до 40-45% в зависимости от особенностей определения феномена, выборки и методов исследования. В одном из недавних исследований, проведенном в 5 регионах России, от 30 до 50% опрошенных старшеклассников хотя бы один раз за прошедший месяц учебного года оказались в ситуации травли (Реан А.А., Новикова М.А., 2019).

В клинической практике врачей-психиатров и врачей-психотерапевтов нередко встречаются дети и подростки, ставшие жертвами буллинга. У них часто отмечаются симптомы психосоматических расстройств (головные боли, нарушения сна, боли в животе), тревоги и депрессии, причем эти явления могут иметь долговременный характер. У детей ухудшается успеваемость, снижается самооценка, повышается риск суицидального поведения. Агрессоры (буллеры) нередко также были в прошлом жертвами буллинга. Однако для них, а также для тех буллеров, которые не подвергались агрессии сами, повышен риск развития в дальнейшем антисоциального и криминального поведения (Лоуси Б., 2011).

В специальной литературе есть данные о характере участия в буллинге подростков с психическими расстройствами. Так, инициаторами буллинга по отношению к другим детям чаще становились подростки с органическими расстройствами и психопатоподобным поведением. Несовершеннолетние с умственной отсталостью участвовали в буллинге на стороне агрессора, хотя сами его не инициировали. Дети и подростки, страдающие шизофренией, как правило, становились жертвами травли (Иванова Т.И., Гранкина И.В., 2017).

Профилактика буллинга может рассматриваться с позиций принятой Всемирной организацией здравоохранения *экологической модели*, согласно которой факторы риска агрессивного поведения и защиты против него анализируются как в плане индивидуальных характеристик ребенка, так и в системе различных расширяющихся социальных сфер, от ближайшего

семейного окружения, круга сверстников, школы, до местного сообщества и общества в целом. Системная междисциплинарная и межведомственная работа с каждой из этих сфер обеспечивает долговременный профилактический эффект (Horne A., Orpinas P., 2005).

В последние годы получил развитие новый вид буллинга – кибербуллинг, под которым понимается посылка, размещение, распространение с помощью цифровых устройств негативной, вредоносной, лживой или злонамеренной информации о ком-либо. Использованию такого вида агрессии способствует анонимность «кибербуллера» и отсутствие его непосредственного контакта с жертвой. Оценки включенности подростков в кибербуллинг также варьируют, доходя, по некоторым данным, до 90%. Значительное число подростков, пострадавших от кибербуллинга, сами становятся «кибербуллерами», что увеличивает распространенность этого явления (Дозорцева Е.Г., Кирюхина Д.В., 2020). Следует подчеркнуть, что воздействие кибербуллинга на психику подростков сходно с влиянием буллинга и может быть весьма деструктивным, однако его психологические и клинические последствия нуждаются в более детальном изучении.

В качестве предложения в проект решения Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав по данному вопросу могут быть включены ведомственные положения о необходимости проведения следующих мероприятий.

1. Комплексное исследование последствий буллинга и кибербуллинга для разработки мер по реабилитации пострадавших детей и подростков;
2. Межведомственная и междисциплинарная разработка мер профилактики буллинга и кибербуллинга.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВКА

о промежуточных результатах научно-исследовательской работы,
выполняемой в рамках государственного задания

В ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России в рамках государственного задания выполняется научно-исследовательская работа по теме: «Разработка методов проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних, ставших жертвами или обвиняемых в совершении преступлений в Интернет-среде либо с использованием информационных технологий» со сроком исполнения 2020-2022 гг.

Основной целью НИР является разработка методических подходов (методов и методики) к диагностике и экспертной оценке уголовно-релевантных психических состояний у несовершеннолетних, ставших жертвами или обвиняемых в совершении преступлений в Интернет среде или с использованием цифровых технологий для повышения качества проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСПЭ) по данной категории уголовных дел. Практически все дети и подростки, ставшие жертвами киберпреступлений или совершившие их, либо действовавшие под влиянием интернета, следственными органами и судами направляются для производства КСПЭ. Для принятия решения судам и судебно-следственным органам необходима информация об их личностных характеристиках, психическом состоянии, психическом развитии, способности оказывать сопротивление преступным посягательствам или сознательно руководить собственными противоправными действиями.

Однако специфика преступлений требует новых подходов к экспертным исследованиям и их методическому оснащению. Прежде всего, рассмотрение особенностей сети Интернет как новой и качественно специфичной сферы деятельности и социализации современных детей и подростков, с ее положительными возможностями и негативными рисками. Также необходим анализ и описание преступлений в Интернет среде, совершаемых самими подростками, либо тех, в которых дети и подростки оказываются потерпевшими. Опыт экспертной работы авторов проекта показал, что восприятие реальных и виртуальных ситуаций детьми и подростками различается, что определяет дополнительные сложности экспертной оценки. Кроме того, помимо непосредственного обследования экспертам - психиатрам и психологам, необходимо исследовать материалы переписок, переговоров, видео- и аудиосообщений подростков, проводить анализ их содержания для составления полной картины преступления и поведения несовершеннолетнего подэкспертного в данной ситуации.

На данном промежуточном этапе проведено исследование 46 несовершеннолетних: 37 потерпевших жертв секстинга и кибергруминга и 9 обвиняемых в нападении на образовательные учреждения и экстремистской деятельности.

Первоначальный анализ эмпирического материала показывает, что в качестве факторов, имеющих значение в формировании психического состояния у исследуемых нередко выступают степень их личностной зрелости, индивидуально-психологические особенности, внешние ситуационные обстоятельства, включая влияние контента, потребляемого подростком в сети Интернет, и его коммуникаций в социальных сетях. У несовершеннолетних обвиняемых имеет значение динамика формирования их личности, роль ближайшего социального окружения. Выявлено, что активность в сети Интернет таких подростков нередко предоставляет им компенсаторные/псевдокомпенсаторные возможности для восстановления самооценки и нахождения новой идентичности.

I. Развитие информационных технологий, возникновение альтернативных способов общения и взаимодействия способствуют появлению новых видов насилия и злоупотребления. Это сексуальные домогательства, совершенные в отношении детей и подростков онлайн, или кибергрумминг, которые относятся к наиболее латентным и опасным видам криминальной агрессии.

Цель преступника – получение сексуализированных изображений ребенка или совершение с ним сексуальных действий онлайн либо при реальной встрече.

Отличительными особенностями развратных действий в отношении детей в сети Интернет являются:

- 1) доступность – посягатель может быть на связи с жертвой в любое время;
- 2) анонимность – часто жертва не знает, с кем она общается на самом деле;
- 3) мнимое чувство безопасности для жертвы – дети не знают, что они являются жертвой преступления и не могут своевременно обратиться за помощью;
- 4) широкий диапазон социальных последствий;
- 5) высокая латентность;
- 6) формирование у жертвы девиантного сексуального поведения.

В рамках пилотного проекта были обследованы 37 несовершеннолетних потерпевших женского пола, которые проходили КСППЭ в ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России. Возраст потерпевших составлял от 8 до 17 лет.

Результаты исследования показали, что в более половине случаев у потерпевших отмечалась неблагополучная семейная и социальная ситуация: воспитание в неполной семье или школе-интернате, родители злоупотребляли алкогольными напитками, и семья состояла на профилактическом учете, отсутствие эмоционального контакта между членами семьи и т.д.

Более половины (57%) потерпевших выявляли дефицит в сфере общения, так они жаловались на отсутствие близких друзей, каждая пятая девочка была жертвой буллинга со стороны одноклассников.

Анализ причины вступления девочек в процесс взаимодействия с посягателем (грумером) в сети Интернет выявило следующее:

- 1) недостаток коммуникации и стремление потерпевших найти друга;
- 2) познавательный интерес в сфере интимных отношений – девочки хотели узнать о сексуальных межполовых взаимоотношениях;
- 3) потерпевшие считали, что состоят с посягателем в романтических отношениях;
- 4) потерпевшие были введены в заблуждение (считали, что проходят кастинг в модельное агентство);
- 5) девочки не могли отказать посягателю – их вынудили или заставили к взаимодействию угрозами, шантажом и т.д.

Основными актуальными переживаниями потерпевших являлись опасения, что полученные посягателем фото- и видеоматериалы попадут в открытый доступ или к третьим лицам, произошедшее приобретет широкую огласку (узнают друзья, одноклассники, учителя). Потерпевшие испытывали острое чувство самообвинения, безысходности, социальной изоляции и одиночества.

Изучение непосредственных последствий для психического здоровья несовершеннолетних пережитого опыта онлайн домогательства показало, что данный вид посягательств нередко приводило к возникновению психогенных психических расстройств (15%). Также выявлено, что вследствие длительного кибергруминга у детей отмечались психосексуальные нарушения (8%) в виде ранней сексуализации их поведения.

В результате предварительного исследования были выявлены категории детей и подростков виктимных к сексуальным домогательствам в сети Интернет:

- 1) проживающие в социально неблагополучных семьях;
- 2) подвергающиеся социальной изоляции и школьному буллингу;
- 3) с негативным опытом детства – ранее подвергались иным видам насилия (физическому, психологическому);
- 3) имевшие тесные взаимоотношения с другими детьми, которые стали жертвами аналогичных преступлений;
- 4) с отсутствием безопасной информационной среды для получения интересующих их вопросов, в том числе в области сексуальной сферы.

Данные пилотного проекта свидетельствуют об особом характере кибербуллинга как феномена специфической «бесконтактной» агрессии и необходимости дальнейших исследований в данном направлении.

II. Ряд современных противоправных действий несовершеннолетних связан с получением информации из сети Интернет. Было проведено комплексное психолого-психиатрическое обследование несовершеннолетних

мужского пола ($n=9$), обвиняемых в нападениях на учебные заведения. Подростки обвинялись по ст. 30 ч. 2 ст.105 УК РФ (попытка убийства, убийство двух и более лиц), кроме того в ряде случаев им инкриминировали ст. 206 (захват заложника) и ст. 223 (изготовление оружия) УК РФ. Средний возраст подростков на момент нападения составил $16,1 \pm 1,1$ лет, на момент обследования $16,4 \pm 1,2$ лет. Практически всем подросткам были диагностированы различной выраженности психические расстройства.

Учитывая, что агрессивные действия несовершеннолетних реализовывались в учебных заведениях, был проведен анализ конфликтов, связанных с образовательными учреждениями. В характеризующих несовершеннолетних материалах менее чем в половине случаев содержатся сведения, касающиеся проблем подростка с учениками и учителями. Вместе с тем, по данным, полученным в ходе клинической беседы, все без исключения несовершеннолетние негативно воспринимали отношения, складывающиеся в школе. Психическое напряжение, не имевшее адекватного выхода, приводило к поиску возможных причин создавшегося положения и путей выхода из него. Это, в свою очередь, формировало у подростков своеобразные увлечения. Большинство из них проводили много времени за компьютерными играми с агрессивным сюжетом. Более, чем в половине случаев, несовершеннолетние проявляли интерес к националистической и расистской идеологии. Однако наибольшую притягательность для них имела деструктивная молодежная субкультура «Колумбайн», основанная на почитании и идеализации подростков, совершивших нападение на одноименную американскую школу. Действия подростков, ранее совершивших нападения на учебные заведения, в таких сообществах идеализировались, романтизировались и выступали для участников моделью для подражания.

Проведенный качественный анализ данных эмпирического исследования личностных особенностей и психического состояния подростков, совершивших нападения на учебные заведения, характеристик их взаимодействия с непосредственным окружением в школе и семье, а также использования ими информации в сети Интернет, позволяет заключить, что формирование агрессивного и аутоагрессивного поведения таких подростков началось задолго до совершения ими противоправных действий, однако оставались незамеченными окружающими. Отсутствие у большинства таких несовершеннолетних явных внешних признаков дезадаптации создавало у учителей и родителей иллюзию их относительного благополучия и несовершеннолетние не получали необходимой поддержки, в то время как ситуацию в школе ощущали, как угрожающую и крайне дискомфортную. Интернет, социальные сети, специальные сайты служили для несовершеннолетних источником информации и эмоционального подкрепления и фактором влияния на их поведение.

Таким образом, промежуточные результаты научно-исследовательской работы показывают, что дети и подростки являются особо уязвимой категорией для негативного воздействия в цифровой среде. Они часто становятся жертвами сексуальных домогательств, кибербуллинга и сами вовлекаются в совершение киберпреступлений. Полученные результаты, как на данном этапе, так и планируемых на последующих этапах исследования, позволят определить перспективы для превенции киберугроз по отношению к несовершеннолетним, а также разработке коррекционных и реабилитационных мероприятий.

**ФГБУ “Национальный медицинский исследовательский
центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского”
Министерства здравоохранения
Российской Федерации**

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ
С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
И ИХ МЕДИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
ПРОФИЛАКТИКА**

Аналитический обзор

Москва - 2021

УДК 616.89

ББК 56.14

М15

Аналитический обзор подготовлен в ФГБУ “НМИЦ ПН им. В.П. Сербского” Минздрава России доктором медицинских наук, профессором **Е.В. Макушкиным**, доктором медицинских наук **В.Д. Бадмаевой**, доктором психологических наук, профессором **Е.Г. Дозорцевой**, доктором медицинских наук **Л.О. Пережогиным**, кандидатом психологических наук **Д.С. Ошевским**, кандидатом психологических наук **К.В. Сырковашчиной**, кандидатом психологических наук **С.А. Терехиной**, кандидатом психологических наук **Е.В. Нудцковой**, кандидатом психологических наук **А.А. Федонкиной**.

Аналитический обзор утвержден на заседании Ученого совета ФГБУ “НМИЦ ПН им. В.П. Сербского” Минздрава России 30 ноября 2020 г., протокол № 7.

М15 Макушкин Е.В., Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Пережогин Л.О., Ошевский Д.С., Сырковашина К.В., Терехина С.А., Нудцова Е.В., Федонкина А.А. **Преступления в интернет-среде с участием несовершеннолетних и их медико-психологическая профилактика: Аналитический обзор.** – М.: ФГБУ “НМИЦ ПН им. В.П. Сербского” Минздрава России, 2021. – 56 с.

В аналитическом обзоре представлен современный взгляд на проблему преступлений и проявлений кибернасилия среди несовершеннолетних. Рассмотрена трансформация возрастного развития детей и подростков в условиях Интернета. Охарактеризованы основные виды противоправных действий, реализуемых несовершеннолетними с использованием информационно-коммуникационных технологий. Проведен анализ вариантов кибернасилия в отношении несовершеннолетних. Особое внимание уделено реализации несовершеннолетними аутодеструктивных и суицидальных действий с использованием виртуального пространства. Обозначены вопросы, касающиеся комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних участников преступлений в интернет-среде и программ профилактики кибернасилия в отношении детей и подростков, а также оценки их эффективности.

Для детских и подростковых психиатров и психологов, педагогов, судебно-психиатрических экспертов и экспертов-психологов.

ББК 56.14

ISBN 978-5-86002-319-2

© Группа авторов, 2021.

© ФГБУ “НМИЦ ПН им. В.П. Сербского”
Минздрава России, 2021.

ВВЕДЕНИЕ

Стремительное развитие информационных технологий и Интернета, а также широкое внедрение в повседневную практику мобильных средств связи, привели к глобальным изменениям во всех сферах жизнедеятельности современного человека. Виртуальное пространство позволяет реализовывать разнообразные виды активности: осуществлять профессиональную деятельность, планировать и организовывать досуг, удовлетворять разнообразные потребности. Однако наряду с почти безграничным расширением возможностей онлайн пространство потенциально может нести в себе и многочисленные опасности, в особенности для уязвимых категорий населения, и, в частности, для несовершеннолетних.

Прежде всего, у специалистов вызывает обоснованную тревогу все более возрастающее количество времени, проводимого молодыми людьми в сети Интернет, что послужило основанием для того, чтобы называть это поколение “цифровым”. Его представители относятся к одной из основных групп риска формирования зависимости от Интернета, а также технических средств, обеспечивающих доступ к нему. Согласно опросу, проведенному Г.У. Солдатовой и ее коллегами (2019), среди 1056 молодых людей в возрасте 15–25 лет, каждый второй находится онлайн ежедневно от 6 и более часов, а каждый четвертый – более 9 часов.

Особую опасность для детей и подростков представляют преступные деяния, которые реализуются с привлечением современных информационных технологий и средств коммуникации. Наряду с выраженными негативными последствиями для жизни и благополучия несовершеннолетних жертв отличительной

чертой правонарушений, осуществляемых в киберпространстве, является их низкая раскрываемость. В аналитическом докладе, подготовленном Всероссийским научно-исследовательским институтом МВД РФ в 2018 г., отмечается, что современное состояние преступности помимо прочего характеризуется “высокой адаптированностью ... к новейшим достижениям научно-технического прогресса, перерождением в новых формах, методах и способах совершаемых преступных посягательств в сферах, сложных для осуществления социального контроля” (Аналитический доклад, 2018, с.4). Там же отмечается, что из 90587 преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий в 2017 г., была раскрыта только четвертая часть. Помимо риска стать жертвой преступной деятельности со стороны криминальных лиц, подвергнуться сексуальному домогательству и эксплуатации, быть вовлеченным в деятельность различных онлайн-сообществ деструктивной направленности в виртуальной реальности также существует опасность совершения правонарушений и самими подростками. Современные технологии во многом облегчают реализацию преступной деятельности, обеспечивая ее анонимность, расширяя возможности по поиску потенциальной жертвы, а также снабжая разнообразными техническими средствами для оказания на нее психологического воздействия и давления. Новую технически оснащенную площадку для своей реализации в виртуальном пространстве получила и практика буллинга, а также различных форм его проявления внутри самих подростковых сообществ. В некоторых случаях реальное притеснение жертвы буллинга находит свое продолжение в явлении “happy slapping” (съемке на сотовый телефон процесса избияния жертвы сверстниками с последующим размещением видео в сети Интернет).

По-прежнему не теряет своей актуальности проблема аутодеструктивного и суицидального поведения несовершеннолетних, и Интернет зачастую играет при этом немаловажную роль. Выступая для подростков в качестве источника суицидогенной информации, площадки для взаимного обмена переживаниями с другими людьми, средства поиска единомышленников или

потенциальных жертв, виртуальное пространство во многом облегчает и упрощает путь от суицидальных мыслей до реализации суицидального замысла.

Еще одной особенностью интернет-среды, которая делает ее потенциально опасным пространством для несовершеннолетних, является наличие контента, способного оказать вредоносное влияние на психическое состояние и развитие детей и подростков. Забота об обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних на государственном уровне нашла свое отражение в принятом Федеральном Законе № 436-ФЗ от 29.12.2010 г. “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”, который предусматривает “отнесение информационной продукции к одной из пяти категорий, и запрещающий ее распространение среди детей в зависимости от их возраста (Федеральный закон, 2010). Вместе с тем наряду с запретительными мерами и работой, направленной на предотвращение распространения вредоносного контента, важную роль играет профилактическая деятельность, целью которой выступает “создание условий для повышения культуры информационной безопасности в молодежной среде как эффективного инструмента профилактики экстремизма, дискриминации по социальным, религиозным, расовым, национальным и другим признакам” (Об утверждении основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г.). В центре внимания программ профилактики должно стоять формирование позитивной цифровой культуры несовершеннолетних, включающее повышение цифровой грамотности, а также овладение навыками безопасного использования сети Интернет. Несмотря на многообразие проблем, возникающих вследствие использования несовершеннолетними современных информационных технологий, в настоящее время отсутствует единая методологическая база, одновременно учитывающая как возрастные аспекты, индивидуально-психологические особенности, возможный вклад психопатологического фактора, так и специфичность противоправных деяний, совершаемых против несовершеннолетних или осуществляемых самими подростками.

Интернет как сфера деятельности и социализации несовершеннолетних

У истоков изучения взаимодействия человека и интернет-среды стоят исследования особенностей процессов переработки информации, опосредованных средствами массовой информации, проведенные преимущественно в рамках когнитивного и поведенческого подходов (Bandura A., 1973; Huesmann L.R., Eron L.D., 1974; Liebert R.M., Poulos R.W., Marmor G.S., 1977; и др.).

Отечественные исследования виртуального пространства и сети Интернет в контексте деятельности человека в онлайн-среде в рамках общепсихологического подхода были начаты в последние десятилетия XX в. В качестве предмета изучения выступали особенности коммуникации человека и ЭВМ, специфика процесса решения когнитивных задач в условиях диалога с компьютером (Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., Кобелев В.В., Тихомиров О.К., 1983; Тихомиров О.К., Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е., 1989). Развивая взгляды Л.С. Выготского на значение процессов усвоения знаков и знаковых систем для психического развития человека, а также опосредования деятельности, указанные авторы намечают переход к психологическому анализу процессов экстерииоризации и эффективному применению внешних орудий, в том числе компьютеров и Интернета, мобильной связи и гаджетов. Массовое использование современных информационных технологий, возросшая в связи с этим потребность в изучении психологических условий и последствий применения Интернета, а также недостаточность объяснительных возможностей общепсихологической методологии, поставили вопрос об оформлении данной области исследований в качестве отдельного и самостоятельного направления психологической науки (Войскунский А.Е., 2010, 2012).

Исследования обозначенных выше проблем применительно к контингенту несовершеннолетних впоследствии проводились в нескольких направлениях. Прежде всего в связи со значительным ростом ювенальной преступности за рубежом, в США, в частности, остро встала проблема возможного негативного влияния СМИ на личностное развитие, и, опосредованно, на

поведение несовершеннолетних. Проведенные комплексные исследования привели к признанию необходимости следующих мер противостояния растущей преступности детей и подростков: уменьшению агрессивно направленного и иного вредоносного контента телевизионных и радиопрограмм, а также производства и распространения видеоматериалов, способствующих правильному освещению проблем преступности и ее негативной оценке, а также морально-нравственному развитию самих несовершеннолетних и формированию у них соответствующих просоциальных установок.

Широкое распространение интернет-технологий дало дополнительный импульс для многочисленных исследований в психологии развития. Развернувшаяся научная дискуссия об изменении самого понятия “детство” в современном мире позволила сделать вывод о том, что в условиях всеобщей глобализации и трансформации традиционных воспитательных и образовательных практик, существенных изменений в институте семьи, являющемся ведущей сферой социализации подрастающего поколения, более адекватно перейти к представлениям о множественности моделей детства, при которых существование единственного варианта “нормального” развития перестает быть актуальным. Вместе с тем “детство” как определенный социальный и исторический конструкт в традиционной психологии неразрывно связано с образом “идеального взрослого”, представление о котором также нуждается в пересмотре (Поливанова К.Н., 2012, 2016). Постоянное усложнение внешней среды и практически безграничное расширение возможностей, предоставляемых современными технологиями, сопровождается глубокими изменениями в функционировании основных психических процессов, в переработке информации, способах решения возрастных задач. Необходимость для современных детей и подростков одновременно адаптироваться и развиваться в условиях реальной и виртуальной действительности существенно меняет их “социальную ситуацию развития”, предполагая сочетание традиционной и информационной, или “цифровой”, социализации (Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д., 2011; Марцинковская Т.Д., 2012; Плешаков В.А., 2012; Солдатова Г.Т.,

2019). Наиболее актуальными с этой точки зрения оказываются вопросы соотношения этих видов социализации, их агентов, механизмов, возрастных характеристик, благоприятных вариантов их сочетания.

Значительное внимание исследователей современного детства привлекает специфика коммуникационной активности подростков, осуществляемая в виртуальном пространстве, поскольку именно интимно-личностное общение является ведущим типом деятельности в этом возрасте. Основой для рассмотрения особенностей ее реализации несовершеннолетними с использованием сети Интернет послужил анализ реальной практики воздействия новых информационных технологий на социальную структуру общества (Белинская Е.П., 2018). Результатом этих исследований стал вывод о конвергенции непосредственного и опосредованного общения современных подростков, что требует изменений в методологии изучения социальных сетей (Поливанова К.Н., Королева Д.О., 2016). Сравнительный анализ дружеских отношений в реальной жизни и в Интернете показывает, что “виртуальная дружба”, по мнению подростков, характеризуется нехваткой, отсутствием или негативной инверсией непосредственного контакта, доверия и эмоционального обмена. В то же время каждый второй из опрошенных имел “виртуального друга”, с которым делился проблемами во взаимоотношениях с родителями, друзьями и учителями, а также романтическими партнерами. По числу лиц, с которыми контактируют несовершеннолетние, они приблизились к аналогичному показателю у взрослых и превышает нижнюю границу числа Данбара, или количества постоянных социальных связей, которые постоянно может поддерживать человек, составляющего от 100 до 230. Однако качество виртуальных отношений представляется достаточно поверхностным, несмотря на то, что с их помощью удовлетворяются важные потребности подростков, включая интимные (Солдатова Г.У., Теславская О.И., 2018).

В подростковый период происходит становление самосознания, а также важнейшей его составляющей – собственной идентичности. Процесс осмысления себя, своих отношений с

окружающими, поиск референтных групп, адекватных форм самопрезентации – все это предполагает приобретение опыта взаимодействия в условиях некоторой безопасной среды, в качестве которой все чаще выступают различные интернет-площадки (страницы социальных сетей, форумы по интересам, мессенджеры).

Весьма интересными и плодотворными в исследованиях становления идентичности у несовершеннолетних может стать анализ представлений об индивидуальной идентичности, рассмотренный в контексте неопределенности и изменчивости современного мира (Белинская Е.П., Марцинковская Т.Д., 2018). Делая акцент на неустойчивости соотношения социальной и персональной идентичности, авторы приводят возможности индивида активно влиять на процесс ее построения, предъявляя наряду с реальными мнимые свойства, доказательства существования которых присутствуют исключительно в рассказе о них. Таким образом, посредством интернет-пространства облегчается поиск и выстраивание некоторой совокупности идентичностей, попытки применения их в процессе взаимодействия с различными виртуальными собеседниками. Вместе с тем, если на первоначальных этапах исследований внимание ученых фиксировалось на различиях виртуальной и реальной идентичностей, то в настоящее время преобладает поиск их общих оснований.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что эмпирические исследования особенностей психического развития несовершеннолетних, рассмотренные в контексте постоянно совершенствующихся информационных технологий, подталкивают к пересмотру основных положений традиционной психологии развития в новом социальном и культурном контексте, позволяя, с одной стороны, совершенствовать методологию научного исследования, а с другой – получать новые научно обоснованные данные для обеспечения наиболее благоприятных условий развития детей и подростков, в том числе повышая их информационную безопасность.

Типы преступлений и виды рисков, связанных с интернет-средой

Переход в виртуальное пространство традиционных видов правонарушений, а также широкого круга разнообразных притеснений, издевательств и иных деструктивных действий привел к появлению новых понятий и обозначений, многие из которых представляют собой кальку англоязычных терминов. Зачастую они не имеют четкого и однозначного определения и подразумевают под собой целый класс явлений, существенное отличающихся как по феноменологии, так и по своим последствиям. Усложняет ситуацию также тот факт, что эти понятия используются одновременно со своими русскоязычными аналогами, что вносит некоторую неопределенность и затрудняет соотнесение результатов различных эмпирических исследований и взаимопонимание специалистов, требуя уточнений и пояснений.

В криминологическом подходе под “киберпреступностью в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей” понимается “совокупность кибердеяний, совершаемых в сети Интернет с помощью или посредством компьютера и иных средств доступа к киберпространству, в которых находятся криминализированные электронные данные и материалы в отношении детей и подростков, посягающие на их права, свободу, жизнь и здоровье” (Оганов А.А., 2020). Автор выделяет многочисленные виды киберпреступлений, среди которых правонарушения, совершаемые самими несовершеннолетними, а также взрослыми лицами по отношению к детям и подросткам.

Примером криминализации действий в сети Интернет, ранее не подпадавших под действие Уголовного кодекса РФ, может быть введение в 2017 г. ст.110.1 “Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства” и 110.2 “Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства”, предусматривающих особые санкции за совершение деяний такого рода с использованием сети Интернет. Стимулом для этого стала организация склонения к самоубийству именно несовершеннолетних пользователей сети Интернет путем специально разработанных технологий.

Уголовно наказуемым, однако с использованием не специфичных для данного вида киберпреступлений статей Уголовного кодекса РФ, является онлайн груминг или кибергруминг – соблазнение в целях совершения сексуального насилия или злоупотребления по отношению к несовершеннолетнему. В то время как законодательства ряда стран Европы и Северной Америки имеют частичный или полный спектр положений, охватывающих специфику груминга (Davidson J., Gottschalk P., 2010; Kloess J.A., Beech A.R., Harkins L., 2014), в России в аналогичных случаях применяются ст.133 “Понуждение к действиям сексуального характера” и 135 “Развратные действия”. Предложения о введении в Уголовный кодекс специальной статьи относительно онлайн груминга в нашей стране пока не реализованы (Букалерова Л.А., Атабекова А.А., Симонова М.А., 2015; Атабекова А.А., 2017).

Помимо правонарушений, относящихся к уголовно наказуемым деяниям и подпадающих под действие Уголовного кодекса РФ, в фокус внимания детских и подростковых специалистов попадает широкий круг деструктивно направленных действий, обозначаемых понятием “кибернасилие”. Этим термином принято обозначать электронную травлю, проявления жестокости онлайн, то есть преднамеренные агрессивные действия, систематически осуществляемые против жертвы, которая не может себя защитить, с использованием электронных средств: социальных сетей, электронных писем, мобильных мессенджеров, сетевых игр и т.д. В зарубежной литературе приводятся подробные классификации подобных действий: выделяют flaming (оскорбления), harassment (настойчивое приставание, притеснение), sexting (рассылка фото и видео интимного содержания), denigration (клевета), slam-booking (создание тематических страниц с комментариями) и много других видов онлайн травли. В связи с усложнением правонарушений, появлением таких противоправных форм, при которых в том или ином соотношении сочетаются действия, совершаемые и в киберпространстве, и в реальной жизни, количество таких действий неуклонно растет. В качестве примера такого комбинированного варианта, включающего элементы буллинга

и кибербуллинга, представляет публикация в сети видео сцен реального насилия (“happy slapping”).

Изучение деструктивных форм поведения подростков в интернет-сети и соотнесение результатов эмпирических исследований затрудняется различиями в правовых последствиях такого поведения для тех, кто его реализует. Так, в зарубежной юридической практике кибербуллинг все чаще относят к категории уголовных преступлений. Соответствующие статьи имеются в уголовных кодексах ряда штатов США, Австралии, а в Германии специальные статьи внесены в закон “О защите молодого поколения”, нарушение которых может повлечь за собой уголовное наказание в виде лишения свободы до 10 лет. Во Франции собственно кибербуллинг относится к категории административных правонарушений (проступков), но его последствия могут считаться преступлением. В России такие действия, как flaming могут быть квалифицированы как административное правонарушение (ст.5.61 КоАП (Оскорбление). Проявления кибербуллинга в некоторых случаях соотносятся с составами преступлений, квалифицируемых ст.ст. 137 УК РФ (Нарушение неприкосновенности частной жизни) и 128.1 (Клевета). В тех случаях, когда кибербуллинг повлек за собой иные последствия (например, спровоцировал самоубийство), возможна квалификация таких действий по ст.110 УК РФ (Доведение до самоубийства). Во всех случаях важным условием привлечения виновного лица к ответственности является достижение им 16-летнего возраста. В настоящее время отечественные юристы вносят предложения о введении правовых санкций непосредственно за кибербуллинг и ужесточение уголовной ответственности за доведение до самоубийства с помощью интернет-насилия (Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А., 2016; Кульпин А.А., Митраков А.В., 2018).

Таким образом, одной из важных задач исследователей и законодателей становится разработка единой классификации деструктивных или противоправных действий, совершаемых в сети Интернет, а также формирование единого понятийного аппарата, которые обеспечат большую унификацию международных исследований, а также взаимопонимание специалистов.

Преступления несовершеннолетних с использованием сети Интернет

Преступления, совершаемые несовершеннолетними в сети Интернет, в последнее время становятся все более распространенными. Изменяется социальная ситуация, особенности взаимодействия подростков с внешним миром и, в свою очередь, преступность несовершеннолетних меняет свою специфику. Зачастую преступления в интернет-пространстве совершаются подростками в силу недостаточного понимания социальных норм, разделения реальной и виртуальной жизни, при этом у них возникает ощущение своей полной анонимности, а также снижается волевой контроль поведения и проявляется недостаточность прогностических функций (Landberg A., Jonsson L.S., 2018).

Проблема вовлечения несовершеннолетних в распространение идей экстремизма и терроризма посредством интернет-среды

По данным МВД РФ, количество преступлений, связанных с экстремистской и террористической деятельностью, заметно выросло. Так, в период с января по сентябрь 2020 г. зафиксировано 1851 (+33,9) противоправное деяние террористического характера и 651 (+43,4) правонарушение экстремистской направленности (www.МВД.рф). С одной стороны, такая негативная статистика обусловлена тем, что эти общественно опасные действия стали чаще регистрироваться и адекватно квалифицироваться (п. “л” ч.2 ст.105; п. “е” ч.2 ст.111; ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ). С другой – отмечается явный рост подобного рода правонарушений. Учитывая особую социальную значимость таких деяний, в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 9 февраля 2012 г. №1 “О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности” и Указе Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 “Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года” рекомендовано

подходить к расследованию с особой тщательностью и выяснять обстоятельства, способствовавшие их совершению. Обязательно следует включать подробное изучение особенностей развития личности обвиняемых по этим преступлениям.

Тревожной общемировой тенденцией является активное проникновение идей экстремизма и терроризма в молодежную среду (Филимонов О.В., 2016; Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Винтила А., Бовина И.Б., 2017; Ошевский Д.С., 2017; Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А., 2017; Сердюк Н.В., Грищенко Л.Л., Столяренко А.М., 2018; Ульянина О.А., 2020). В обобщающем докладе “European Union Terrorism Situation and Trend Report” констатируется рост правонарушений экстремистской и террористической направленности, совершаемых молодыми людьми в странах Евросоюза (www.europol.europa.eu). Трагические события во Франции и Австрии, произошедшие осенью 2020 г., являются тому подтверждением.

Практика проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних в ФГБУ “НМИЦ ПН им. В.П. Сербского” Минздрава России показывает, что в последнее время изменился характер криминальной агрессии, совершаемой на национальной и религиозной почве (Ошевский Д.С., Бадмаева В.Д., Голуб С.В., Фастовцов Г.А., 2014). Подростки нередко создают достаточно устойчивые, хорошо организованные группы, координирующие свою деятельность с помощью закрытых сообществ в социальных сетях. В них могут входить внешне благополучные несовершеннолетние, которые положительно характеризуются по месту жительства и учебы. Вполне естественно, что после привлечения к уголовной ответственности за совершение тяжелого правонарушения у правоприменителя возникает вопрос о психическом здоровье подростка. Между тем подобное поведение может быть обусловлено целым рядом причин и требует дифференцированной оценки, в которой учитывались бы психопатологические и социально-психологические факторы, такие как индивидуальные свойства подростка, характер его психического развития, особенности поведения в группе, специфика общения в социальных сетях и т.п. Психологический анализ уголовных

дел показывает, что криминальные деликты часто носят групповой характер и предварительно планируются. Подготовка к совершению правонарушения может проходить практически незаметно для окружающих, поскольку контакты между несовершеннолетними происходят в виртуальном пространстве, а поиск информации экстремистского содержания осуществляется ими на тематических ресурсах Интернета.

В области эмпирических исследований влияния интернет-технологий на формирование экстремистских воззрений у несовершеннолетних условно можно выделить 2 направления, которые, тем не менее, имеют и взаимные пересечения. К первому направлению относятся работы, сконцентрированные на различных аспектах воздействия виртуального пространства и социальных сетей на несовершеннолетних. В них особое внимание уделяется изучению специфических информационных характеристик Интернета, которые несут в себе потенциальные угрозы, способствуя вовлечению несовершеннолетних в противоправные действия. Среди операциональных факторов обычно выделяют возможность сохранения пользователями сети анонимности, привлекательность и наглядность подачи информации, использование яркой сенсорной стимуляции и организация ее получения в игровой онлайн форме, возможность оперативно осуществлять общение с минимальными затратами и т.п. (Валитова Е.Р., 2017; Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А., 2017; Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Дренева А.А., Илюхина С.Н., 2019; и др.). Предполагается, что для несовершеннолетних в силу их естественной незрелости данные факторы имеют больший вес по сравнению со взрослыми. С содержательной точки зрения отмечается, что интернет-технологии позволяют особым образом организовать социально-психологическое взаимодействие. Еще на заре их развития D. Ronfeldt, J. Arquilla (2001), прогнозируя формирование криминальных групп экстремистской и террористической направленности, указывали, что виртуальное общение дает широкие возможности для аффиляции. Она, в свою очередь, существенно облегчает вхождение в сообщество будущих единомышленников. F.M. Moghaddam (2005, 2018)

отмечал, что использование интернет-коммуникаций приводит у разделяющих экстремистские взгляды к формированию сначала разветвленных горизонтальных социальных связей, с дальнейшей стратификацией и образованием устойчивых сообществ с жесткими вертикальными, иерархическими отношениями. Однако возможны и иные варианты, когда экстремистские идеи могут реализовываться без непосредственного руководства, а быть как бы “разлитыми” между субъектами, их разделяющими (Brown I., Kor D., 2009). А.Ш. Тхостов, К.Г. Сурнов (2005), А.Д. Тихонова, Н.В. Дворянчиков, А. Эрнст-Винтила, И.Б. Бовина (2017) рассматривали влияние интернет-технологий на процесс радикализма в молодежной среде в более широком контексте. Исследователи полагают, что процесс социализации в современном мире существенно усложнился, а доминирование массовой культуры разрушает устойчивые основания для идентификации, порождая ощущение вакуума, который индивиду необходимо заполнить. Экстремистские организации с простыми и доступными ответами на сложные жизненные вопросы предоставляют способы обретения идентичности там, где прежние основания для категоризации не срабатывают. Вместе с тем подобные механизмы, вероятнее всего, будут приводить к преступным деяниям, прежде всего субъектов с определенной личностной предрасположенностью.

Другое направление исследований фокусируется на личности правонарушителя и описании механизмов формирования экстремистских взглядов с учетом определенных факторов риска. Исследователи единодушны во мнении, что подростковый возраст является сензитивным для возможных негативных влияний информационных технологий (Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Винтила А., Бовина И.Б., 2017; Солдатова Г.У., 2018; Borum R., 2014, 2015; Meloy J.R., Yakeley J., 2014).

Анализ исследований факторов индивидуальной уязвимости к усвоению экстремистских воззрений показывает, что в качестве вербовщиков экстремистских и террористических организаций, реализующих противоправные деяния, часто привлекаются лица, страдающие психическими расстройствами (Кондратьев Ф.В., Осколкова С.Н., 2000; Post J.M.,

1999; Peay J., 2002; Silke A., 2004; Borum R., 2014, 2015). Более детальные исследования показали, что психопатологические факторы оказывают опосредующее влияние на формирование идей, связанных с террористической и экстремистской деятельностью. При этом ведущая роль принадлежит социальным и психологическим факторам (Bartol C.R., 2010; Monahan J., 2012, 2016). При изучении групп подростков, обвиняемых в экстремизме, было выявлено, что они склонны к группированию, а усвоенные ими идеи достаточно устойчивы и труднокорректируемы (Дозорцева Е.Г., Маланцева О.Д., Гурина О.Д., 2014). Аналогичные данные содержатся и в зарубежных исследованиях (Silke A., 2004; Borum R., 2014, 2015).

Таким образом, в настоящее время не вызывает сомнения тот факт, что террористическую и экстремистскую деятельность необходимо рассматривать как сложный многофакторный феномен, в котором ведущую роль играют социальные, психологические и информационные составляющие.

Попытка психологического объяснения механизмов вовлечения в террористическую деятельность была предпринята в рамках психодинамического подхода. С точки зрения S. Akhtar (1999), в процессе неправильного воспитания, эмоциональной депривации и жестокого обращения формируется специфическая нарциссическая личность. Длительное переживание в детстве своей неполноценности и уязвимости по механизму гиперкомпенсации приводит к идеям собственной исключительности. В основе мировоззрения и “Я-концепции” таких людей лежит так называемая “нарциссическая ярость”. Это когнитивно-аффективное образование жестко детерминирует поведение в системе координат “бегство-нападение”. По мнению J.W. Crayton (1983), посредством террористического акта это позволяет ослабить негативное представление о себе. Следует подчеркнуть, что при всей спорности подобных взглядов они находят отражение даже в современной судебной-экспертной практике. Был проведен анализ двух судебно-психиатрических экспертиз в отношении норвежского террориста Брейвика. Первая экспертная комиссия признала его неизменяемым с диагнозом “Параноидная психозфрения”, тем самым подчеркнув

ведущую роль психопатологического фактора. В рамках принятой судом второй экспертизы, несмотря на то что у Брейвика выявили “тяжелое нарциссическое расстройство”, он был признан вменяемым. Основной причиной “патологического самовозвеличивания”, приведшего его к терроризму, эксперты, проводившие вторую экспертизу, посчитали негативный семейный контекст (гиперопека наряду с эмоциональной холодностью и жестокостью матери при отсутствии отца), в котором он воспитывался (Melle I., 2013).

С целью объяснения возможных причин террористических атак в Палестине и действий террористической организации “Черный сентябрь” исследователи использовали концепции социального научения (Kent O., Wieg T., 1985). Дальнейшие исследования, выполненные в русле когнитивного подхода, показали высокую усваиваемость экстремистских и террористических идей детьми и подростками из низших социальных слоев общества, переживших в детстве физическое и эмоциональное насилие, а также отвергаемых их просоциальными сверстниками (Wood W., Wong F.Y., Cachere J.G., 1991).

На формирование подростковой субкультуры агрессивной направленности, в том числе экстремистской, оказывают влияние экономические, политические, макросоциальные факторы. Особая роль среди них отводится средствам массовой информации (СМИ) (Bandura A., 1973). Следует отметить, что большинство исследований относительно влияния СМИ на подростков проводилось еще до широкого распространения Интернета и социальных сетей. Однако уже тогда был выявлен ряд закономерностей, актуальных и для изучения влияния современных информационных технологий. Так, в работе R.M. Liebert, R.W. Poulos, G.S. Marmor (1977) обнаружено, что дети легко усваивают демонстрируемые в кинофильмах и рекламе деструктивные действия и проявляют подобное поведение, когда внешние обстоятельства сигнализируют об их допустимости. L.R. Huesmann, L.D. Eron (1974) показали, что у детей существует сензитивный период (8–12 лет), во время которого они наиболее восприимчивы к информации, содержащей элементы насилия в СМИ. Авторы полагают, что степень

воздействия подобной информации пропорциональна времени ее получения. Вместе с тем отмечено, что усвоение деструктивных форм поведения, транслируемых в СМИ, и их последующая реализация происходят только у части подростков. Важная роль в этом процессе отводится характеру социального окружения. В лонгитюдных исследованиях D. Farrington (2002) обнаружено, что риск агрессии и насилия возрастает в случае принадлежности ребенка к социальным слоям с низким статусом, где наблюдается расхождение между декларируемыми социальными стандартами и законными способами достижения имеющихся потребностей. Не исключено, что информация, содержащая сцены насилия и жестокости, приводит к формированию агрессивных паттернов поведения только у тех подростков, которые испытывали на себе жестокое обращение родственников, холодное отношение с их стороны, были отвергаемы сверстниками (Bartol C.R., 2010).

Подтверждение описанным закономерностям можно найти в обширном обзоре C. Crossett и J. Spitaletta (2010), выполненным на основании мета-анализа механизмов вхождения в террористические группы “подростков-джихадистов”. Согласно полученным данным, вербовщики выбирают несовершеннолетних из неполных многодетных семей с низким социально-экономическим уровнем, снабжая их литературой экстремистской направленности и демонстрируя видеозаписи уже совершенных террористических актов. В сопровождающих видеоролики комментариях поведение террористов-смертников представляется как достойный пример для подражания.

По мнению N.R. Crick, K.A. Dodge (1994), подростки, predisposed к агрессии, при предъявлении проблемных ситуаций на экране склонны давать враждебные ответы. Авторы связывают это с нарушениями селективности восприятия социальной информации, которые начинают формироваться уже в раннем детстве. В процессе восприятия и переработки информации важные ее части упускаются, при этом происходит привнесение отрицательных переживаний даже в нейтральный материал, что приводит к формированию угрожающего образа мира в целом и усилению агрессивных тенденций.

В объяснении механизмов вхождения в экстремистские сообщества заслуживает внимания концепция диффузной (спутанной) эго-идентичности (Erikson E.H., 1968), поскольку она коррелирует с рядом эмпирических данных, полученных в группах, обвиняемых в экстремизме и терроризме (Weatherston D., Moran J., 2003; Borum R., 2015). Нормальная эго-идентичность является интегрирующим психологическим образованием, которое обеспечивает стабильное, непрерывное ощущение собственной целостности, устойчивость самооценки, уверенность в себе и своем месте в социуме. С некоторыми допущениями это понятие соответствует тому, что в отечественной психологии трактуется термином “самосознание”. Эго-идентичность наиболее интенсивно развивается в возрасте 11–20 лет. Неблагоприятные варианты протекания подросткового кризиса характеризуются так называемой “диффузной идентичностью”, которая включает сомнения относительно себя, своего места в группе, в обществе, неопределенность жизненной перспективы и т.п. Острые неразрешимые конфликты, чрезвычайные ситуации, смысловые кризисы во взрослом возрасте также могут негативно влиять на эго-идентичность. Дезинтеграция личности может возникать и при психических заболеваниях, в основном в рамках расстройств шизофренического спектра и неспецифической подростковой симптоматики с выраженными чертами незрелости, ведомости и зависимости от референтной для несовершеннолетнего группы. Независимо от того, психопатологическую или психологическую природу имеет диффузная идентичность, она требует своей компенсации. У потенциальных экстремистов и террористов это происходит за счет идентификации себя с референтной группой (реальной или организованной в виртуальном пространстве). Такое сообщество воспринимается не только как единственный источник эмоциональной поддержки, но и дает простые, понятные псевдорациональные объяснения общей картины мира. Крайне поляризованный, категоричный “черно-белый” взгляд на окружающую действительность приводит к неверной ее интерпретации (Moghaddam F.M., Marsella A., 2003). Прimitивные идеи вербовщиков при этом воспринимаются

целостно в виде интроектов и не подвергаются критическому анализу. Исследования, проведенные среди несовершеннолетних, обвиняемых в агрессивных правонарушениях на национальной почве, демонстрируют сходные результаты. Оценки таких подростков, как правило, категоричны и полярны, смысловая сфера отличается конфликтностью и недифференцированностью. Подобная структура смысловых конструктов и негативных установок, по-видимому, связана с неблагоприятным семейным климатом, в котором воспитывается ребенок. Отцы таких несовершеннолетних либо вообще не поддерживают с ними отношений, либо отличаются эмоциональной холодностью (Ошевский Д.С., 2012, 2017). Вследствие этого у подростков не формируется адекватного представления о своей психосоциальной роли. Мужской образ у них отличается недифференцированностью. Гипермаскулинные модели поведения реализуются за счет вхождения в деструктивные группы, которые возможно позволяют компенсировать диффузность своей идентичности. Заслуживает внимания концепция, объясняющая формирование негативной идентичности у несовершеннолетних с экстремистскими установками за счет так называемого “персонального мифа” – поиска личностью своей целостности через механизм установления связи между идеальным, реально-бытовым и трансперсональным (Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Мацута В.В., Горчакова О.Ю., 2019).

На необходимость учета специфичности внешнего воздействия указывалось еще в классических работах по викарному научению агрессивных моделей поведения в период активного развития телевидения (Bandura A., 1973). Однако следует подчеркнуть, что развитие интернет-технологий и средств общения в социальных сетях, по-видимому, существенно модифицирует процессы восприятия информации и коммуникации. Их дальнейшее изучение будет не только способствовать более глубокому пониманию механизмов формирования противоправного поведения подростков, но и позволит наметить пути профилактики правонарушений экстремистской и террористической направленности.

Нападения несовершеннолетних на учебные заведения. Феномен Колумбайна

Проблема связи нападения на школы и влияния сети Интернет изучается лишь с недавнего времени. Информационное подкрепление идей о нападении и его планирование происходит как путем получения информации о ранее совершенных нападениях, так и через создание сообществ, в рамках которых прямым и косвенным образом осуществляется взаимная поддержка участников.

Самый известный инцидент среди нападений на учебные заведения – расстрел в школе Колумбайн – приобрел чрезвычайно широкую популярность среди подростков, в том числе благодаря сети Интернет. Доступ к сетевому взаимодействию позволил фанатам Колумбайна по всему миру обсуждать это событие, осмыслять его в качестве образца для себя, воплощающего желаемое поведение, благодаря чему жестокий криминальный акт приобрел романтической ореол и стал вдохновлять подростков на подобные действия. Сценарий проникновения в школу и нанесения повреждений учащимся и учителям анализируется не только в США, но и в России, и в настоящее время часто сопровождается ссылками на этот инцидент.

Образовавшиеся группы в сети Интернет получили тысячи подписчиков, а информация о каждом последующем нападении немедленно публиковалась и подробно обсуждалась. R. Larkin (2018) предполагает, что ряд нападавших вдохновлялись именно расстрелом в школе Колумбайн, а культура массовых нападений обогатилась за счет подробных обсуждений. В частности, Элиот Роджер, в 2014 г. совершивший нападение на своих соседей по общежитию в колледже и горожан, был типичным пост-Колумбайн-стрелком – активным участником сообществ, развивавших человеконенавистнические и мизогинистические идеи, убеждения превосходства и токсичной маскулинности (Larkin R.W., 2018).

Внимание к высокоактуальной теме растущей изопренности цифровых и виртуальных технологий, используемых популярной культурой и средствами массовой информации, уделено в работе А. Де Венанзи (2012), указывая на нарциссическую со-

ставляющую самопредъявления в цифровом пространстве, что представляет собой риск в сочетании с карательными мерами регуляции дисциплины в школах, иерархичностью социальных школьных сообществ и тривиализацией в популярной культуре негативных исходов проблемных ситуаций. К тенденции привлекать публичное внимание, к широкой социальной декларации своих намерений нападающими как к фактору риска обращается также Б. Бушман (2018).

В исследовании К. Ли (2018) изучалась закономерность связей между двумя переменными: распространением массовой съемки новостей в социальных сетях в ситуациях школьных нападений (массовым расстрелам в Колумбайне, Вирджинии и Паркленде) и росту подобных преступлений. Съемки в этих случаях школьных нападений проходили в три отдельные эпохи распространения информации (в том числе в социальных сетях). Факты, проанализированные в исследовании, свидетельствуют о том, что увеличение использования социальных сетей совпало с увеличением числа массовых расстрелов.

В определенной мере психологические механизмы формирования агрессивных установок у подростков под влиянием информации интернет-групп фанатов Колумбайн сходны с описанным ранее формированием экстремистских взглядов у несовершеннолетних. Дефициты разнообразных социальных коммуникаций, конфликты с окружением, буллинг, подверженность жестокому обращению или социальной изоляции, отсутствие поддержки со стороны родителей не позволяют подростку сформировать положительный образ Я и развить интегрированную идентичность (Verlinden S., Hersen M., Thomas J., 2000; O'Toole M.E., 2000; Leary M.R. et al., 2003; Agnich L.E., 2015). Идеализированный образ колумбайнера, почерпнутый в сети Интернет, помог ему найти приемлемую модель и идентифицироваться с ней. Однако феномен Колумбайна объясняется не только социальными причинами, но и рядом других факторов, в том числе психопатологическими (Langman P., 2009; Gerard F.J. et al., 2016), что требует рассмотрения их в общей системе влияний (Mears D.P., Moon M., Thielo A.J., 2017). Не следует также упускать из виду то обстоятельство, что гетеро-

агрессивные действия не были единственной конечной целью несовершеннолетних, следующих модели поведения колумбайнеров. Их последним шагом должно было быть самоубийство. Именно так они видели выход из ситуации с одновременным превращением их самих в героические фигуры. Выделение в этом процессе формирования колумбайнера места взаимодействий и взаимовлияний в интернет-среде – непростая, но важная задача исследования, в том числе в рамках экспертной деятельности.

Онлайн формы реализации аутодеструктивного и суицидального поведения среди несовершеннолетних

Все большее внимание исследователей привлекает влияние сети Интернет на суицидальное поведение подростков. По данным американских психологов (Messias E., Castro J., Saini A., 2011), занятие видеоиграми или погружение в Интернет больше, чем на 5 часов в день, связано с риском депрессии и появления суицидальных мыслей. Особое значение имеет поиск подростками с суицидальными идеями информации на темы, связанные с суицидом. Подобные поиски стимулируют суицидальное поведение как подростков, так и молодых взрослых (Durkee T., Hadlaczky G., Westerlund M., 2011) с высокой вероятностью завершенных суицидов (Hagihara A., Miyazaki S., Abe T., 2012). Непосредственное общение или контакты в социальных сетях со сверстниками, склонными к суицидальному поведению, также оказывает провоцирующее влияние на суицидальные тенденции подростков (Zimmerman G.M., Rees C., Posick C., Zimmerman L.A., 2016). Данная проблема особенно актуальна в настоящее время и для России в связи с рядом “громких” случаев самоубийств, в которых родственники погибших указывают на их вовлеченность в деятельность так называемых “групп самоубийц” в социальной сети “ВКонтакте”. Вместе с тем в этой сфере необходимы дальнейшие исследования (Вихристюк О.В., 2013). Усиленного внимания требует оценка роли данных факторов в генезе суицидального поведения как центральных, ведущих или периферических.

Всемирная организация здравоохранения дает общие рекомендации по освещению суицидального поведения в средствах массовой информации, к которым также могут относиться и публикации в сети Интернет. Так, ВОЗ официально заявляет, что “на популяционном уровне рекомендуется ответственное сообщение о самоубийстве (например, избегать выражений, которые делают самоубийство сенсационным или нормализуют его, или представляют его как решение проблемы, избегать изображений и подробного описания использованного метода, а также предоставлять информацию о том, куда обращаться за помощью) для снижения суицидального поведения”. Учреждениям здравоохранения рекомендуется оказывать помощь средствам массовой информации и поощрять их к соблюдению практики ответственного освещения суицидального поведения (https://www.who.int/mental_health/mhgap/evidence/suicide/q9/en/).

Общественно опасные деяния против половой неприкосновенности, совершаемые подростками с использованием сети Интернет

Одним из часто встречающихся видов противоправного поведения подростков в сети Интернет являются правонарушения сексуального характера.

Сексуально ориентированное поведение подростков в сети Интернет включает различные формы активности, среди которых – общение на сексуальные темы, инициирование обмена интимными фотографиями, в том числе с лицами младшего возраста, в некоторых случаях сопровождающееся угрозами, шантажом. Впоследствии полученные интимные изображения могут быть отправлены, в том числе без ведома того, кто на них представлен, одному или нескольким выбранным получателям по электронной почте, социальным сетям, а также быть опубликованными на различных онлайн-форумах, в результате чего они становятся общедоступными для всех посетителей сайта. Отправка или публикация откровенных фотографий носит название “секстинга”. В ходе интервью, проведенного в рамках проекта ЕС SPIRTO (Великобритания), молодые люди

назвали несколько причин рассылки своих обнаженных фотографий. Такие действия служили для них развлечением, способом флиртовать и знакомиться с новыми людьми, исследовать собственную сексуальность или получить подтверждение своей сексуальной привлекательности. Они считали эти действия “социально приемлемыми” (“все делают это”), ожидаемыми в случае, когда люди состоят в романтических отношениях. Просьба или требование от другого лица прислать интимные фотографии были лишь одной из названных причин (Jonsson L., Cooper K. et al., 2015). Таким образом, побудительный мотив отправки своих откровенных фотографий подростками заключался скорее в реализации ими познавательного интереса и использовании такой формы взаимодействия в качестве коммуникации, а вовсе не в стремлении к удовлетворению собственных сексуальных потребностей. Тем не менее в ситуации, когда адресатом или отправителем откровенных фотографий является малолетний, действия подростков принимают характер уголовно наказуемых.

Еще одним вариантом сексуального злоупотребления в Интернете является контакт с детьми для достижения сексуальных целей (“онлайн груминг”, или кибергруминг), насилие по отношению к ребенку, с которым он никогда не встречался в реальной жизни (“виртуальное сексуальное насилие”), сексуальная эксплуатация (Landberg A., Jonsson L.S., 2018). Среди обвиняемых в такого рода действиях абсолютное большинство составляют взрослые мужчины. Однако определенная часть случаев сексуального злоупотребления по отношению к детям в виртуальной среде приходится и на долю несовершеннолетних.

В целом можно выделить 3 основные цели, которые преследуют правонарушители при общении с малолетними жертвами:

- 1) совершить сексуальные действия в реальной жизни путем организации личной встречи;
- 2) получить доступ к личным материалам интимного характера (фотографиям, видеоизображениям) несовершеннолетнего;
- 3) совершить сексуальные действия в онлайн-пространстве (Дозорцева Е.Г., Медведева А.С., 2019).

Взрослые или подростки, которые вступают в контакт с детьми в Интернете, используют для этих целей различные стратегии. Одна из них заключается в предварительном установлении с ребенком посредством онлайн-беседы более тесного контакта, формировании близких доверительных отношений с последующей реализацией собственных сексуальных устремлений. Другая стратегия предполагает быстрый переход к обсуждению сексуальных тем и конкретных предложений сексуального характера с расчетом на эффект неожиданности и возникновение у малолетних реакций страха и растерянности. Для этого правонарушители используют реальные угрозы и шантаж, стремясь оказать на ребенка давление с тем, чтобы вынудить его дать согласие на вступление в интимные отношения (в виртуальной форме или позже в ходе реальной встречи). Первая разновидность сексуальных домогательств ориентирована в большей степени на удовлетворение потребности ребенка в дружбе и любви, обидчик использует эмоциональный контакт как оружие, с помощью которого можно эксплуатировать ребенка (Дозорцева Е.Г., Медведева А.С., 2019).

Несовершеннолетние, совершающие преступления сексуального характера, отличаются от взрослых сексуальных преступников. Это связано прежде всего с тем, что психические процессы и личностная сфера подростков находятся на этапе своего формирования (Firat S., Iltas Y., 2016). Исследования показали, что большинство подростков, совершивших правонарушения сексуального характера, в своей взрослой жизни, как правило, не повторяют аналогичных деликтов (Zimring F.E., Jennings W.G. et al., 2009; Caldwell M.F., 2010). Таким образом, сексуализированное поведение может рассматриваться как специфичное и обусловленное возрастными причинами (Righthand S., Murphy W., 2017). Важной особенностью несовершеннолетних, совершивших сексуальные преступления, является то, что они чаще, чем лица с иными деликтами, на ранних этапах своего развития перенесли физическое, эмоциональное и особенно сексуальное насилие. Несовершеннолетние правонарушители, растлевающие детей младшего возраста, сами подвергались сексуальному насилию в детстве чаще,

чем подростки, чьи противоправные действия были направлены на сверстников или взрослых жертв. Многочисленные авторы отмечают связь между фактом жестокого обращения в детстве и устойчивым преступным сексуальным поведением (Righthand S., Murphy W., 2017).

Наиболее заметные различия между несовершеннолетними правонарушителями и их просоциальными ровесниками заключаются в состоянии психического здоровья и социального функционирования. Их повышенная скорость интернализации эмоциональных проблем контрастирует с антисоциальными и экстернальными проблемами сверстников и требует диагностики и, при необходимости, соответствующего лечения. У несовершеннолетних правонарушителей с сексуальными деликтами преобладают трудности социального взаимодействия, они в большей степени изолированы от общества. Подростки, совершившие сексуальные правонарушения, объектами которых выступали дети, могут иметь больший дефицит социальных навыков по сравнению с теми, кто совершал правонарушения в отношении сверстников и взрослых (Righthand S., Murphy W., 2017). При исследовании социальных установок авторы выявили, что подростки, совершившие правонарушения сексуального характера, демонстрируют больше когнитивных искажений, у них в большей степени сформированы антиобщественные взгляды и убеждения по сравнению с подростками общей популяции, но в меньшей степени, чем у подростков, обвиняемых в совершении других видов преступлений (Brown J., 2004).

Преступления против несовершеннолетних с использованием современных информационных технологий и сети Интернет

По данным криминологических исследований, несовершеннолетние представляют собой одну из самых подверженных насилию и злоупотреблению групп населения. За последние 3 года зафиксирован устойчивый рост количества преступлений, совершенных в отношении детей и подростков, в целом на 10%. При этом более 40% потерпевших находились в возрасте до 10 лет (данные Следственного Комитета РФ).

Развитие информационных технологий, возникновение альтернативных способов общения и взаимодействия способствуют возникновению новых видов насилия и злоупотребления. Кроме того, преступления, совершаемые в сети, имеют более высокую латентность по сравнению с другими видами правонарушений. Рост данного вида преступлений привел к тому, что в 2017 г. в МВД были созданы специальные структуры (управление “К”) для борьбы, в том числе с распространением детской порнографии и склонениями к суициду, а в 2020 г. принято решение о создании в структуре МВД отдела киберполиции для борьбы с цифровыми преступлениями.

Сексуальные домогательства и эксплуатация в коммерческих целях несовершеннолетних являются наиболее скрытыми и опасными видами криминальной агрессии. Сексуальные домогательства, или кибергруминг, как уже отмечалось выше, включают в себя выстраивание доверительных отношений с ребенком для его подготовки к дальнейшему сексуальному злоупотреблению (Ioannou M., Synnott J., Reynolds A., Pearson J.A., 2018).

Согласно опросу школьников Москвы и Московской области, проведенному Г.У. Солдатовой и ее коллегами среди 14–17 летних подростков, 48% сталкивались с предложениями пообщаться на интимные темы, выслать фото или видео в обнаженном виде. В 2017 г. среди обратившихся на линию помощи “Дети онлайн” 33% просили поддержки именно в решении проблемы сексуальных домогательств (Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю., 2013; Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. и др., 2013; Солдатова Г.У., Ртищева М.А., Серегина В.В., 2017). Шведские исследователи безопасности детей в Интернете говорят о том, что 45% всех нежелательных контактов несовершеннолетних начинается с общения в сети, 42% детей являются жертвами одного посягателя, 27% – двух, 30% – трех и более (Landberg A., Jonsson L., 2018).

Отличительными особенностями развратных действий в Интернете являются:

- 1) доступность (посягатель может быть на связи с жертвой в любое время);

- 2) анонимность (зачастую жертва не знает с кем она общается на самом деле);
- 3) мнимое чувство безопасности для жертвы (дети, не знают, что они являются жертвой преступления и могут обратиться за помощью);
- 4) широкий диапазон социальных последствий;
- 5) высокая латентность;
- 6) формирование у жертвы девиантного сексуального поведения (Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Львова Е.Н., 2017; Landberg A., Jonsson L., 2018).

Исследование кибергруминга до последнего времени в основном входило в сферу интересов юристов. Многие исследования были посвящены изучению правовых основ и особенностей раскрытия данного вида криминальной агрессии (Атабекова А.А., 2017; Антонов О.Ю., 2018; и др.).

Психологические исследования проводятся по нескольким направлениям. В рамках психолингвистической экспертизы изучается переписка жертвы и посягателя (Бельская Н.С., 2015; Волохова Л.А., 2017; Шеремет О.А., Шипшин С.Н., 2017; и др.). Задачами судебной лингвистической и психолингвистической экспертизы являются: определение коммуникативных ролей участников переписки; установление наличия/отсутствия побуждения к различным действиям сексуальной окрашенности; выявление признаков психологического воздействия на ребенка. Исследователи, изучавшие взаимодействие жертвы и посягателя также вне рамок судебной экспертизы, выявили коммуникативные приемы, которые используют грумеры с целью налаживания контакта с несовершеннолетними, описывали стадии их взаимодействия (Медведева А.С., 2019; Корчагин Н.Ю., Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шульга Т.И., 2020). Была предложена классификация детей и подростков в зависимости от их реакции в ответ на преступные посягательства в сети (Медведева А.С., 2019; Webster S. et al., 2012).

Прицельное исследование жертв груминга проводилось для разработки профилактических мер, направленных на предотвращение сексуальных домогательств к несовершеннолетним. Исследователей интересовало, какие особенности предопреде-

ляют большую подверженность детей и подростков развратным действиям, как они воспринимают и как реагируют на интеракции гуглера (Медведева А.С., 2020; Whittle H. et al., 2013).

Посягатель не всегда использует видео- и фотоматериалы, полученные от жертв, в личных целях. Зачастую задачей гуглера является коммерческая эксплуатация несовершеннолетнего. По данным управления “К” по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий МВД России, в сети Интернет распространяется 75% всей детской порнопродукции. Правовая практика показывает, что снижение выявления случаев создания и распространения детской порнографии связано со спецификой способа совершения данного вида преступлений. Новые возможности глобальной сети позволяют преступникам запутывать следы и затрудняют установление их личности. Остается проблемным определение и личности жертв преступлений. Наиболее виктимной группой по отношению к такого рода правонарушениям являются подростки в возрасте 12–16 лет, но при этом установить их несовершеннолетний возраст визуально весьма затруднительно. Несмотря на то, что изготовление и распространение порнопродукции в сети Интернет приобретает все большие масштабы, в России возбуждение уголовных дел по ст.242 УК РФ (“Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов”) еще достаточно редкое явление (Белобородова И.В., 2015; Корбут Л.В., 2017).

Согласно российскому уголовному законодательству, потерпевшие по делам о сексуальной неприкосновенности, не достигшие 12 лет, считаются находящимися в беспомощном состоянии, так как они не могли понимать характер и значение совершаемых с ними действий и оказывать сопротивления. По отношению к несовершеннолетним, достигшим этого возраста, для выяснения указанных обстоятельств проводится комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза. Специфика коммуникативного взаимодействия преступника с потерпевшим в сети Интернет, стратегическая завуалированность его воздействия на подростка требует уточнения критериев экспертной оценки потенциальной способности и актуальной возможности потерпевшего (потерпевшей) понимать характер

и значение противоправных действий виновного и оказывать ему сопротивление.

Важными задачами общества является предупреждение преступлений подобного рода путем повышения осведомленности детей и подростков о возможных угрозах в интернет-среде, а также оказание реабилитационной помощи несовершеннолетним, пострадавшим от киберагрессии.

Теоретические и практические аспекты профилактики кибернасилия в отношении детей и подростков и проблема оценки результативности превентивных программ

Необходимость осуществлять заботу о здоровье и благополучии несовершеннолетних, их информационной безопасности, а также большой урон, который несут негативные последствия кибернасилия для детей и подростков, выдвигают на передний план профилактику противоправного и деструктивного воздействия на несовершеннолетних, реализуемого посредством сети Интернет (Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А., 2016; Солдатова Г.У., 2019; Kochenderfer B.J., Ladd G.W., 1996; Vreeman R.C., Aaron E., Carroll M.D., 2007; Gini G., Pozzoli T., 2013).

К средствам профилактики во многих странах относятся специальные интернет-ресурсы, информирующие детей и их родителей о возможных угрозах в сети Интернет и оказывающие поддержку пострадавшим от кибернасилия в форме консультаций. В России действует служба телефонной и онлайн информационной и психологической помощи “Дети онлайн” (<http://www.fid.su/projects/detionline>). Кроме того, функционируют телефоны доверия для детей и подростков, по которым пострадавшие и их родители могут позвонить и получить помощь.

В нашей стране и за рубежом активно разрабатываются и внедряются в практику многочисленные программы профилактики кибернасилия в отношении несовершеннолетних. Среди программ профилактики кибернасилия по отношению к подросткам можно выделить две группы, различающихся с точки

зрения своей направленности, целевой аудитории, а также разрабатывающих их специалистов. Так, в криминологических исследованиях предпринимаются попытки выделить основные способы вовлечения несовершеннолетних в преступления с использованием сети Интернет, изучить отдельные виды такой преступной деятельности в отношении детей и подростков с последующей разработкой на их основе конкретных мер по предупреждению преступности несовершеннолетних, в том числе с помощью повышения их правовой культуры (Касаев И.Х., Богомолова К.И., Панова Ю.А., 2019). Наряду с этим проводятся исследования информационного контента сети Интернет, анализируется его роль в преобразовании социальных установок, деформации правосознания и поведения несовершеннолетних (Кузнецова Е.В., 2019).

Криминологический подход к проблемам превенции условно можно назвать “ограничительным”, поскольку в его основе лежат меры, направленные либо на введение временных ограничений доступа несовершеннолетних к сети Интернет, в частности средствами родительского контроля, либо выявление потенциально вредоносного сетевого контента и обеспечение его недоступности для детей и подростков путем блокировки соответствующих сайтов, страниц в социальных сетях и т.д. Основной недостаток таких программ профилактики заключается в том, что несовершеннолетние по отношению к данным мерам рассматриваются как пассивный потребитель контента, который нуждается в защите от вредоносных влияний Интернета и внешнем контроле. Исключение в данном подходе представляют программы, целью которых служит формирование правовой грамотности несовершеннолетних, а также обучение их навыкам безопасного использования виртуального пространства.

Наиболее перспективным в настоящее время представляется разработка профилактических программ, направленных на формирование позитивной цифровой культуры несовершеннолетних в сети Интернет, повышение цифровой грамотности, предотвращение деструктивного поведения подростков и молодежи в сети Интернет (Солдатова Г.У., 2019).

В исследованиях приводятся различные классификации профилактических программ, нацеленных на предотвращение проявлений кибернасилия в отношении детей и подростков. В основу таких классификаций могут быть положены целевая группа, на работу с которой направлена профилактическая программа,

Анализ исследуемых превентивных программ позволил разделить их на две категории. Первую составили программы, направленные на самый широкий спектр участников, в них включались дети и подростки различных возрастных групп, без гендерных различий, нередко и члены их семей. Число участников таких программ могло составлять от нескольких десятков до нескольких тысяч человек, а продолжительность – от нескольких недель до 2–3 лет. Вторую категорию составили программы, сфокусированные на определенных группах детей и подростков (мальчики, жертвы насилия, дети из групп социального риска и т.д.). Как правило, они включали относительно небольшие группы участников (в пределах 100 человек) и имели продолжительность не более одного календарного года.

Большинство превентивных мер, направленных на работу с широкой аудиторией, реализовывались в масштабах школы. В качестве неумолимой предпосылки к работе в рамках таких программ выдвигался постулат, что “буллинг и кибербуллинг – следствие общего неблагоприятного климата” в данной школе. Как следствие, программы включали в себя несколько уровней работы: учащиеся всей школы, класса, учителя, родители, ученики индивидуальных и малых групп. Проводились как традиционные учебные мероприятия (уроки, тренинги, посвященные проблеме насилия), так и психотерапевтические групповые и индивидуальные встречи. Из терапевтических вмешательств доминировали когнитивно-поведенческая и поведенческая терапия (Li K.K., Washburn I., DuBois D.L. et al., 2001; Fekkes M., Pijpers F.I., Verloove-Vanhorick S.P., 2006; Fonagy P., Twemlow S.W., Vernberg E.M. et al., 2009; Cross D., Monks H., Hall M. et al., 2010; Kärnä A., Voeten M., Little T.D., Poskiparta E., Kaljonen A., Salmivalli C., 2011; Williford A., Boulton A., Noland B., Little T.D., Kärnä A., Salmivalli C., 2012;

Lewis K.M., Schure M.B., Bavarian N. et al., 2013; Williford A., Elledge L.C., Boulton A.J., DePaolis K.J., Little T.D., Salmivalli C., 2013). Примером одной из научно-обоснованных программ, направленных на уменьшение травли в школах, в том числе и кибернасилия, является программа KiVa. Главная идея ее заключается в том, что у агрессора снижается мотивация к совершению насильственных действий так как он перестает получать ожидаемое от зрителей социальное одобрение. В работу включаются школьники разных возрастных групп. Программа состоит из трех шагов и включает профилактические мероприятия, разрешение инцидентов травли, оценку и анализ результатов. В структуре программы предусмотрены аудиторные занятия, разбор реальных и обобщенных случаев насилия, обучение реакции на него в форме поддержки жертвы и поиска путей прекращения издевательств. Кроме того, в рамках программы разработана и тренинговая компьютерная игра (Salmivalli C., Voeten M., 2004; Caravita S., DiBlasio P., Salmivalli C., 2009; Pöyhönen V., Juvonen J., Salmivalli C., 2010; Salmivalli C., Poskiparta E.M., 2012). Программа KiVa показала высокую эффективность в уменьшении кибербуллинга и косвенно повлияла на снижение показателей тревоги и депрессии у учащихся тех школ, где она использовалась. Необходимо отметить, что большое количество сходных программ, разработанных различными авторами в разных странах и реализованных в масштабах от 1–2 школ до целого города и даже государства, показывали очень противоречивые результаты. Вместе с тем программы П.К. Смита и Д. Олвеуса и ряд других, построенных на принципе строго регламентированного поведения в ответ на кибербуллинг и реальное насилие (Peters R.D.V., McMahon R.J., Quinsey V.L., Olweus D., 1992; Smith P.K., Sharp S., 1994; Olweus D., 1996; Stevens V., De Bourdeaudhuij I., Van Oost P., 2000; Sugai G., Horner R.H., 2001; Berry K., Hunt C.J., 2001; Twemlow S.W., Fonagy P., Sacco F.C., 2005; Fonagy P., Twemlow S.W., Vernberg E.M. et al., 2009; Williford A., Elledge L.C., Boulton A.J., DePaolis K.J., Little T.D., Salmivalli C., 2013), включая Фламандскую школьную программу против насилия, программу Friendly Schools и Программу позитивного поведенче-

ского вмешательства и поддержки (SWPBIS) демонстрировали в ряде школ высокие результаты (показатели насилия снижались на 40%), а в некоторых учебных заведениях не давали никакого эффекта.

Среди учащихся средней и старшей школы положительные результаты продемонстрировали помимо программы KiVa, также и такие, как “Шаг к уважению” (STR) и “Вопросы молодежи”. Они основаны на стимулировании позитивных реакций у сторонних наблюдателей – от демонстративного игнорирования учеников, допускающих насильственные действия, до активного противодействия буллингу и сообщения о нем школьному психологу. Особое внимание в программах по превенции травли в школах уделялось участию педагогов и активистов родительского сообщества. Авторы программ исходили из четырех главных принципов: разрушения системы поощрения насильственного поведения со стороны ее пассивных участников; формирования новых групповых норм и ценностей; умения отстаивать интересы и позиции в группе, даже если некоторые участники группы сознательно их нарушают; а также владения набором социальных, когнитивных и эмоциональных навыков, которые дают детям инструменты для решения проблем. Основной мишенью указанных программ становились относительно небольшие группы детей, как правило, классы. По сообщениям авторов, в тех классах, где программы были реализованы, “значительно снижался” общий уровень насилия, а если в программу включались сразу несколько классов в одной школе, то это давало “эффект синергии” (Hawkins J.D., Catalano R.F., Hawkins J.D., 1996; Frey K.S., Hirschstein M.K., Snell J.L., Edstrom L.V., MacKenzie E.P., Broderick C.J., 2005; Jenson J.M., Dieterich W.A., 2007). Следует обратить внимание на то, что многие из рассмотренных программ были разработаны для превенции школьного насилия, а с возникновением явления кибербуллинга были успешно адаптированы под него. Хотя, на первый взгляд, с позиций доказательности эффективность программ может показаться не всегда убедительной, педагоги и родители настаивают на их проведении, несмотря на их высокую материальную затратность. В частности, для

включения в программу KiVa школа обязана пригласить в штат не менее 3 сертифицированных центром KiVa специалистов, провести обучение всего школьного персонала и активистов из числа родителей и интегрировать элементы программы в ежедневный план уроков, что повышает аудиторную нагрузку на учеников и педагогов в среднем на 1 час ежедневно. Также школа обязана проводить постоянные наблюдения, диагностику, исследовать ситуацию, что обходится ей около 1 млн евро в год. Однако не менее 90% школ в Финляндии и более 50% школ в Эстонии, Швеции, Бельгии, Испании и Норвегии работают по программе KiVa (www.kiwaprogramm.net) (Bhat C.S., 2008; Ttofi M.M., Farrington D.P., 2011; Levy N., Cortesi S., Crowley E., Beaton M., Casey J. et al., 2012).

Программы, направленные на преодоление проблемы школьного насилия, реализуемые в локальных группах, обычно фокусируются не столько на собственно его профилактике, сколько на предотвращении его негативных последствий. Как правило, это систематические психотерапевтические и психокоррекционные программы, объектом которых являются жертвы насилия (Макушкин Е.В., Вострокнутов Н.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., 2007; Пережогин Л.О., Девятова О.Е., Пережогина О.В., 2009; DeRosier M.E., 2004; Berry K., Hunt C.J., 2007). Подобных программ, которые могли бы быть включены в данную группу, достаточно много. Однако они отличаются, как правило, небольшим объемом выборок и не содержат указаний на катамнестические результаты. В частности, нам не удалось найти ни одной программы, в которой в качестве отдаленного катамнеза у участников указывалось бы на снижение риска стать жертвой насилия. В большинстве программ при работе с пострадавшими используются психотерапевтические подходы в виде когнитивно-поведенческой и телесно-ориентированной терапии. При этом психокоррекционная и психотерапевтическая помощь несовершеннолетним жертвам в современных условиях должна осуществляться в рамках комплексного социально-психолого-психиатрического подхода к оценке нарушений их психического здоровья с обеспечением консультативной, лечебно-терапевтической и реа-

билитационной помощи (Макушкин Е.В., Вострокнутов Н.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., 2007).

Значительно реже в доступных публикациях отмечаются работы, посвященные профилактике враждебного поведения несовершеннолетних в Интернете. Вероятно это связано с тем, что подобные действия в подавляющем большинстве не рассматриваются как преступления, и не попадают в программы по профилактике криминального поведения несовершеннолетних и молодежи, действующих во многих странах, включая Россию. Исключением является секстинг, который подпадает под уголовное законодательство, и соответственно его жертвы могут быть включены в специальные программы профилактики (Bauman S., 2015; Villacampa C., 2017; Medrano J.L.J., Lopez Rosales F., Gámez-Guadix M., 2018).

Отдельного внимания также заслуживают программы, направленные на профилактику детских и подростковых суицидов, разработанные в контексте кибербуллинга. Их важным позитивным отличием являются мероприятия по оценке уровня тревожности, депрессии и степени суицидального риска. Для участия в этих программах, как правило, проводится персональный отбор детей и подростков, работа ведется как в малых группах, так и индивидуально. В составе команды сотрудников, осуществляющих работу по подобной программе, обязательно присутствуют врачи. В России реализация дифференцированных программ предупреждения суицидов несовершеннолетних осуществляется в медицинских, преимущественно в психиатрических учреждениях квалифицированными специалистами (Klomek A.B., Sourander A., Kumpulainen K., Piha J., Tamminen T. et al., 2008; Levy N., Cortesi S., Crowley E., Beaton M., Casey J. et al., 2012; Heikkila H.K., Vaananen J., Helminen M., Frojd S., Marttunen M. et al., 2013; Olweus D., 2013).

Таким образом, насилие в школьной среде достаточно изученное явление. Однако, будучи перенесенным в интернет-пространство, оно, с одной стороны, сохранило свои основные черты, вместе с тем претерпело существенные изменения: приобрело значительную протяженность во времени, расширило аудиторию источников травли и их жертв, переросло из

физической в плоскость морального унижения (оскорбления, публикация и распространение компрометирующих фото, информации и т.д.). Кроме того, значительно снизились возможности привлечения к ответственности обидчика, как правило, в связи с его анонимностью. Несомненно, с феноменологической трансформацией насилия потребовалось его концептуальное осмысление, и возникла необходимость разработки новых моделей превенции (Olweus D., 1996; Salmivalli C., Poskiparta E.M., 2012). Рассмотренные программы в подавляющем большинстве представляют собой адаптированные под профилактику кибербуллинга мероприятия, использующиеся в целях снижения показателей школьного насилия. Несмотря на сложность и высокую стоимость их реализации, они востребованы в различных странах. Некоторые из предложенных программ подтвердили свою эффективность, продемонстрировав статистически достоверные показатели снижения уровня насилия.

В завершение необходимо отметить, что существующие программы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних при их системном использовании способны существенно снизить общий уровень насилия в школьном коллективе. На проявления кибербуллинга, по всей видимости, они влияют в меньшей степени, поскольку дети с поведенческими нарушениями склонны в большей степени к реальной, физической агрессии. Наибольшего успеха в превенции насилия в информационной среде достигают программы, интегрируемые в систему воспитания детей и подростков, использующие ресурсы школы, семьи, других общественных институтов, которые и стали объектом нашего анализа.

Наиболее результативными в профилактике кибернасилия в школьной среде являются программы, учитывающие возрастные и гендерные особенности, социальные и экономические факторы, воздействие (в самом широком смысле) культурной среды, использующие в процессе работы валидные психометрические инструменты, и сочетанные методы социального, психолого-педагогического и психотерапевтического воздействия. Несомненно, профилактика и преодоление проблемной ситуации должны базироваться на межведомственном подходе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Практика и научные исследования последних лет отчетливо свидетельствуют о том, что число и спектр деструктивных и противоправных действий, совершаемых несовершеннолетними и в их отношении, в сети Интернет постоянно возрастают. Возможности виртуального мира могут быть использованы как во благо, так и во вред, и все более насущной становится задача минимизации этого вреда и защиты от него детей и подростков.

Несмотря на то, что многочисленные исследования, посвященные Интернету и его влиянию на различные сферы жизни, ведутся в течение последних десятилетий, они отличаются отсутствием единой методологической базы, разрозненностью полученных эмпирических данных, недостаточным уровнем их научного обобщения. В настоящее время перед исследователями стоят задачи обновления многих научных представлений. Изменяются нормы возрастного развития с учетом нахождения детей и подростков практически с рождения в условиях смешанной реальности; иного, чем у их родителей, развития когнитивных психических функций при постоянном контакте с цифровыми носителями, а также коммуникаций со сверстниками. Уточнения требуют также феномены нормального и аномального развития.

Большое значение приобретает проблема норм общения в сети Интернет и в социальных сетях. Представления взрослых и детей о допустимом, неодобряемом и наказуемом, в том числе в рамках правовой ответственности (административной или уголовной) должны складываться в непротиворечивую систему этики и права в сети Интернет. В настоящее время она еще не сложилась и находится в стадии формирования, поэтому исследования в этой сфере могут помочь ее становлению. Одновременно в системе российского уголовного законодательства происходит процесс криминализации деструктивных действий, которые ранее не рассматривались в качестве уголовно наказуемых либо санкционировались с помощью статей, не учитывающих специфику интернет-среды и интернет-коммуникаций. Все это найдет отражение в практике комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, которая

потребует уточнения и разработки новых критериев оценки характеристик психического развития и уголовно релевантных способностей несовершеннолетних, в частности, касающихся адекватного осмысления несовершеннолетними обвиняемыми и потерпевшими противоправных действий, совершаемых ими самими либо по отношению к ним, а также способности оказывать сопротивление криминальному воздействию в виртуальной реальности.

Дети и подростки относятся к наиболее уязвимой категории пользователей сети Интернет. Как показывает практика, они часто становятся жертвами кибернасилия, сексуальных домогательств, сами вовлекаются в совершение киберпреступлений. Изучение внешних и внутренних факторов, делающих их, с одной стороны, более виктимными, подверженными киберагрессии, давлению, кибергруммингу, с другой – более жизнестойкими и резистентными негативным влияниям, даст возможность разработки эффективных профилактических и коррекционных программ, которые позволят повысить устойчивость детей и подростков к негативным влияниям в киберпространстве, ликвидировать их последствия, а также развить этические и соответствующие правовым нормам формы поведения несовершеннолетних в сети Интернет.

Литература

Антонов О.Ю. Криминалистические основы противодействия распространению порнографических материалов в информационно – телекоммуникационных сетях // Научный вестник Омской академии МВД России. – № 1 (68). – 2018. – С. 30-36.

Антонян Ю.М., Бражников Д.А., Гончарова М.В. и др. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: Аналитический обзор. – М.: ФГКУ “ВНИИ МВД России”, 2018. – 86 с.

Атабекова А.А., Букалерова Л.А., Симонова М.А., Ястребов О.А. К вопросу об имплементации положений Лансаротской конвенции в Российское и зарубежное законодательство // Всероссийский криминологический журнал. – Т. 11. № 2. – 2017. – С. 426-434.

Бабаева Ю. Д., Войскунский А. Е., Кобелев В. В., Тихомиров О. К. Диалог с ЭВМ: психологические аспекты // Вопросы психологии. – № 2. – 1983. – С. 25-34.

Белинская Е.П. Идентичность в транзитивном обществе: виртуальность и реальность // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека. Сборник научных статей и материалов международной конференции “Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека”, 14–17 февраля 2018 г., Коломна. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. – С. 43-48.

Белобородова И.В. Законодательство стран СНГ о предотвращении сексуальной эксплуатации несовершеннолетних // Казанская наука. – 2015. – № 11. – С. 209-211.

Бельская Н.С. Речевой жанр секстинга в судебной лингвистической экспертизе интернет-коммуникации при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1 (61). – Т. 2. – С. 170-176.

Бенгина Е.А., Гришаева С.А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка // Вестник ГУУ. – 2018. – № 2. – С. 153-157.

Бочавер А.А., Догука С.В., Сивак Е.В., Смирнов И.Б. Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков // Клиническая и специальная психология. – 2019. – Т. 8. № 3. – С. 1-18.

Букалерова Л.А., Атабекова А.А., Симонова М.А. О необходимости криминализации предложения несовершеннолетнему вступить в сексуальный контакт // Административное и муниципальное право. – № 6 (90). – 2015. – С. 520-524.

Бураева Л.А. О методах вербовки женщин террористическими организациями посредством сети интернет // Пробелы в российском законодательстве. – № 5. – 2018. – С. 190-193.

Валитова Е.Р. Угроза распространения идеологии ИГИЛ через виртуальные социальные коммуникации [Электронный ресурс] // Обзор национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет Выпуск № 1(10) 2017.

Войскунский А.Е. Психология и Интернет. – М.: Акрополь, 2010. – 439 с.

Войскунский А.Е. Психология Интернета как раздел психологической науки // Научные материалы V съезда Российского психологического общества. – М., 2012. – Т. III.

Волохова Л.А. Опыт психологического исследования по делам, связанным с совершением развратных действий посредством сети Интернет (переписка на сексуальную тему) // Актуальные проблемы и технологии юридической психологии детства: от девиантного развития к нормативному поведению. – М., 2017. – С. 80-82.

Голубева Н.А., Марцинковская Т.Д. Информационная социализация: психологический подход [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 6(20). С. 2. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 16.11.2020). 0421100116/0061

Гурина О.Д. Исследование смысловых конструктов, отражающих отношение к национальностям и национализму у подростков-правонарушителей [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. Том 6. № 3. С. 70-81. doi:10.17759/psyedu.2014060308 (дата обращения: 12.11.2020).

Гурина О.Д. Психологическое насилие в межличностной коммуникации в сети Интернет // Коченовские чтения “Психология и право в современной России”. Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – М.: МГППУ, 2020. – С. 221-224.

Дозорцева Е.Г. Агрессивное поведение подростков и сеть Интернет // Коченовские чтения “Психология и право в современной России”. Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – М.: МГППУ, 2020. – С. 84-85.

Дозорцева Е.Г. Риски цифровой среды: Интернет и девиантное поведение учащихся подросткового возраста // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (ДНТЕ 2020). Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 19–21 ноября 2020 г. / Под ред. М.Г. Сороковой, Е.Г. Дозорцевой, А.Ю. Шеманова. – М.: Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. – С. 255-259.

Дозорцева, Е.Г., Кирюхина Д.В. Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков // Прикладная юридическая психология. – 2020. – № 1 (50). – С. 80-87.

Дозорцева Е.Г., Маланцева О.Д. Ксенофобия и молодежный экстремизм: истоки и взаимосвязи [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование PSYEDU.ru. 2012. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53445_full.shtml (дата обращения: 12.11.2020).

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В. Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2020. – Том 10. № 2. – С. 97-110.

Евсеев В.Д., Пешковская А.Г., Мацута В.В., Мандель А.И. Несуицидальные самоповреждения (NSSI) и их связь с цифровыми данными социальной сети // Академический журнал Западной Сибири. – 2020. – № 3 (86). – Т. 16. – С.38-41.

Жичкина А.Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете. – М.: Дашков и Ко, 2004. – 117 с.

Информация сайта Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports>. – (дата обращения: 12.11.2020).

Калинина Н.В. Профилактика интернет-рисков и угроз жизни детей и подростков в образовательных организациях // Профилактика зависимостей. – 2018. – № 4(16). – С. 142-146.

Касаев И.Х., Богомолова К.И., Панова Ю.А. О некоторых мерах предупреждения совершения преступлений несовершеннолетних и вовлечения их в преступную деятельность посредством сети Интернет // Правовая культура. – 2019. – №4 (39). – С. 96-108.

Кондратьев Ф.В., Осолкова С.Н. Проблема религиозных культовых новообразований (“сект”) в психолого-психиатрическом аспекте: Аналитический обзор. – М.: ГНЦССП им. В.П. Сербского МЗ РФ. 2000. –100 с.

Корбут Л.В. Права детей в условиях международного правопорядка // Евразийский юридический журнал. – 2017. – №2 (105). – С. 194-199.

Корчагин Н.Ю., Дворянчиков Н.В., Антонов О.Ю., Шульга Т.И. Специфика стратегий психологического воздействия у лиц, совершающих преступления сексуальной направленности против несовершеннолетних с использованием телекоммуникационной сети Интернет [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 2. С. 111-126. doi:10.17759/psylaw.2020100209

Кузнецова Е.В. Правовые меры обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних в сети интернет: российский и зарубежный опыт: Методические рекомендации. – М., 2016.

Кузнецова Е.В., Информационное пространство сети Интернет в системе детерминант преступности несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 9. – С. 71-74.

Кульпин А.А., Митраков А.В. Воздействие кибербуллинга на суицидальное поведение // Союз криминалистов и криминологов. – 2018. – № 3. – С. 136-143.

Макарова Е.А., Макарова Е. Л., Махрина Е.А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления // Российский психологический журнал. – 2016. – Т. 13. – № 3. – С. 293-311.

Макушкин Е. В., Вострокнутов Н. В., Дозорцева Е. Г., Бадмаева В. Д. Психотерапевтическая и психокоррекционная помощь несовершеннолетним, находящимся в трудных жизненных обстоятельствах: Пособие для врачей. – М.: ФГБУ “ГНЦССП им. В.П. Сербского” Минздрава России, 2007. – 58 с.

Макушкин Е.В. Суицидоопасные тенденции у подростков: субклиническая феноменология психической “индукции” при нахождении в киберпространстве // Психическое здоровье детей страны – будущее здоровье нации. Сборник материалов Всероссийской конференции по детской психиатрии и наркологии (Ярославль, 4–6 октября 2016 г.) / Под ред. Е.В. Макушкина. – М.: ФГБУ “ФМИЦПН им. В.П. Сербского” Минздрава России, 2016. – С. 259-262.

Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве. [Электронный ресурс]. Психологические исследования. – 2012. – 5(26). 7. URL: <http://psystudy.ru>

Мацута В.В., Мундриевская Г.Н., Сербина Г.Н., Мищенко Е.С. Анализ текстового контента девиантных онлайн-сообществ (на примере сообществ скулшутинга) // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – № 3. – С 90-101.

Медведева А.С. Реакции детей и подростков на сексуальный онлайн груминг [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2020. – Т.10. №1. – С. 123-132. doi:10.17759/psylaw.2020100111

Мещерякова Э.И., Ларионова А.В., Мацута В.В., Горчакова О.Ю. Персональный миф жизнеосуществления экстремиста (методологические проблемы) // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. – 2019. – № 8. – С. 37-39.

Молчанов С.В., Алмазова О.В., Поскребышева Н.Н., Кирсанов К.А. Когнитивные способы переработки социальной информации в сети интернет и особенности морального сознания подростков // Психологическая наука и образование. – 2018. – Т. 23. – № 5. – С. 77-86. doi: 10.17759/pse.2018230508

Оганов А.А. Киберпреступность в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: понятия, предложения, определения // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – №2. – С. 107-115.

Ошевский Д.С. Клинико-психологические аспекты вхождения подростков в экстремистскую и террористическую деятельность [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2017. – Том 7. – № 2. – С. 123-132. doi:10.17759/psylaw.2017060210 (дата обращения: 12.11.2020).

Ошевский Д.С. Негативные социальные установки и смысловые конструкторы у подростков, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве // Юридическая психология. – 2012. – № 3. – С. 30-34.

Ошевский Д.С., Бадмаева В.Д., Голуб С.В., Фастовцов Г.А. Психолого-психиатрические аспекты экспертной квалификации психотипического расстройства у несовершеннолетнего обвиняемого в террористической деятельности // Практика судебно-психиатрической экспертизы. Сб. № 52 / Под ред. Г.А. Фастовцова. – М.: ФГБУ “ГНЦССП им. В.П. Сербского” Минздрава России, 2014. – С. 256-270.

Пережогин Л.О. Психические расстройства в качестве вреда здоровью, причиненного действиями в интернете // “Ребенок и правосудие. Информационное освещение судебной и иной правоприменительной практики, связанной с защитой прав несовершеннолетних. – М.: АППИ, 2018. – С. 137-139.

Плешаков В.А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens’a до Homo Cyberus’a: – М.: МПГУ; Прометей, 2012. – 212 с.

Поливанова К.Н. Взросление в современном мире // Образовательная политика. – 2012. – № 3(59). – С. 76-82.

Поливанова К.Н. Детство в меняющемся мире [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2016. – Том 5. № 2. – С. 5-10. doi:10.17759/jmfp.2016050201

Психология // Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 3. – С. 177-191.

Разуваева Т.Н. Интернет-коммуникации подростков: психологический аспект. Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 63-2. – С. 340-344.

Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 г. №2403-р “Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года”. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/662e0e7aa555bcfc2aee8f8b2bd98385e4e74ee4/ (дата обращения: 12.11.2020).

Результаты межрегионального исследования 2009 г. “Восприятие Интернета детьми и подростками России”. Официальный сайт Фонда развития Интернет [Электронный ресурс] // URL: <http://www.fid.su> (дата обращения: 12.11.2020).

Сердюк Н.В., Грищенко Л.Л., Столяренко А.М. Психолого-педагогические аспекты профилактики экстремизма в молодежной среде [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2018. – Том 8. № 3. – С. 167–178. doi:10.17759/psylaw.2018080312 (дата обращения: 12.11.2020).

Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 71-80. doi: 10.17759/sps.2018090308

Солдатова Г., Зотова Е. Агрессоры и жертвы. – 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://detionline.com/assets/files/journal/11/issl11.pdf> (дата обращения: 12.11.2020).

Солдатова Г., Рассказова Е., Зотова Е., Лебешева М., Роггендорф П. Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России [Электронный ресурс] // URL: <http://psypublic.com/assets/files/EU-Kids-Online-II-in-Russia.pdf> (дата обращения: 09.12.2020).

Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю. Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. – М.: Фонд Развития Интернет, 2013. – 144 с.

Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. – М.: Смысл, 2017. – 375 с.

Солдатова Г.У., Ртищева М.А., Серегина В.В. Онлайн-риски и проблема психологического здоровья детей и подростков // Академический вестник Академии социального управления. – 2017. – № 3 (25). – С. 29-37.

Солдатова Г.У., Теславская О.И. Особенности межличностных отношений российских подростков в социальных сетях // Национальный психологический журнал. – 2018. –Т. 11. № 3(31). – С. 12-22.

Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Дренева А.А., Илюхина С.Н. Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете. – М.: Когито-Центр, 2019. – 176 с.

Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Львова Е.Н. Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области // Социально-экономические и общественные науки. – 2017. – №. 12. – С. 103-109.

Солдатова Г.У., Ярмина А.Н. Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3 (35). – С. 17-31.

Тихомиров О.К., Бабаева Ю.Д., Войскунский А.Е. Общение, опосредствованное компьютером // Вестник МГУ. – Серия 14. Психология. – № 3. – 1989.

Тихонова А.Д., Дворянчиков Н.В., Эрнст-Винтила А., Бовина И.Б. Радикализация в подростково-молодежной среде: в поисках объяснительной схемы [Электронный ресурс] // Культурно-историческая психология. 2017. Том 13. № 3. С. 32-40. doi:10.17759/chp.2017130305 (дата обращения: 12.11.2020).

Тхостов А.Ш., Сурнов К.Г. Влияние современных технологий на развитие личности и формирование патологических форм адаптации: обратная сторона // Психологический журнал. – 2005. – № 6. – С. 16-24.

Ульянина О.А. Психологическая профилактика воздействия идеологии терроризма на обучающихся //Коченовские чтения “Психология и право в современной России”. Тезисы Всероссийской конференции по юридической психологии международным участием. – М.: МГППУ, 2020. – С.102-104.

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения 13.11.2020 г.).

Филимонов О.В. Экстремистский дискурс в современной информационной среде // Полицейская деятельность. – 2016. – № 4.

Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков [Электронный ресурс] // Психология и право. –2019. – Том 9. № 2. – С. 276-295. doi:10.17759/psylaw.2019090219 (дата обращения: 12.11.2020).

Шеремет О.А., Шипшин С.С. Комплексное исследование интернет-переписки при расследовании уголовных дел о сексуальных преступлениях в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] Межвузовская научно-практическая интернет-конференция по юридической психологии. 2017. <http://jp.mgppu.ru/forum/index.php?topic=224.0>. (дата обращения: 10.11.2020).

Agnich L.E. A Comparative Analysis of Attempted and Completed School-Based Mass Murder Attacks // American Journal of Criminal Justice. – 2015. – Vol. 40. № 1. – P. 1-22. doi:10.1007/s12103-014-9239-5

Akhtar S. The Psychodynamic dimension of terrorism // Psychiatric Annals. –1999. – №29 (6). – P. 350-355.

Bandura A. Aggression: a social learning analysis. – New York: Prentice Hall, 1973. – 266 p.

Bartol C.R. Criminal Behavior: A Psychological Approach. 9 edition. – New York: Prentice Hall, 2010. – 672 p.

Bauman S. Cyberbullying and sexting: School mental health concerns. *Mental Health Practice. // Today's Sch. Curr. Issu. Interv.* – 2015. – P. 241-264.

Beran T., Qing L. The relationship between cyberbullying and school bullying // *Journal of student wellbeing.* – 2007. –Vol. 1(2). – P. 15-33.

Berry K., Hunt C.J. Evaluation of an intervention program for anxious adolescent boys who are bullied at school // *Juvenile Adolescents Health.* – 2009. – Vol. 45(4). – P. 376-382.

Bhat C.S. Cyber Bullying: Overview and Strategies for School Counsellors, Guidance Officers, and All School Personnel // *Aust. J. Guid. Counsell.* – 2008. –№ 18. – P. 53-66.

Borum R. Assessing risk for terrorism involvement // *Journal Threat Assessment and Management.* – 2015. – № 2. – P. 63-87.

Borum R. Psychological vulnerabilities and propensities for involvement in violent extremism // *Behavioral Sciences and the Law.* – 2014. – № 32(3). – P. 286-305.

Brown I., Kor D. Terrorism and the Proportionality of Internet Surveillance // *European Journal of Criminology.* – 2009. – Vol. 6. № 2. – P. 123.

Brown S.L., Birch D.A., Kancherla V. Bullying perspectives experiences, attitudes, and recommendations of 9 – to 13-year-olds attending health education centres in the United States // *J. Sch. Health.* – 2005. – No.75. – P. 384-392.

Caravita S., DiBlasio P., Salmivalli C. Unique and interactive effects of empathy and social status on involvement in bullying // *Social development* – 2009. – No. 18. – P. 140-163.

Card N.A., Hodges E.V. Parent-child relationships and enmity with peers the role of avoidant and preoccupied attachment // *New Dir. Child Adolesc. Dev.* – 2003. – No.102 – P. 23-37.

Crayton J.W. Terrorism and Psychology of the Self // *Perspectives on Terrorism.* – Wilmington, Delaware: Scholarly Resources, 1983. – P. 33-41.

Crick N.R., Dodge K.A. A review and reformulation of social information processing mechanisms in children's social adjustment. // *Psychopathological Bulletin.* – 1994. – № 2. – P. 74-101.

Cross D., Monks H., Hall M. et al. Three-year results of the Friendly Schools whole-of-school intervention on children's bullying behav // *British Education Research Journal.* – 2010. – Vol. 37. No. 1. – P. 105-129.

Crossett C., Spitaletta J. Radicalization: Relevant psychological and sociological concepts // The Johns Hopkins University: U.S. Army Asymmetric Warfare Group, 2010. – 110 p.

Dake J.A., Price J.H., Murnan J., Telljohann S.K. Elementary school secretaries' experiences and perceptions of administering prescription medication // J. Sch. Health. – 2003. – Vol. 73. – No.10. – P. 373-379.

Dake J.A., Price J.H., Telljohann S.K. The nature and extent of bullying at school // J. Sch. Health. – 2003. – Vol. 73(5). – P. 173-180.

Davidson J., Gottschalk P. Online Groomers: Profiling, Policing and Prevention' Dorset // Russell House Publishing Ltd. – 2010. – P. 189.

DeRosier M.E. Building relationships and combating bullying effectiveness of a school-based social skills group intervention // J. Clin. Child Adolesc. Psychol. – 2004. Vol. 33 (1). –P. 196-201.

Dooley J.J., Pyzalski J., Cross D. Cyberbullying versus face-to-face bullying // J. Genet. Psychol. – 2014. – Vol. 175(5). – P. 382-400.

Due P., Holstein B.E., Lynch J. et al. Bullying and symptoms among school-aged children international comparative cross-sectional study in 28 countries // Eur. J. Public Health. – 2005. – Vol. 15(2). – P. 128-132.

Elliott D.S., Menard S. Delinquent friends and delinquent behavior: Temporal and developmental patterns // Delinquency and crime: current theories. –Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 28-67.

Erikson E.H. Identity, youth and crisis. – New York: W.W. Norton Company, 1968. – 336 p.

European Union Terrorism Situation and Trend Report [Электронный ресурс] // European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, 2019. URL: [http:// www.europol.europa.eu](http://www.europol.europa.eu) (дата обращения: 12.11.2020).

Farrington D. Multiple Risk Factors for Multiple Problem. // Multi-problem violent youth. – Cracow, 2002. – P.23-35.

Fekkes M., Pijpers F.I., Verloove-Vanhorick S.P. Effects of antibullying school program on bullying and health complaints // Arch. Pediatr. Adolesc. Med. 2006. – Vol. 160 (6). – P. 638-644.

Fonagy P., Twemlow S.W., Vernberg E.M., et al. A cluster randomized controlled trial of child-focused psychiatric consultation and a school systems-focused intervention to reduce aggression // J. Child Psychol. Psychiatry. – 2009. – Vol. 50(5). – P. 607-616.

Frey K.S., Hirschstein M.K., Snell J.L., Edstrom L.V., MacKenzie E.P., Broderick C.J. Reducing playground bullying and supporting beliefs an experimental trial of the steps to respect program // Dev. Psychol. – 2005. – Vol.41(3). – P. 479-490.

Gerard F.J. et al. Offender and offence characteristics of school shooting incidents // *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*. – 2016. – Vol. 13(1). – P. 22-38. <https://doi.org/10.1002/jip.1439>

Gini G., Pozzoli T. Bullied children and psychosomatic problems a meta-analysis // *Pediatrics*. – 2013. – Vol. 132(4). – P. 720-729.

Hawkins J.D., Catalano R.F., Hawkins J.D. The social development model a theory of antisocial behavior Delinquency and crime current theories. – New York Cambridge University Press. – 1996. – P. 149-197.

Heikkilä H.K., Vaananen J., Helminen M. et al. Involvement in bullying and suicidal ideation in middle adolescence: a 2-year follow-up study // *Eur. Child Adolesc. Psychiatry*. – 2013. – No. 22. – P. 95-102.

Huesmann L.R. Eron L.D. Cognitive processes and the persistence of aggressive behavior // *Aggressive behavior*. – 1984. – № 10. – P. 243-251.

Ioannou M., Synnott J., Reynolds A., Pearson J. A comparison of online and offline Grooming characteristics: An application of the victim roles model // *Computers in Human Behavior*. – Vol. 85. – 2018. – P. 291-297.

Jenson J.M., Dieterich W.A. Effects of a skills-based prevention program on bullying and bully victimization among elementary school children // *Prev. Sci.* – 2007. – Vol. 8(4). – P. 285-296.

John A., Glendenning A.Ch., Marchant A. et al. Self-Harm, Suicidal Behaviours, and Cyberbullying in Children and Young People: Systematic Review // *Journal of Medical Internet Research*. – 2018. – 20 (4): e129 DOI: 10.2196/jmir.9044

Kaltiala-Heino R., Rimpelä M., Marttunen M., Rimpelä A., Rantanen P. Bullying, depression, and suicidal ideation in Finnish adolescents' school survey // *BMJ*. – 1999. – Vol. 319(7206). – P. 348-355.

Kärnä A., Voeten M., Little T.D., Poskiparta E., Kaljonen A., Salmivalli C. A large-scale evaluation of the KiVa antibullying program grades 4–6 // *Child Dev*. – 2011. – Vol. 82(1). – P. 311-330.

Kent O., Wieg T. Terrorist and victim: psychiatric and physiological approaches // *Terrorism: an international journal*. – 1985. – №8 (1). – P. 1-32.

Kloess J.A., Beech A.R., Harkins L. Online Child Sexual Exploitation: Prevalence, Process and Offender Characteristics // *TRAUMA, VIOLENCE, & ABUSE*. 2014. Vol. 15(2). P. 126-139. doi: 10.1177/1524838013511543

Klomek A.B., Sourander A., Kumpulainen K., et al. Childhood bullying as a risk for later depression and suicidal ideation among Finnish males // *J. Affect. Disord*. – 2008. – Vol. 109. – P. 47-55.

Klomek A.B., Sourander A., Niemela S., et al. Childhood bullying behaviors as a risk for suicide attempts and completed suicides: a

population-based birth cohort study // *J. Am. Acad. Child. Adolesc. Psychiatry.* – 2009. – No. 48. – P. 254-261.

Kochenderfer B.J., Ladd G.W. Peer victimization cause or consequence of school maladjustment // *Child Dev.* – 1996. – Vol. 67(4). – P. 1305-1317.

Landberg A., Jonsson L. A part of reality on children, sexual abuse and the Internet. – Sweden: Stiftelsen Allmänna Barnhuset & Barnafriid, Linköpings universitet, 2018. – 32 p.

Langman P. Rampage School Shooters: A Typology // *Aggression and Violent Behavior.* – 2009. – Vol. 14. – P. 79-86.

Leary M.R. et al. Teasing, rejection, and violence: case studies of the school shootings // *Aggressive Behavior.* – 2003. – Vol. 29. – P. 202-214. doi:10.1002/ab.10061

Levy N., Cortesi S., Crowley E., Beaton M., Casey J. et al. Bullying in a Networked Era: A Literature Review. – Harvard University: Berkman Center Research Publication, 2012. – 49 p.

Lewis K.M., Schure M.B., Bavarian N. et al. Problem behavior and urban, low-income youth a randomized controlled trial of positive action in Chicago // *Am. J. Prev. Med.* – 2013. – Vol. 44(6). – P. 622–630.

Li K.K., Washburn I., DuBois D.L. et al. Effects of the positive action program on problem behaviors in elementary school students a matched-pair randomized control trial in Chicago // *Psychol Health.* – 2001. – Vol. 26(2). – P. 187-204.

Liebert R.M., Poulos R.W., Marmor G.S. *Developmental psychology* / Ed. E. Cliffs. – New York: Prentice Hal, 1977. – 102 p.

Mears D.P., Moon M., Thielo A.J. Columbine Revisited: Myths and Realities about the Bullying-School Shootings Connection // *Victims and Offenders.* –2017. – Vol. 12. № 6. – P. 939-955.

Medrano J.L.J., Lopez Rosales F., Gámez-Guadix M. Assessing the links of sexting, cybervictimization, depression, and suicidal ideation among university students // *Arch. Suicide Res.* – 2018. – Vol. 22. – P. 153–164.

Melle I. The Breivik case and what psychiatrists can learn from it // *World Psychiatry.* – 2013. – № 12. – P. 16-21.

Meloy J.R., Yakeley J. The violent true believer as a “lone wolf” – psychoanalytic perspectives on terrorism // *Behavioral Sciences and the Law.* – 2014. – № 32. – P. 347-365.

Menesini E., Nocentini A. Cyberbullying definition and measurement some critical considerations // *J. Psychol.* – 2009. – Vol. 217(4). – P. 230-242.

Moghaddam F.M. Mutual radicalization: How groups and nations push one another to extremes. – Washington, D.C.: American Psychological Association Press, 2018.

Moghaddam F.M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // *American Psychologist*. – 2005. – № 60. – P. 161-169.

Monahan J. The individual risk assessment of terrorism // *Psychology, Public Policy & the Law*. – 2012. – №18. – P. 167-205.

Monahan J. The individual risk assessment of terrorism: recent developments // *The handbook of the criminology of terrorism* / Eds. LaFree G. Freilich J. – New York: John Wiley and Son, 2016. – 243 p.

O'Toole M.E. The school shooter: A threat assessment perspective. Quantico, VA: National Center for the Analysis of Violent Crime, Federal Bureau of Investigation, 2000. – 46 p.

Olweus D. Bullying at school basic facts and an effective intervention programme // *Promot Educ*. – 1994. – Vol. 1(4). – P. 27–31.

Olweus D. Bullying at School Knowledge Base and an effective Intervention Program // *Annals. of the New York Acad. Sc.* – 1996. – P. 265-276.

Olweus D. Bullying at School what we know and what we can do. – Cambridge Mass Blackwell Publishers Ltd., 1993. – 140 p.

Olweus D. School bullying development and some important challenges // *Annual. Rev. Clin. Psychol.* – 2013. – No. 9. – P. 751-780.

Peay J. Mentally disordered offenders, mental health and crime // *The Oxford handbook of criminology*. – Oxford, UK: Oxford University Press, 2002. – P. 746-791.

Peters R.D.V., McMahon R.J., Quinsey V.L., Olweus D. Bullying among schoolchildren intervention and prevention Aggression and violence throughout the life span // *Sage Publications Newbury Park*. – 1992. – P. 100-125.

Post J.M. Terrorist psychological: terrorist behavior as a product of psychological forces // *Origins of terrorism: psychologies, ideologies, theologies, states of mind*. – New York: Cambridge University press, 1990. – P. 25-40.

Pöyhönen V., Juvonen J., Salmivalli C. What does it take to stand up for the victim of bullying? The interplay between personal and social factors // *Merrill Palmer Q.* – 2010. – P. 143-163.

Research on terrorism: trends, achievements and failures / Ed. A. Silke. – London: Frank Cass. – 2004. – 235 p.

Ronfeldt D., Arquilla J. What next for networks and netwars? // *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime and Militancy* / Ed.

by J. Arquilla, D. Ronfeldt. – Santa Monica, RAND; National Defense Research Institute, 2001. – P. 315.

Salmivalli C., Poskiparta E.M. Making bullying prevention a priority in Finnish schools the KiVa antibullying program // *New Dir Youth Dev.* – 2012. – Vol. 133. – P. 41-53.

Salmivalli C., Voeten M. Connections between attitudes, group norms, and behaviors associated with bullying in schools // *Int. J. Behav. Dev.* – 2004. – No. 28. – P. 246-258.

Slonje R., Smith P.K. Cyberbullying: another main type of bullying? // *Scand. J. Psychol.* – 2008. – Vol. 49(2). – P. 147-154.

Smith P.K., Sharp S. Insights and perspectives. School bullying. – London Routledge, 1994. – 160 p.

Stevens V., De Bourdeaudhuij I., Van Oost P. Bullying in Flemish schools an evaluation of anti-bullying intervention in primary and secondary schools // *Br. J. Educ. Psychol.* – 2000. – Vol. 70(Pt 2). – P. 195-210.

Sugai G., Horner R.H. The evolution of discipline practices school-wide positive behavior supports // *Child Family Behav Therapy.* – 2002. – No. 24. – P.23-50.

Taylor M. The terrorist. – London: Brassey's, 1988. – 249 p.

Terrorism: Reflections on issues, concepts, and directions. Eds. Moghaddam F.M., Marsella A. Understanding Terrorism: Psychosocial Roots, consequences, and interventions – Washington: DC: American Psychological Association, 2003. – 302 p.

Ttofi M.M., Farrington D.P. Effectiveness of school-based programs to reduce bullying: A systematic and meta-analytic review // *J. Exp. Criminol.* – 2011. –No. 7. – P. 134-144.

Ttofi M.M., Farrington D.P. Risk and protective factors, longitudinal research, and bullying prevention // *New Dir. Youth. Dev.* – 2012. – Vol. (133). – P. 85-98.

Ttofi M.M., Farrington D.P., Lösel F., Loeber R. Do the victims of school bullies tend to become depressed later in life? A systematic review and meta-analysis of longitudinal studies // *J. Aggres. Conf. Peace Res.* – 2011. No. 3. – P. 63-73.

Twemlow S.W., Fonagy P., Sacco F.C. A developmental approach to mentalizing communities II. The Peaceful Schools experiment // *Bull Menninger Clin.* – 2005. – Vol. 69(4). – P. 282-304.

Verlinden S., Hersen M., Thomas J. Risk factors in school shootings // *Clinical Psychology Review.* – 2000. – Vol. 20. № 1. – P. 3-56. doi:10.1016/S0272-7358(99)00055-0

Villacampa C. Teen sexting: Prevalence, characteristics and legal treatment // *Int. J. Law Crime Justice*. – 2017. – No. 49. – P. 10-21.

Vreeman R.C., Aaron E., Carroll M.D. A systematic review of school-based interventions to prevent bullying // *Arch. Pediatr. Adolesc. Med*. – 2007. – Vol. 161(1). – P.78-88.

Weatherston D., Moran J. Terrorism and mental illness: Is there a relationship? // *Offender Ther Comp Criminol* December. – 2003. – № 47. – P. 698-713.

Webster S., Davidson J., Bifulco A., Gottschalk P., Caretti V., Pham T., Grove-Hills J. European Online Grooming: Project final report [Электронный ресурс] // www.academia.edu. – 2012. – P. 1-152. URL: https://www.academia.edu/23987615/European_Online_Grooming_Project_-_Final_Report (дата обращения: 12.01.2020).

West L.J. Cults, liberty, and mind control // *The rationalization of terrorism*. – New York: University Publications of America, 1982. – P. 101-107.

Whittle H., Hamilton-Gianchrisis C., Beech A., Collings G. A review of young people's vulnerabilities to online grooming // *Aggression and Violent Behavior*. – 2013. – Vol. 18, No 1. – P.135-146.

Williams K., Chambers M., Logan S., Robinson D. Association of common health symptoms with bullying in primary school children // *BMJ*. – 1996. – Vol. 313(7048). – P. 17-29.

Williford A., Boulton A., Noland B., Little T.D., Kärnä A., Salmivalli C. Effects of the KiVa anti-bullying program on adolescents' depression, anxiety, and perception of peers // *J. Abnorm Child Psychol*. – 2012. – Vol.40(2). – P. 289-300.

Williford A., Elledge L.C., Boulton A.J., DePaolis K.J., Little T.D., Salmivalli C. Effects of the KiVa antibullying program on cyberbullying and cybervictimization frequency among Finnish youth // *J. Clin. Child Adolesc. Psychol*. – 2013. – Vol. 42(6). – P. 820-833.

Wood W., Wong F.Y., Cachere J. G. Effects of media violence on viewers aggression in unconstrained social interaction // *Psychological Bulletin*. – 1991. – № 109. – P. 371-383.

Преступления в интернет-среде с участием несовершеннолетних и их медико-психологическая профилактика

Аналитический обзор

Заведующая редакцией Н.Б. Гончарова

Редактор Л.Б. Абрамова

Компьютерная верстка М.М.Абрамовой

Подписано в печать 16.07.2021 г.

Формат 60x84/16. Гарнитура Century Schoolbook.

Бумага офсетная. Цифровая печать. Усл. печ. л. 3,5.

Федеральное государственное бюджетное учреждение
“Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии
и наркологии имени В.П. Сербского” Министерства здравоохранения
Российской Федерации
119034 ГСП-1, Москва, Кропоткинский пер., 23.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр
психиатрии и наркологии имени В. П. Сербского»
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Л.О. Пережогин, В.Д. Бадмаева,
Е.В. Макушкин, Е.А. Урдина

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ
И РЕАБИЛИТАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
ЗАВИСИМЫХ ОТ ПЕРСОНАЛЬНОГО КОМПЬЮТЕРА,
ИНТЕРНЕТА И МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ДОСТУП В СЕТЬ

Методические рекомендации

Москва - 2021

УДК
ББК
П 27

Методические рекомендации подготовлены в Отделе социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России доктором медицинских наук **Л.О. Пережогиным**, доктором медицинских наук **В.Д. Бадмаевой**, доктором медицинских наук, профессором **Е.В. Макушкиным**, младшим научным сотрудником **Е.А. Урдиной**

Методические рекомендации утверждены на заседании Ученого совета ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России « ___ » _____ 2021 года, Протокол № ____ .

Рецензенты:

Харитоновна Н.К. – доктор медицинских наук, профессор, руководитель Отдела судебно-психиатрических экспертиз в гражданском процессе ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России;

Злоказова М.В. – доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой психиатрии ФГБОУ ВО «Кировский государственный медицинский университет» Минздрава России.

П27 Пережогин Л. О., Бадмаева В. Д., Макушкин Е. В., Урдина Е. А. **Психотерапевтическая помощь и реабилитация несовершеннолетних, зависимых от персонального компьютера, интернета и мобильных устройств, обеспечивающих доступ в сеть: Методические рекомендации.** – М.: ФГБУ «ФМИЦ ПН им. В. П. Сербского» Минздрава России, 2021. – с.

Рассмотрены теоретические и практические аспекты психотерапевтической лечебной помощи и реабилитации детей и подростков при зависимости от персонального компьютера, интернета и мобильных устройств, обеспечивающих удаленный сетевой доступ. Разработаны оригинальные программы клинической психотерапии, когнитивно-поведенческой терапии, которые могут быть использованы также на отдаленных этапах лечения в качестве реабилитирующих и ресоциализирующих техник.

Для врачей-психиатров, врачей-психотерапевтов, клинических психологов.

ББК

© Пережогин Л. О., Бадмаева В. Д.,
Макушкин Е. В., Урдина Е. А., 2021

© ФГБУ «ФМИЦ ПН им. В. П. Сербского»
Минздрава России, 2021.

Список сокращений

АТ – аутогенная тренировка

АТ-I – аутогенная тренировка первой ступени

АТ-II – аутогенная тренировка второй ступени

БОС – биологическая обратная связь

ВУЗ – высшее учебное заведение

ДЗМ – Департамент здравоохранения г. Москвы

КДЦ – консультативно-диагностический центр

КДО – консультативно-диагностическое отделение

КПТ – когнитивно-поведенческая терапия

МЗ РФ – Министерство здравоохранения Российской Федерации

МКБ-10 – Международная классификация болезней 10 пересмотра

ОРВИ – острая респираторно-вирусная инфекция

ПК – персональный компьютер

ППК – планшетный персональный компьютер

ПАВ – психоактивные вещества

ПО – программное обеспечение

РАС – расстройства аутистического спектра

РШС – расстройства шизофренического спектра

СИОЗС – селективные ингибиторы обратного захвата серотонина

ФГБУ – Федеральное государственное бюджетное учреждение

IP-адрес - Internet Protocol Address, уникальный числовой код ПК в сети

PSP – PlayStation portable – портативная игровая консоль (Sony inc.)

ВВЕДЕНИЕ

Зависимость от персонального компьютера (ПК), интернета и мобильных устройств, обеспечивающих доступ к нему, стала в последние годы одной из актуальнейших проблем современной аддиктологии. В клинической практике все чаще встречаются подростки, обнаруживающие зависимость от интернет-активности в ее различных формах. Доминирующими видами злоупотребления интернетом являются многопользовательские видеоигры, социальные сети и мессенджеры, просмотр в сети порнографической продукции, совершение бессмысленных покупок в онлайн-магазинах, азартные игры (включая сетевые казино). За рубежом с конца 1990-х годов, а в России – с начала 2000-х годов ведутся исследования по верификации клинических критериев этого психического расстройства, изучению патогенетических механизмов, индивидуально-личностных характеристик зависимых лиц, а также методов фармакологической терапии и психотерапии. Несмотря на неутрачивающиеся среди исследователей споры о природе ассоциированного с интернет-аддиктивного поведения, специалисты в области детской и подростковой психиатрии все чаще вынуждены решать сугубо практические задачи: оказывать помощь вовлеченным в зависимое поведение детям и подросткам. Распространенность интернет-зависимости в последние годы достигает по самым оптимистичным оценкам 1-2% населения (в среднем в исследованиях фигурируют цифры 6-8% среди детей и подростков), это состояние обнаруживает высокую коморбидность с другими видами зависимого поведения, с депрессиями, расстройствами пищевого поведения, высокими показателями суицидального риска. В связи с высокой опасностью интернет-зависимости для психического здоровья детей и подростков в некоторых странах созданы специализированные клиники для ее лечения. Современная концепция терапии интернет-зависимости базируется на трех основных принципах: 1) использование фармакологической терапии, направленной на купирование острого влечения к сетевой активности и проявлений синдрома отмены, 2) использование групповой психотерапии, в частности, групп встреч (по аналогии с группами встреч у «Анонимных алкоголиков»), групп полимодальной психотерапии, тренинговых групп (в основном – профилактической направленности) и 3) использование сочетанных программ, включающих индивидуальную и групповую психотерапию и фармакологическую поддержку. Клинический опыт показывает, что по числу достигнутых устойчивых ремиссий именно комплексные программы дают наилучший результат.

Цель настоящих рекомендаций – дать представление о клинической картине зависимости от ПК и интернета, о технике терапевтического вмешательства и показать результаты психотерапевтического воздействия на преморбидно психически здоровых несовершеннолетних. Кроме того, техники когнитивно-поведенческой терапии (КПТ) могут быть широко

использованы в рамках профилактических тренингов и занятий в группах реабилитации.

Рекомендации основаны на результатах исследования, проведенного в ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» МЗ РФ на клинической базе неврологического отделения КДЦ Морозовской детской городской клинической больницы ДЗМ и на базе КДО ФГБУ «НМИЦ ПН им. В. П. Сербского» МЗ РФ¹. Основными методами исследования были клинико-феноменологический и клинико-психопатологический, в ряде случаев для верификации психического состояния использовался экспериментально-психологический метод.

КЛИНИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ЗАВИСИМОСТИ

За основу описания клинической картины зависимости от ПК, интернета и средств доступа к нему были взяты общие критерии МКБ-10, описывающие синдром зависимости. Согласно этой классификации, диагноз считается валидным, если из 6 общих критериев как минимум три обнаруживались в течение года.

В качестве основной характеристики синдрома химической зависимости МКБ-10 определяет **влечение к веществу, вызвавшему зависимость**, как «потребность (часто сильную, иногда непреодолимую) принять психоактивное вещество». У лиц с нехимической зависимостью имеет место влечение к взаимодействию с сетью или устройствами – ПК, планшетным компьютером (ППК), мобильным телефоном.

В случаях зависимости от интернета и средств доступа к нему выявлены следующие закономерности:

- 1) влечение к устройствам, обеспечивающим доступ в сеть, может носить периодический или постоянный характер; при отсутствии корреляции между продолжительностью зависимого поведения и характером патологического влечения у зависимых лиц более старшего возраста (юноши и девушки старше 16 лет) преобладает периодический характер влечения, а у детей и подростков моложе 16 лет – постоянный;
- 2) влечение часто носит непреодолимый характер; молодые люди описывают сильное желание играть в компьютерные игры или «бродить по интернету» без определенной цели и внутренней логики,

---

¹ Основные результаты данных исследований изложены в работе **Пережогин Л. О., Шалимов В. Ф., Казаковцев Б. А.** Зависимость от персонального компьютера, интернета и мобильных устройств, обеспечивающих удаленный сетевой доступ (клиника, диагностика, лечение) // Российский психиатрический журнал № 2 - 2018. - с. 19-30.

оставлять сообщения в социальных сетях (в большинстве своем бессмысленных или формальных, значительно отличающихся по своему содержанию от сообщений, оставленных в периоды отсутствия острого влечения); если влечение по каким-то причинам не реализуется немедленно, мысли о необходимости воспользоваться устройством, обеспечивающим выход в сеть, становятся неотступными;

3) в случае, если влечение постоянно и имеет разную степень остроты – от крайне острого отчетливо осознаваемого, до слабого, подспудного, воспринимаемого как беспокойство, тревога, оно осознается спустя некоторое время;

4) многие несовершеннолетние описывают чувство предвкушения сетевой активности, нарастающее по мере приближения возможности сесть за компьютер, взять в руки мобильное устройство; это предвкушение может сопровождаться легкой агитацией или выраженным возбуждением;

5) в ходе реализации сетевой активности влечение резко нарастает в начале работы, а затем постепенно снижается; в случае многочасовых эксцессов к концу работы возникает чувство пресыщения, желание остановиться; вопреки этому желанию подростки могут продолжать сетевую активность до полного физического изнеможения;

б) описанный при химической зависимости феномен нарастания признаков зависимости после относительно длительного периода воздержания наблюдается редко; у многих несовершеннолетних в силу внешних обстоятельств (например, в связи с переездом на дачу во время летних каникул) наступает длительный период вынужденного воздержания от сетевой активности, однако после ее возобновления резкого всплеска не наблюдается; отчасти этому способствует жесткий контроль со стороны родителей.

Процесс «**потребления**», т.е. процесс сетевой активности, независимо от ее характера, сопровождается рядом характерных феноменов. В совокупности они могут быть описаны как «опьянение», на ранних стадиях проявляющееся эйфорией, моторным возбуждением, агитацией, а в дальнейшем – появлением моторных автоматизмов, элементов дереализации и деперсонализации, метаморфозий и аутометаморфозий, ощущений изменения формы и длины рук, изменением чувства течения времени. Через несколько часов сетевой активности возникает заторможенность, сменяющаяся сном.

Критерий **утраты количественного контроля** в МКБ-10 описывается в виде связанных между собой феноменов: «сниженной способности контролировать прием вещества: его начало, окончание или дозу» и «безуспешных попыток или постоянного желания сократить или контролировать употребление вещества». В случае нехимической зависимости (от интернета и мобильных средств доступа к нему) речь идет

не о «веществе», а о действиях пользователя сети, в целом же диагностический критерий соблюдается.

Особенность интернет-зависимости заключается в том, что первый из указанных феноменов в случаях зависимости от интернета и мобильных средств доступа к нему встречается регулярно, второй – значительно реже, скорее как исключение.

В случаях «сниженной способности контролировать взаимодействие» имеет место следующее:

- 1) предвкушение взаимодействия с компьютером, ПК, смартфоном тем острее, чем дольше длится период вынужденного воздержания (например, во время пребывания в школе); спустя несколько часов воздержания возникают феномены, сходные с овладевающими представлениями, во время которых переживания сродни таковым во время реальной игровой или сетевой активности. Дети непроизвольно перебирают пальцами, имитируя свои действия на клавиатуре или сенсорном дисплее; у них внезапно на доли секунды возникают чаще визуальные и реже – аудиальные образы игры или сетевого контакта;
- 2) в начале игры или при входе в сеть отмечается стремление к сверхактивному использованию ресурса – к игре с несколькими удаленными партнерами сразу, использованию нескольких окон параллельно, хаотичному чередованию адресатов при отправлении сообщений; затем в ходе сессии напряжение и возбуждение снижаются, действия носят все более целенаправленный, логичный и контролируемый характер; чем дольше длится вынужденное воздержание, тем продолжительнее период бессмысленной активности, сопряженной с ажитацией;
- 3) при необходимости завершить работу с устройством или выйти из сети (например, по требованию родителей либо в случае технической невозможности продолжать сетевую активность ввиду отсутствия связи или разрядки аккумулятора) пользователи стараются всячески оттянуть время окончания работы с сетью, что выражается, как в просьбах разрешить поиграть еще немного, так и в стремлении обзавестись все более технически совершенными устройствами.

Желание сократить или контролировать игровое время или время, проведенное в сети, наблюдается относительно нечасто и характерно только для подростков старшего возраста и юношей. Они обходятся без смартфона или планшета. Например, во время каникул осознанно приобретают самые простые в техническом плане модели мобильных телефонов, позволяющие выполнять лишь голосовые вызовы и отправлять текстовые сообщения. Чаще же они просто выключают мобильное устройство во время посещения уроков (лекций) или в спортивных клубах, во время романтических встреч и т.д.

В подростковых и юношеских компаниях находит распространение своеобразная игра в «мобильную молчанку», когда проигравшим считается

участник, который первый воспользуется мобильным устройством (протянет к нему руку, вспомнит о его существовании).

Состояния отмены (абстинентный синдром) наблюдаются почти у половины детей, обнаруживающих зависимость от интернета и устройств, обеспечивающих доступ к нему. Это вполне соотносится с существующими в наркологии представлениями о последовательности формирования состояний зависимости, о стадийности развертывания клиники зависимого поведения. В МКБ-10 абстинентный синдром характеризует вторую (среднюю) стадию зависимости, поэтому можно предположить, что многие из детей, у которых выявлены признаки зависимости от интернета, находятся на начальной ее стадии.

Как правило, абстинентная симптоматика развивается после того, как родители силой или обманом лишают ребенка возможности находиться в сети, отнимают мобильное устройство или отключают (блокируют паролем) ПК. Чаще всего, по признанию родителей, это выстраданное, но спонтанно осуществленное решение, которое является для ребенка неожиданностью. Абстинентные реакции в значительной степени отличаются у преморбидно психически здоровых детей и детей, обнаруживающих психические расстройства, на фоне которых сформировалось зависимое поведение. Для абстинентного синдрома у детей, не обнаруживающих признаков иных психических расстройств, кроме зависимости от интернета и средств доступа к нему, характерно следующее:

- 1) первые признаки абстиненции появляются уже через 2-3 часа после начала вынужденного воздержания от использования сети (как правило, родители отнимают мобильное устройство) и проявляются в нарастании раздражительности, во внезапно возникающих эпизодах тревоги, вегетативных реакциях, «летучих» болях в мышцах и в области сердца, желудка, которые сопровождаются чувством тяжести в теле и часто воспринимаются педиатрами как продромальные явления ОРВИ; головные боли, преимущественно стягивающего, давящего характера («словно на голове обруч») сопровождаются трудностью сосредоточения, тяжестью в голове, снижением настроения;
- 2) на второй-третий день отмечаются эпизоды ажитации, дети мечутся по дому, ища спрятанное родителями мобильное устройство, звонят сверстникам с просьбой принести им телефон, планшет, PSP («пису», «пиху»), некоторые дети в заместительных целях используют примитивные электронные игры; характерны выраженные вегетативные нарушения – покраснение или побледнение кожных покровов, озноб, тремор, усиленное потоотделение;
- 3) детьми отчетливо осознаются острое влечение к сетевой активности, желание немедленно воспользоваться мобильным устройством; они устраивают родителям скандалы, демонстративно угрожают суицидом, бьют посуду, рвут книги, выбрасывают школьные принадлежности, отказываются от еды; если родители остаются непреклонны, довольно

быстро успокаиваются; реальных суицидальных попыток не предпринимают;

4) на третий-четвертый день большинство детей ведут себя спокойно, жалуются на усталость, сонливость, многие засыпают и спят по 10-14 часов подряд, проснувшись, испытывают чувство голода;

5) на пятый-шестой день острота влечения резко снижается, настроение выравнивается, вегетативные расстройства нивелируются; повышается работоспособность; дети выполняют полученные в школе домашние задания; следует отметить, что родители преморбидно психически здоровых детей с зависимостью от интернета никогда не пытаются самостоятельно назначать своим детям психотропные препараты, ограничиваясь, как максимум, валерианой, пустырником, таблетками глицина.

У детей, у которых зависимость возникала на фоне психических расстройств, течение абстинентных реакций существенным образом отличается. Наблюдаются два основных сценария.

При шизофрении, расстройствах шизофренического спектра (РШС) клиническую основу абстинентного состояния составляют симптомы депрессии. Депрессивная симптоматика развивается медленно, вначале снижается аппетит, возникает некоторая моторная и идеаторная заторможенность, в дальнейшем появляются идеи собственной ненужности, малоценности, высказывания о «даром прожитой жизни», «бесцельном существовании». Имеют место и другие проявления депрессии: сопутствующее снижению аппетита, потеря веса, тревога, понижение активности, работоспособности. Продолжительность депрессивных эпизодов может составлять несколько месяцев, их глубина колеблется в пределах легкой-средней степени выраженности. В то же время дети настойчиво, монотонно, порой по несколько раз в день требуют от родителей вернуть им мобильное устройство, часто, услышав очередной отказ, начинают плакать, формально соглашаясь с доводами родителей. У некоторых детей абстинентное состояние совпадает с обострением шизофренического процесса, что приводит к госпитализации в психиатрический стационар. В связи с тем, что практически у всех детей этой группы психическое расстройство было диагностировано задолго до формирования зависимости от интернета, они получают поддерживающую терапию нейрорептиками. Второй ведущий симптомокомплекс абстиненции при РШС - неврозоподобные состояния. Они проявляются страхами, тревогой, раздражительностью, носят нестойкий характер. В некоторых случаях зафиксировано навязчивое мытье рук.

При формирующихся расстройствах личности и невротических расстройствах у детей и подростков в клинической картине абстинентного состояния преобладают психопатоподобные и острые аффективные реакции. В течение одного-двух дней дети относительно бессимптомно переживают лишение сетевой активности, а затем у них внезапно возникают аффективные

вспышки. В зависимости от типа личностной дисгармонии преобладают симптомы демонстрации многочисленных «соматических» жалоб с приступами удушья и сердцебиения, страхом смерти, что во многом похоже на панические атаки. Однако такого рода реакции после 1-3 эпизодов исчезают на фоне психотерапевтического воздействия; при эмоционально-неустойчивом типе личности у подростков часто возникают дисфорические состояния, сопровождающиеся резким изменением настроения, с агрессией и аутоагрессией, реальными суицидальными попытками. При преобладании астенических личностных черт проявления абстиненции ограничиваются вегетативной симптоматикой и снижением физической активности, однако, без других слагаемых клинической картины депрессии. Аффективные нарушения наблюдаются в течение 1-2 недель, а затем исчезают.

Согласно МКБ-10, для синдрома зависимости характерным признаком является **повышение толерантности**, которое проявляется «в необходимости повышения дозы для достижения желаемых эффектов» и в том, «что хронический прием одной и той же дозы приводит к ослабленному эффекту». В случае зависимости от интернета и средств доступа к нему рост толерантности проявляется в увеличении времени работы в сети и в изменении характера этой работы:

- 1) у детей и подростков по мере формирования зависимости неуклонно увеличивается время, проведенное в сети; ежедневно, до формирования зависимости, оно составляет не более 2 часов; в течение нескольких месяцев с момента формирования зависимости (в случае отсутствия контроля со стороны родителей) оно может достигать 6-8 часов в сутки; перерывы носят вынужденный характер (принуждение со стороны родителей, необходимость идти в школу или ложиться спать); и при малейшей возможности сетевая активность возобновляется;
- 2) на рост толерантности может указывать начало сетевой активности в двух и более окнах параллельно; в частности, у подростков наиболее часто наблюдается сочетание игр и работы в социальных сетях, сочетание социальных сетей и поисковой активности, например, поиска фотографий; отмечается и параллельная работа на нескольких подключенных к сети устройствах;
- 2) по мере роста толерантности и работы в нескольких окнах или на нескольких устройствах отмечается значительное усиление феномена метаперсонификации, достигающей формирования нескольких параллельных аутоидентификаций.

Следующим критерием химически зависимого поведения, по МКБ-10, является **«поглощенность потреблением»**, которая проявляется как в отказе от альтернативных форм наслаждения или интересов, так и в больших затратах времени на поиск вещества, его употребление и восстановление от

его эффектов. При зависимости от интернета и средств доступа к нему выявлены:

- 1) резкое сужение круга интересов, фиксация на игре или сетевой активности, сопровождающиеся эмоциональной вовлеченностью, поглощенностью своими игровыми успехами или накоплением виртуальных друзей на своей странице в социальной сети, которые значительно превосходят реакции на успех или неуспех в учебе, реальные контакты с группой сверстников; вопреки общим законам психологии подросткового возраста значимость сверстников в реальных контактах очень низка, в качестве референтной группы выступает сетевое окружение, как правило, весьма неоднородное по возрасту и полу;
- 2) отмечается перенос в поле сетевой активности большинства социальных контактов, включая биологические по своей природе, в частности, относящихся к творческой активности, просмотру кинофильмов и прослушиванию музыки, установлению дружеских и партнерских отношений; многие подростки старшего возраста указывают на свое предпочтение сетевых контактов сексуальным; у нескольких юношей наблюдался распад длительных партнерских отношений;
- 3) в связи с многочасовой ежедневной сетевой активностью, требующей значительных психических и физических усилий, отмечаются выраженное переутомление, формирование астено-невротических реакций.

Последним из общих критериев зависимости, по МКБ-10, является **«продолжающееся употребление вопреки явным признакам вредных последствий»**. Несмотря на констатируемые лицами из ближайшего окружения очевидные негативные последствия игровой или иной деятельности, связанной с сетевой активностью, критическое отношение у зависимых лиц к своему состоянию отсутствует. Даже в случае формального признания того или иного неблагополучия оно никогда не соотносится субъектом с последствиями работы с сетью и устройствами, обеспечивающими доступ в сеть.

Диагностика зависимости от ПК, интернета и мобильных устройств при клиническом осмотре ребенка, чьи законные представители обращаются за помощью к психиатру, не вызывает больших трудностей. Куда большее значение имеют скрининговая диагностика, позволяющая выявлять во время массовых обследований детей с зависимостью для последующего решения вопроса о направлении на консультацию к психиатру, а также выявление детей группы риска для немедленного осуществления профилактических мер. С этой целью разработана Шкала оценки зависимости от ПК, интернета и мобильных устройств, обеспечивающих доступ к нему, построенная по

феноменологическому принципу (феноменологический опросник)². Данная Шкала – инструмент скрининговой и предварительной диагностики, не подменяющая собой визит к врачу. С ее помощью невозможно установить достоверный клинический диагноз, она служит лишь для выявления детей и подростков, относящихся к группе риска по формированию интернет-аддикции либо имеющих сформированную зависимость. Важным аспектом является то, что данная Шкала *не предназначена для самодиагностики*. Отвечать на вопросы, поставленные в Шкале должны родители или другие близкие люди, хорошо знающие особенности поведения ребенка или подростка, внимательные и наблюдательные. Шкала также не предназначена для диагностики взрослых, поскольку заложенные в ней клинические феномены аддиктивного поведения изучались на детях и подростках, а клиническая картина зависимости у взрослых и детей, как показывает клиническая практика, может существенно различаться.

ЛЕЧЕНИЕ ЗАВИСИМОСТИ

Ни в отечественной, ни в зарубежной клинической практике нет единых взглядов на принципы терапии интернет-зависимости. В большинстве клинических описаний акцент делается на симптоматической фармакологической терапии либо на лечении ведущего психического расстройства, на фоне которого сформировалась зависимость. В то же время непосредственно для купирования острого влечения к ПК и мобильным устройствам доказан эффект группы препаратов СИОЗС, а среди них – флувоксамина в дозах до 200 мг в сутки и сертралина до 150-200 мг в сутки. Взрослым и подросткам с симптомами гиперактивного поведения за рубежом наряду с СИОЗС также назначается метилфенидат, который запрещен к применению в РФ. Клиническую альтернативу ему могут составить препараты ноотропного ряда с выраженным стимулирующим эффектом (пирацетам) или нейролептики (эглонил) в индивидуально подобранных дозах. Взрослым пациентам для купирования влечения часто назначают антагонисты опиатных рецепторов (налтрексон до 200 мг в сутки). Иногда эффективными оказываются атипичные нейролептики (клоназепам, рисперидон, оланзапин) в невысоких и средних дозах. Также для

---

² Подробное изложение принципов скрининговой оценки зависимости от персонального компьютера, интернета и мобильных устройств, обеспечивающих доступ к нему, содержится в публикациях: **Пережогин Л. О.** Выявление детей и подростков группы риска по формированию зависимости от интернет и мобильных средств доступа к нему // Вопросы наркологии № 6 -2 017. - с. 124-126.

купирования острого влечения доказан эффект карбамазепина и вальпроатов в средних дозах³.

В целом отмечается устойчивая тенденция использовать сочетанную терапию, применяя на раннем этапе фармакологические средства в высоких и средних дозах, по мере купирования острых состояний – психотерапию в сочетании со средними и низкими дозами тех же препаратов.

Из методов психотерапии лидером в лечебной практике является КПТ в индивидуальной (чаще) или групповой форме. Типичная программа КПТ включает от 8 до 28 терапевтических сессий продолжительностью от одного до 3-4 часов. Программа психотерапии, как правило, включает несколько этапов:

1) выявление типов устройств и программ, вызывающих особенно острое влечение, 2) изучение личности зависимого, его быта, досуга, окружения, выявление терапевтических ресурсов, 3) установление принципов терапии и здорового поведения, 4) поиск замены аддиктивному поведению (в том числе и в процессе работы с компьютером), 5) прекращение аддиктивного поведения, 6) развитие личности.

Весьма популярным направлением психотерапии является работа с семейными группами в различных вариантах: традиционная семейная терапия, работа с семьей в составе группы поддержки, смешанные группы в составе членов семьи и эмоционально значимых лиц. В случае терапии подростков в состав группы желательно включать педагогов. Особое внимание уделяется коммуникативной практике.

Основными звеньями психотерапевтической программы являются: 1) семья с интернет-зависимым, 2) взаимодействие со старшими членами семьи, 3) коммуникация в контексте проблемы, 4) навыки обучения правильному поведению, 5) чувство удовлетворенности жизнью и реализация себя в семейных отношениях, 6) совместное ожидание здорового поведения от члена семьи.

Сессии продолжаются на протяжении 1,5-2 лет. Зарубежные специалисты-реабилитологи отдают предпочтение комбинированной терапии, как правило, в форме сочетания медикаментозной терапии с психокоррекцией, психотерапией, биологической терапией (массаж, акупунктура, электропунктура, БОС-терапия). Есть основания полагать, что комбинированная терапия значительно улучшает прогноз.

---

³ Подробное изложение принципов терапии зависимости от персонального компьютера, интернета и мобильных устройств, обеспечивающих доступ к нему, содержится в публикациях: Пережогин Л.О. Интернет-зависимость в фокусе клинической психиатрии: итоги 20 лет клинических исследований // Образование личности № 3 - 2017. - с. 19-34; Пережогин Л.О. Интернет-зависимость в фокусе биологической психиатрии. Итоги 20 лет нейробиологических исследований. // Психическое здоровье № 12 - 2018. - с. 75-83.

заклучение первого этапа терапии врачом совместно с ребенком (возможно с привлечением родителей) анализируются дневниковые записи, составляется терапевтический договор (обязанности ребенка, желаемые результаты терапии). В случае успешного выполнения программы первого этапа дети включаются в терапевтическую группу.

Состояние детей, подошедших ко второму этапу терапии и включенных в терапевтическую группу, к этому моменту уже претерпевает существенную положительную динамику. Во-первых, у них значительно сокращается время, проведенное в работе с ПК. На протяжении полутора месяцев индивидуальной терапии реализуется задача по переводу сетевой активности с мобильного устройства на ПК. В этот же период усилиями родителей и третьих лиц (в том числе педагогов) у ребенка формируются навыки альтернативного взаимодействия с компьютером (дети, за редким исключением, не владеют программами, позволяющими заниматься творчеством, хобби, не знают простых алгоритмов для пользования поисковыми системами и т.д.). В среднем к концу индивидуального периода психотерапии ребенок проводит за экраном 1,5-2 часа ежедневно (это время превышает допустимое по гигиеническим нормам), вместо 6-8 часов в начале терапии, причем на игры, социальные сети приходится не более половины этого времени. Сетевая активность контролируется взрослыми членами семьи, внутрисемейный договор регламентирует систему положительных и отрицательных подкреплений. Во-вторых, у детей, в силу освободившегося времени, появляются другие, не связанные с ПК занятия, в том числе творчество и спорт. В ходе живого общения со сверстниками происходит структуризация личностных запросов, своего рода «ревизия» точек аутоидентификации. Ко второй стадии терапии дети подходят со сформированным запросом, они сознательно нацеливаются на определенный характер изменений.

По ходу терапевтической работы родители получают подробные инструкции, некоторые (по собственной инициативе) сами обучаются АТ и ведут дневники. Заинтересованное и неравнодушное отношение родителей приносит свои плоды – поведение детей быстрее стабилизируется, абстинентные реакции протекают мягче и быстрее.

На втором этапе (8 групповых встреч) в начале каждой встречи проводится групповой сеанс АТ. Затем проводится групповая встреча, в рамках которой участники обсуждают свое нынешнее состояние, проговаривают свои переживания, сообщают об успехах и неудачах лечебного процесса, отчитываются о выполнении домашних заданий.

В ходе терапии формируется диссоциация в структуре аддиктивной личности двух Я: одно Я – слабое, зависимое от ПК, от игры, не знающее альтернативных форм работы с компьютером; другое Я – сильное, знающее цену своему слову, принявшее на себя ответственность, соблюдающее договор.

Основная задача этого этапа, по сути, сводится к диссоциации Я, в основе которой лежит трансформация «Эго-синтонической позиции» по отношению к зависимости в «Эго-дистоническую позицию», когда индивид может самостоятельно контролировать свое влечение, сознательно управлять своим состоянием и бороться с абстинентной симптоматикой. Особенно важным терапевтическим приемом являлась заимствованная из практики поведенческой терапии техника десенсибилизации «in sensu», мишенью работы по десенсибилизации были ситуации «разлучения» с ПК или мобильным устройством. После достижения состояния расслабления (подростки, освоившие АТ-1, легко достигают его за 1-2 минуты) пациенты вызывают (визуализируют) образы ПК, мобильного устройства, сцены игр, детали интерфейса сетевых сервисов. Главная задача на данном этапе – научиться наблюдать их без напряжения, без тревоги, без возбуждения – нейтрально и отстраненно. В случае возникновения тревоги, ажитации пациент открывает глаза, снова достигает полного расслабления, снова визуализирует образ. В ряде случаев десенсибилизации необходимо подвергать целый ряд значимых образов, например, «компьютер – включенный компьютер – запуск игры – типичные сцены игры (их может быть несколько) – победа в игре». Используются техники «пресыщения» in sensu. Как правило, в план работы группы включаются 1-2 поведенческих тренинга, направленных на отработку навыков установления межличностных отношений. После окончания групповой встречи для подростков и родителей проводятся краткие индивидуальные консультации в свободном режиме.

После окончания терапии в группах все без исключения подростки и их родители отмечают существенные позитивные изменения в состоянии. Во-первых, время, проводимое ежедневно за компьютером, составляет теперь в среднем около 1 часа. Во-вторых, работа за компьютером носит характер необходимой и достаточной: выполняются в основном те действия, в которых компьютер и его ПО выполняют инструментальную роль. В-третьих, взаимодействие со сверстниками происходит теперь в режиме реального общения. Кроме школы большинство детей посещают спортивные секции, клубы по интересам, многие часто ходят с друзьями в кино, на прогулки, катаются на велосипеде и т.д. В-четвертых, повышается академическая успеваемость, появляются хобби, со слов педагогов, улучшается поведение на уроках. По данным катамнеза, через полгода стойкая ремиссия формируется у подростков, обнаруживавших первую стадию зависимости, в 89,5% случаев, у обнаруживавших вторую стадию зависимости, – в 76,5% случаев. Причины рецидивов – стрессовые ситуации, ссоры с друзьями и партнерами, конфликты в школе и дома, значительно реже – длительная соматическая болезнь (вынужденная изоляция).

В основе использования КПТ интернет-зависимости лежит когнитивно-поведенческая модель зависимости от ПК, видеоигр и интернета, предложенная в 2001 году Р. Дэвисом. Концепция модели опирается на классические принципы КПТ А. Бека.

По мнению Р. Дэвиса, интернет-зависимость представляет собой патологическое использование интернета. Он различает специфическое патологическое использование интернета, когда объектом зависимости является какая-либо его отдельная функция, как правило, имитирующая или дублирующая аналогичные аспекты поведения лица, страдающего зависимостью, осуществляемые и вне интернета – гэмблинг, просмотр порнографии, обмен фотографиями, чтение новостей и т.д. и генерализованное патологическое использование интернета, когда интернет начинает использоваться без каких-либо специальных целей – социальные сети, чаты, электронная почта и т.д. Для развития и поддержания патологического использования интернета в рамках когнитивно-поведенческой модели выделяются 2 группы факторов: 1) проксимальные факторы, т.е. исходная когнитивно-поведенческая дезадаптация и 2) дистальные факторы, т.е. имеющиеся психические расстройства, включая эндогенную патологию, депрессии, тревожные расстройства, зависимости. В основе зависимости лежат, таким образом, глубинные убеждения о своей неполноценности, уязвимости, необходимости создать себе надежное укрытие, получить защиту или возможность действовать скрытно и анонимно. В результате у лиц с формирующейся зависимостью возникает общее ощущение, что интернет – единственное место, где можно чувствовать себя хорошо. Одними из важнейших элементов, обуславливающих формирование зависимости, становится снижение уровня внутренней тревоги во время работы в сети и утрата чувства течения времени, что позволяет не испытывать на субъективном уровне восприятия проблем вследствие тотальной прокрастинации. Когнитивно-поведенческая модель зависимости от ПК, видеоигр и интернета обосновывает подходы к КПП интернет-зависимости и сопровождающего ее дезадаптивного поведения. Несмотря на тенденциозность модели, попытки Р. Дэвиса соотносить все проявления зависимого поведения исключительно с постулатами КПП, эффективность КПП при интернет-зависимости доказана на практике.

Клинический опыт показывает, что индивидуальная терапия, в том числе с использованием ресурсов семьи зависимого от интернет ребенка, предшествующая терапии в группе, существенно улучшает итоговые терапевтические результаты. В ходе индивидуальной терапии значительно легче и быстрее формируется терапевтический альянс. Вместе с работой над основной проблемой – дезадаптивным и дисфункциональным использованием интернета – вскрываются и частично прорабатываются коморбидные состояния. Индивидуальные сеансы (как правило 8-10 встреч) и последующая групповая работа сохраняют цельную, последовательную логику терапии. Ряд зарубежных работ, посвященных КПП интернет-зависимости, предполагают параллельное использование индивидуальных и групповых сессий. По мнению авторов, индивидуальные встречи позволяют прорабатывать те индивидуально-значимые аспекты зависимости, которые не удалось полноценно осветить в ходе групповой терапии.

Наш клинический опыт показал, что сочетание индивидуальной и групповой терапии – тактически верный терапевтический подход. В процессе индивидуальной терапии могут обсуждаться темы, которые напрямую не имеют отношения к интернет-зависимости, но очень важны, например – проблемы в учебе, выбор профессии, отношения с родителями. Работа над этими темами помогает усиливать мотивацию подростков. В рамках индивидуальной терапии могут обсуждаться и такие вопросы, которые пациентам неловко обсуждать в группе, например, интимные отношения с партнерами, использование сетевой порнографии, семейные ссоры. Поскольку пациент и терапевт в ходе терапии постоянно взаимодействуют друг с другом, они совместно вырабатывают и корректируют план терапии, обсуждают текущее состояние пациента и его достижения. Стержневым элементом терапии на данном этапе является сокращение времени дисфункционального использования интернета, исключение действий, обладающих самым высоким аддиктивным потенциалом (в частности, сетевых видеоигр), осознание своего поведения в сети как эго-дистонического. Пациенты всячески поощряются к активному поиску и обсуждению причин изменения поведения и способов, которыми изменения могут произойти с их точки зрения. Самостоятельное планирование изменений и высокая включенность в процесс терапии повышает самооценку пациентов. Индивидуальная терапия, за счет более глубокого терапевтического альянса, может оказаться важным элементом для формирования у пациентов мотивации на лечение, в том числе – на участие в групповой терапии. В процессе индивидуальной терапии решаются следующие цели и задачи: пациенту и его законным представителям разъясняется порядок терапевтической работы, ставятся условия, без выполнения которых терапия будет обречена на неуспех; в ходе сеансов осуществляется поиск автоматизированных мыслей, устанавливается их связь с настроением и характером влечения к интернет и обусловленной зависимостью действиям в нем, выявляются триггеры, отвечающие за запуск патологического поведения, происходит дистанцирование от мыслей и убеждений, характеризующих зависимую личность, осуществляется формирование новых убеждений.

Наш собственный опыт индивидуальной терапевтической работы больше соответствовал полимодальной терапии, использующей приемы и техники из различных терапевтических направлений, среди которых часто применялись элементы КПТ.

Важной особенностью КПТ является возможность ее использования в качестве лечебной, профилактической и реабилитационной терапии. В рамках профилактической работы акцент в группе смещается на формирование навыков утилитарного использования интернета и развитие альтернативных способов получать удовольствие, повышать свою значимость в референтной группе, добиваться успеха. В рамках реабилитационной работы КПТ выполняет роль поддержки, и по сути,

является пролонгированной формой индивидуального и/или группового терапевтического опыта.

Групповая КПТ интернет-аддикции включает в себя, как правило, 15-20 групповых встреч и занимает по продолжительности от 3 до 6 месяцев. Анализируя многочисленную зарубежную литературу, посвященную КПТ и другим видам терапии аддиктивного поведения, нами разработан собственный сценарий групповой КПТ, ориентированный на подростков 13-16 лет, который использовали в ходе проведения терапевтических групп. В группы приглашали подростков с высокой мотивацией отказа от аддиктивного поведения, достаточным уровнем абстрактного мышления, хорошей памятью, высокими показателями интеллекта, имевших до возникновения интернет-аддикции хорошую академическую успеваемость в школе, в спорте, занимавшихся творчеством или другим хобби. Особое внимание уделялось при отборе подростков в группу поддержке, которую подростку оказывали члены его семьи. С подростком и с его законными представителями предварительно проговаривались цели и задачи работы в терапевтической группе, разъяснялись принципы терапии, правила групповой работы. В группу принципиально отбирались подростки, не имевшие до возникновения у них интернет-зависимости каких-либо психических расстройств, а к началу работы, преодолевшие самые тяжелые явления абстиненции.

На **первом сеансе** происходило знакомство, ставились задачи интеграции в группе всех пациентов, чтобы предотвратить уходы из группы, формировалась мотивация на воздержание от злоупотребление интернетом, особенно – играми. Необходимо отметить, что многие подростки высказывали желание продолжить пользоваться интернетом, предполагая, что будут использовать его продуктивно – для учебы, хобби, просмотра фильмов. Этот вопрос детально обсуждался в группе. На наш взгляд, не следует в качестве цели терапии ставить полный отказ от интернета, напротив, необходимо ограничивать лишь от патологических форм его использования, формируя установку на применение сетевого доступа в качестве средства связи, рабочего инструмента (утилитарное пользование).

Учитывая, что продолжительность абстинентного периода у детей и подростков составляет от 2 до 8 недель, в этот период необходимо обеспечить подросткам дополнительные психотерапевтические встречи в индивидуальном режиме и психофармакологическую терапию (по необходимости).

Анализ проблем, возникающих при воздержании, удобнее проводить с заполнением терапевтического дневника. Чем подробнее описывается обычное, рутинное, ежедневное поведение (которое обычно осуществляется спонтанно, автоматически), тем выше достигается уровень самоконтроля. Особенное внимание необходимо уделять спонтанному (5-10 раз за день) контролю за мыслями и чувствами («О чем я сейчас думаю? Что я чувствую?»), содержанию сновидений и физическому самочувствию. Анализ

содержания дневниковых записей очень важен как для оценки общего состояния пациентов, в частности, для выявления аффективных нарушений, суицидального риска, так и для оценки риска рецидивов, обнаружения триггерных механизмов, запускающих процесс реализации влечения к сетевой активности. Многие подростки отмечают, что ведение протокола сетевой активности резко снижает влечение к ней. В то же время часто случается, что пациенты младшего подросткового возраста (12-14 лет), формально выполняя все указания врача, манкируют домашними заданиями, включая ведение дневника, что иногда свидетельствует о низкой мотивации, а иногда – об общем нарушении самоорганизации, характерной для всех сфер жизни подростка. В данном случае желательно подключить к терапии родителей, возложив на них ответственность за совместное выполнение домашних заданий, обсуждение самочувствия, инициативу по организации альтернативной деятельности. В то же время в рамках индивидуальной терапии важно проработать с такими подростками вопросы развития самостоятельности, ответственности, проявления инициативы.

На **втором сеансе** основной темой обсуждения в группе являются триггеры интернет-аддикции. Пациентам объясняется патогенез аддиктивного поведения и роль влечения к совершению аддиктивно-обусловленных действий. Необходимо научить пациентов понимать, какие их поступки и обстоятельства приводят к обострению влечения и запуску аддиктивного поведения. Зависимость от интернета меняет внутреннее восприятие пациентов, аддиктивное поведение воспринимается часто как особый процесс, подросток испытывает чувства, близкие по характеру к экстатическим: ощущает себя могущественным, наделенным волшебными силами, исключительно эротически привлекательным, мудрым, прозорливым. С этими ощущениями не хочется расставаться и нелегко справиться. Подросткам следует в доступной форме объяснить биологические механизмы этих процессов и социальные последствия зависимого поведения. Анализ дневниковых записей позволяет довольно быстро выявить типичные ситуации, которые провоцируют аддиктивное поведение. Более того, при тщательном анализе удается выявить три вида триггеров: триггеры, которым пациент относительно легко способен противостоять; триггеры, которым он может противостоять, используя все ресурсы для внутреннего сопротивления (концентрация внимания на этих ресурсах составляет бесценный индивидуальный опыт пациента) и триггеры, противостоять которым пока не удастся. Пациент должен научиться их избегать, но также и пытаться распространить на них свой опыт преодоления других триггеров. Пациенты, которым за неделю удалось справиться с некоторыми триггерами, должны поделиться своим успехом. В случае, если у кого-то из пациентов случился рецидив, этот вопрос следует обсудить в контексте поднятия самооценки этих пациентов.

На **третьем сеансе** работа строится вокруг поисков альтернативных видов деятельности, которым могут посвятить себя пациенты; также

продолжается работа с триггерами и с поиском ресурсов для преодоления влечения. Обсуждаются успешные попытки воздержания от сетевой активности, модели поведения при взаимодействии с членами семьи и с друзьями, в том числе – в контексте избегания сетевой активности, спровоцированной ими. Особое внимание уделяется поиску факторов, усиливающих персональное чувство успеха, ощущение выполненных целей и задач, собственной социальной важности, значимости. Обсуждается поведение в ситуации риска рецидива: индивидуальные стратегии отказа, использования личных «убежищ» (спортивный зал, поход в кинотеатр, велопрогулки, походы в лес, рыбная ловля). Удачные стратегии обязательно следует обсудить на индивидуальных встречах. Часто альтернативное поведение начинает восприниматься подростками негативно, поскольку требует определенных усилий (спорт, хобби) или не приносит ощущения успеха, социального признания. В данном случае поддержка со стороны группы имеет решающее значение.

На **четвертом сеансе** в группе обсуждается проблема зависимого поведения в целом. Можно провести сравнение зависимости от наркотиков, алкоголя и интернет. Отдельные феномены зависимости обсуждаются в группе – как общее явление и как индивидуально пережитые феномены. Задача данного этапа – сформировать более глубокое понимание личных проблем, а также показать, что в сравнении с рядом состояний интернет-зависимость далеко не самая тяжелая. Обсуждаются проблемы, связанные как с влечением, так и с воздержанием, объясняется происхождение и характер абстинентного синдрома и механизм действия препаратов, которые используют в качестве терапии поддержки. Полезно проанализировать позитивные и негативные стороны зависимого поведения и воздержания, например, в форме групповой «экономической» игры.

На **пятом сеансе** прорабатывается модель развития зависимости в контексте противопоставления индивидуальных факторов риска и сдерживающих факторов. Каждый участник группы должен понять, что его состояние – результат взаимодействия многих факторов, делающих его случай во многом непохожим на случаи других участников. Разъясняется один из ведущих элементов патогенеза – стрессогенный эффект интернет, объясняется и обсуждается индивидуальное реагирование на определенные стимулы. Можно провести опыт, выполняя *in sensu* определенные действия (этот опыт можно использовать в рамках индивидуальной терапии для десенсибилизирующих упражнений), и фиксируя колебания пульса и артериального давления, как четкие индикаторы стресса. Индивидуальные особенности реагирования можно обсудить в группе. Это поможет каждому участнику группы ответить на такие вопросы: «Как я стал играть / злоупотреблять социальными сетями?», «Почему я получаю от этого удовольствие?», «Что является лично для меня главным фактором, затрудняющим отказ от аддиктивного поведения?».

На **шестом и седьмом сеансах** основное время посвящено анализу автоматических мыслей. Это один из ключевых подходов КПТ. Автоматические мысли могут быть связаны с эмоциональными переживаниями (бегство от конфликта) или желанием приобрести известность (например, благодаря социальным сетям), или иметь характер «разрешений» (например, поиграть час-другой после школы). Поскольку игра и другие формы сетевой активности сопровождаются эйфорией, запускается механизм формирования зависимости, распознавание автоматических когнитивных и поведенческих процессов и их нивелирование в процессе терапии может быстро привести к распаду патологического цикла. Еще одним важным элементом терапии на данном этапе является разрушение аутоидентификации со своим сетевым образом, что может достигаться и путем визуальной переработки. В зарубежной литературе описано формирование негативного отношения к своему сетевому поведению с использованием скриншотов собственных сетевых действий, включая свои аватары (так называемая экспозиционная терапия). Рассмотрение скриншотов своего сетевого поведения позволяет оценить, как когнитивные реакции на взаимодействие с сетевыми ресурсами, так и эмоциональные переживания, в том числе вследствие высокого сродства с аватарами, выполняющими по сути роль образов «Я-идеального» (феномен метаперсонализации), вытесняющих реалистическое переживание собственного «Я», в том числе – благодаря поддержке сетевого сообщества, адресованной сконструированному образу в значительно большей степени, чем реальному. Наряду с описанной техникой мы разработали и несколько иную стратегию работы: важным терапевтическим приемом являлась заимствованная из практики поведенческой терапии техника десенсибилизации «in sensu», мишенью работы по десенсибилизации были ситуации разлучения с ПК или мобильным устройством. После достижения состояния расслабления пациенты вызывают (визуализируют) образы ПК, мобильного устройства, сцены игр, детали интерфейса сетевых сервисов. Главная задача на данном этапе научиться наблюдать их без напряжения, тревоги и возбуждения – нейтрально и отстраненно. В случае возникновения тревоги, ажитации, пациент открывает глаза, снова достигает полного расслабления и визуализирует образ. Порой десенсибилизации необходимо подвергать целый ряд значимых образов, например «компьютер – включенный компьютер – запуск игры – типичные сцены игры (их может быть несколько) – победа в игре». Используются техники «пресыщения» in sensu.

Работа с образами продолжается и **на восьмом сеансе**. В ходе его поднимаются важные вопросы, требующие терапевтической переработки, в частности, содержание индивидуальных переживаний при работе с образом, позитивная или негативная оценка образа в целом или его деталей, характер желаемых изменений, возможности трансформации образа в плане приобретения им большей реалистичности. Параллельно в целях

профилактики рецидивов пациентам предлагается перенос своих позитивных ощущений от сетевой активности на реальную жизнь: друзей, членов семьи, одноклассников, занятия спортом, творчество, учебный процесс. В зарубежной литературе на данном этапе терапии часто рекомендуют использовать «ритуалы прощания», например, «прощальные письма», адресованные своему зависимому поведению, сожжение заранее заготовленных распечаток аддиктивных действий и т.д. Следует заметить, что по нашему опыту, подобные действия обычно стимулируют у подростков резкие аффективные реакции, как правило, депрессивного характера, и прежде, чем использовать такой прием, терапевт должен быть уверен, что справится с последствиями его применения.

На **девятом сеансе** фокус внимания сосредоточен на укреплении самооценки и создании собственного позитивного образа вне сетевого поведения. В дальнейшем, по мере развития этого образа и формирования навыков самопрезентации он может быть использован для отработки навыков установления социальных контактов. Это очень важно, поскольку степень зависимости от интернет напрямую коррелирует с низкой самооценкой. Таким образом, достижение общественного признания через альтернативные действия, снижает влечение к аддиктивным действиям в интернет. Одним из важных когнитивных открытий, совершаемых в ходе терапии, является факт, что чем больше действий совершает ребенок вне сети, тем выше у него шансы на достижение признания в обычной жизни. В качестве домашнего задания подросткам поручают расспросить своих друзей и знакомых, каких реальных поступков от них ждут, и каким будут особенно рады. С одной стороны, ставится задача сосредоточиться на своих позитивных мыслях, действиях, с другой стороны – бороться с внутренним критицизмом, подвергать свои негативные мысли анализу, вытесняя их позитивными суждениями, подкрепляя последние действиями.

На **десятом и одиннадцатом сеансах** обсуждают развитие личности участников. Поскольку в группе подростки 13-16 лет, то особенно актуальными темами для обсуждения становятся взросление, самостоятельная жизнь после окончания школы, создание собственной семьи (установление партнерских отношений), работа, достижения в будущей профессии, карьера. Многие подростки признаются, что мысли о будущем заставляют их переживать неприятные эмоции: они склонны тревожиться относительно событий, связанных с окончанием школы, выпускными экзаменами, поступлением в ВУЗы, поиском работы. Большинство честно сообщают, что стоят перед непростым выбором: приобретать все больше самостоятельности, свободы, что требует и соответствующего уровня ответственности за собственные решения, или оставаться в рамках детских поведенческих стереотипов, сохраняя зависимость от родителей, ведя пассивный, часто паразитический образ жизни, но избегая бремени принятия решений. Парадоксально, но именно второй сценарий оказывается более сильным стрессором и способствует формированию зависимого поведения.

Также обсуждаются и другие стрессовые события: развод родителей, болезни и смерть членов семьи, переезды и смена учебных заведений, разрыв близких отношений. Стрессовые события соотносятся с развитием зависимого поведения.

На **двенадцатом сеансе** дискутируются проблемы возникновения рецидивов и стратегии их предотвращения. Акцент делается на соблюдение режима дня, поддержание социальных контактов, здоровый сон, занятия спортом и хобби. Участники группы рассказывают о своих ежедневных занятиях. Анализируется опыт участников, перенесших рецидивы в период работы в группе. Обсуждается выявление триггеров патологической активности и стратегии по их дезактуализации.

На **тринадцатом и четырнадцатом сеансах** подводятся итоги работы в группе. Проговариваются (хотя бы в общем плане, на уровне сценариев) любые вопросы, которые возникают у участников, предпринимаются попытки установить их связь с зависимым поведением (в прошлом) или его преодолением. Обсуждаются произошедшие за время работы в группе изменения – в поведении, в самооценке, в образе жизни, достижения. Подытоживаются успехи в преодолении зависимого поведения, а также сомнения и опасения, связанные со скорым завершением терапии.

На итоговом, **пятнадцатом сеансе** обсуждаются вопросы ближайшего и отдаленного (5-10 лет) будущего. Пациенты пишут итоговое эссе и «сценарий» своей жизни и личностной эволюции на ближайший год. Получают итоговые рекомендации от терапевта. Для ряда пациентов, в индивидуальном режиме назначаются терапевтические встречи (в частности, для лиц, получающих поддерживающую фармакологическую терапию). После завершения групповой терапии с подростками обязательно проводится итоговое родительское собрание, на котором подростки не присутствуют.

При проведении КПТ в группах подростков 13-16 лет предварительные данные позволяют предполагать эффективность не ниже 70%. Сходные показатели приводят и зарубежные авторы. Вероятно, среди решающих факторов, обеспечивающих успех терапии, следует выделить активное участие членов семьи подростков в их реабилитации, наличие у подростков реальных достижений в учебе, спорте и творческой деятельности. Также вероятно, что у подростков мужского пола как формирование симптомов зависимости, так и ее преодоление происходит быстрее, чем у девушек сопоставимого возраста.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученный нами опыт психотерапевтической помощи при интернет-зависимости свидетельствует о различной степени ее успешности в зависимости от состава терапевтических групп и от выбранного вида психотерапии. При проведении полимодальной психотерапии по данным катамнеза, через полгода стойкая ремиссия формируется у подростков,

обнаруживавших 1 стадию зависимости, в 89,5% случаев, у обнаруживавших вторую стадию зависимости – в 76,5% случаев. Причины рецидивов – стрессовые ситуации, ссоры с друзьями и партнерами, конфликты в школе и дома, значительно реже длительная соматическая болезнь (вынужденная изоляция). Кроме того, очевидно, что итоги психотерапевтической работы существенным образом зависят от использования медикаментозной терапии (при сочетании психотерапии с фармакологической терапией результаты лечения сравнительно лучше), возраста участников группы (у подростков старшего возраста эффективность терапии выше). Частота случаев достижения полугодовой ремиссии (более, чем в 80% случаев), свидетельствует о высокой эффективности разработанных методов и программы психотерапевтической помощи.

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ
И РЕАБИЛИТАЦИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
ЗАВИСИМЫХ ОТ ПЕРСОНАЛЬНОГО КОМПЬЮТЕРА,
ИНТЕРНЕТА И МОБИЛЬНЫХ УСТРОЙСТВ,
ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ДОСТУП В СЕТЬ

Методические рекомендации

Заведующая редакцией	Н. Б. Гончарова
Редактор	М. М. Игнатенко
Компьютерная верстка	М. М. Абрамова

Подписано в печать XX.XX.XXXX
Формат 60x84,16 Гарнитура
Бумага офсетная. Цифровая печать. Усл. печ. л. 2,0
Тираж XXX

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и
наркологии имени В.П. Сербского»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
119991 ГСП-1, Москва, Кропоткинский пер., 23

Интернет и суициды несовершеннолетних: комплексное психолого-психиатрическое исследование

Бадмаева В.Д.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии
и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России
(ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» МЗ РФ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: badmaeva.v@serbsky.ru

Сыроквашина К.В.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии
и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России
(ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» МЗ РФ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-6130>, e-mail: syrovkashina@mail.ru

Ошевский Д.С.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии
и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России
(ФГБУ «НМИЦ ПН имени В. П.Сербского» МЗ РФ);
Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3465-6302>, e-mail: oshevsky@serbsky.ru

Связь между интернетом и суицидальным поведением подростков за последние несколько лет стала темой общественных обсуждений, правовых инициатив и исследований специалистов [1]. Проблема влияния информации о суицидах в литературе и средствах массовой информации на совершение самоубийств издавна была предметом интереса суицидологов. Феномен копирования суицидального поведения получил название «синдрома Вертера», поскольку именно в связи с романом И.В. Гете был отмечен рост суицидов молодых людей. Действительно, для подростков, особенно для девочек, характерно повышение риска совершения суицида после публикаций в средствах массовой информации [3]. Современные условия цифровой жизни делают проблему взаимосвязи информации и суицидального поведения еще более сложной и неоднозначной, выводя ее за пределы проблемы поведенческого подражания.

По нашему мнению, можно выделить неспецифическое и специфическое влияние Интернета на формирование готовности к совершению самоубийства. Кроме того, целесообразно учитывать различные формы этого влияния в генезе как суицидального поведения, так и ассоциированных с ним психических расстройств. В ситуации неспецифическо-

го воздействия мы сталкиваемся с проблемами существенной вовлеченности определенных групп подростков в Интернет, которая может не иметь суицидальной направленности как таковой. По данным ряда исследователей из США, видеоигры или нахождение в Интернете длительностью более пяти часов в день связано с риском развития депрессивных расстройств и появления суицидальных мыслей [8]. В ситуации специфического воздействия подросток целенаправленно ищет как информацию, связанную с суицидом, так и контакт с разделяющими его идеи сверстниками. Целенаправленный поиск информации о суицидах и общение со склонными к суицидальному поведению сверстниками коррелируют с суицидальными тенденциями и повышенным риском завершенных суицидов у подростков [5; 6; 10]. Отдельным образом выступает такая проблема, как кибербуллинг, в крайних своих формах способный приводить психически и социально уязвимых подростков к суицидальному поведению [2; 7].

В крупном исследовании суицидального поведения подростков, проведенном на основе материалов комплексных посмертных психолого-психиатрических экспертиз было выявлено, что почти в половине исследованных случаев у несовершеннолетнего была страничка в Интернете (46,59%). Вероятнее всего, число зарегистрированных в социальных сетях подростков было еще выше, чем зафиксировано в экспертных актах. Более подробный анализ показал, что как минимум пятая часть несовершеннолетних (20,45%) публиковали в Интернете записи с суицидальным содержанием или копировали аналогичную информацию с других страниц [4]. Как правило, суицидальные действия в таких публикациях представляются приемлемыми, допустимыми, достойными подражания. Копирование подобной информации может являться признаком обдумывания суицидального поступка или актуальностью таких идей в целом. Также выявлялись гендерные особенности в сетевой активности, девушки статистически значимо чаще юношей вели свою страницу в социальных сетях. Использование страницы в качестве пространства для обсуждения и высказываний мыслей о суициде также встречалось чаще у девушек. Как правило, это касалось одобрения самоубийства как способа разрешения проблемной ситуации, перепостов картинок или записей с суицидальной тематикой либо сообщений о собственных намерениях совершить суицидальный поступок.

Проблема связи Интернета и суицидального поведения подростков остро актуальна в настоящее время для России в связи с рядом «громких» случаев самоубийств, в которых родственники погибших указывают на их вовлеченность в деятельность так называемых «групп самоубийц» в социальной сети «ВКонтакте». В рамках комплексной судебной психолого-пси-

психиатрической экспертизы в ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» проводилась оценка состояния лиц, как выступавших в роли «кураторов», так и их собеседников (и те и другие были несовершеннолетними). Широкого распространения подобные ситуации не получили и факт влияния был доказан в единичных случаях, однако в этих случаях можно определенно говорить о влиянии конкретных лиц («кураторов») на психическое состояние подростков, находившихся в активной с ними переписке.

Наряду с изложенными свидетельствами негативного влияния Интернета на суицидальную активность подростков следует указать и на позитивные аспекты воздействия, в том числе в качестве протективного фактора. Так, в последнее время большое внимание уделяется исследованию влияния групп поддержки, организованных в Интернете, на эффективность предупреждения самоубийств в молодежной среде. Отмечается, что включение подростков, склонных к суициду, и их родственников в онлайн-мероприятия по профилактике самоубийств может снижать риск интернет-индуцированных суицидов [9]. Вместе с тем следует подчеркнуть, что использование новых форм профилактики с использованием интернет-технологий не должно рассматриваться как альтернатива традиционным клинико-психологическим программам, они должны быть в них интегрированы. Кроме того, важным аспектом представляется расширение базы знаний о рисках и возможностях интернет-среды самими специалистами, (педагогами, психологами, психиатрами и т.п.), которые работают с детьми и подростками.

Литература

1. *Вихристюк О.В.* Влияние средств массовой информации на суицидальное поведение подростков и молодежи (обзор зарубежных источников) [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. № 1. 2013. С. 100–108. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2013/n1/58059.shtml> (дата обращения: 15.06.2020).
2. *Карауш И.С., Куприянова И.Е., Кузнецова А.А.* Кибербуллинг и суицидальное поведение подростков. Суицидология. 2020; 11(1): 117–129. doi: [org/10.32878/suiciderus.20-11-01\(38\)-117-129](https://doi.org/10.32878/suiciderus.20-11-01(38)-117-129)
3. *Любов Е.Б.* СМИ и подражательное суицидальное поведение. Часть I // Суицидология. 2012. № 3. С. 20–28.
4. *Сыроквашина К.В., Ошевский Д.С., Бадмаева В.Д. и др.* Факторы риска формирования суицидального поведения у детей и подростков (по результатам анализа региональных посмертных судебных экспертиз). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 1. С. 71–84. doi: [10.17759/psylaw.2019090105](https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090105)
5. *Durkee T., Hadlaczky G., Westerlund M. et al.* Internet pathways in suicidality: a review of the evidence // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2011. Vol. 8(10). P. 3938–3952.

6. Hagihara A, Miyazaki S, Abe T. Internet suicide searches and the incidence of suicide in young people in Japan // *European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience*. 2012. Vol. 262(1). P. 39–46
7. Hinduja S., Patchin J.W. Bullying, cyberbullying, and suicide // *Arch. Suicide Res.* 2010. Vol. 14. P. 206–221.
8. Messias E., Castro J., Saini A. et al. Sadness, suicide, and their association with videogame and internet overuse among teens: results from the youth risk behavior survey 2007 and 2009 // *Suicide Life Threat Behav.* 2011. Vol. 41(3). P. 307–315.
9. Totaro S., Toffel E., Scocco P. Предупреждение суицидов и Интернет: риск и возможности // *Суицидология*, 2016, Том 7, № 4, С. 32–41.
10. Zimmerman G.M., Rees C., Posick C. et al. The power of (Mis)perception: Rethinking suicide contagion in youth friendship networks // *Social Science & Medicine*. 2016. Vol. 157. P. 31–38. doi: 10.1016/j.socscimed.2016.03.046

Сведения об авторах

Бадмаева Валентина Дорджиевна, доктор медицинских наук, руководитель отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П.Сербского» МЗ РФ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2345-3091>, e-mail: badmaeva.v@serbsky.ru

Сыроквашина Ксения Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П.Сербского» МЗ РФ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-6130>, e-mail: syrokvashina@mail.ru

Ошевский Дмитрий Станиславович, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава России (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П.Сербского» МЗ РФ); г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3465-6302>, e-mail: oshevsky@serbsky.ru

СЕССИЯ 4. ИНТЕРНЕТ И РИСКИ ОБЩЕНИЯ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Риски цифровой среды: Интернет и девиантное поведение учащихся подросткового возраста

Дозорцева Е.Г.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии
и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава РФ
(ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»);
Московский государственный психолого-педагогический университет
(МГППУ), г. Москва, Российская Федерация;
ORCID: 0000-0002-1309-0485, e-mail: edozortseva@mail.ru

Ключевые слова: Интернет, интернет-риски, девиантное поведение,
учащиеся, несовершеннолетние, интернет-зависимость, кибербуллинг,
скулуштинг, кибергруминг.

Интернет — одно из величайших достижений современности и социокультурное явление, преобразившее нашу жизнь. Он сделал для нас доступной массу информации и позволил расширить и ускорить контакты между людьми. Он дает новые возможности обучения, работы, коммуникации, развлечений. Однако привлекательные черты всемирной сети имеют и свою оборотную сторону. Неслучайно некоторые исследователи Интернета сравнивают его с обоюдоострым мечом [8]. Став в значительной мере «местом проживания» многих пользователей, прежде всего, молодежи, Интернет отчасти вобрал в себя негативные явления обычной жизни, отчасти создал новые. Г.В. Солдатова и ее сотрудники выделяют пять видов рисков Интернета для детей и подростков: контентные, коммуникативные, потребительские, технические и риски интернет-зависимости [7]. Несовершеннолетние особенно уязвимы для негативного воздействия в цифровой среде. Оно может провоцировать поведение подростков, опасное для других людей или для них самих. Сами подростки нередко становятся источником угрозы или агрессии в виртуальном окружении, нарушая нормы, традиционно принятые офлайн. Этому способствует анонимность пользователей сетей и отсутствие непосредственного контакта с партнером по взаимодействию. Рассмотрим некоторые виды девиантного поведения

подростков в сети Интернет либо развившиеся офлайн под влиянием Интернета.

Статистические данные свидетельствуют о том, что за последнее десятилетие преступность несовершеннолетних существенно сократилась, как в России, так и за рубежом. Наряду с демографическими факторами, а также влиянием политики и социальных профилактических мер причиной такого явления считают развитие Интернета и цифровых технологий. Активность подростков переместилась в онлайн. Одна из форм связанных с этим девиаций — чрезмерное погружение несовершеннолетних в виртуальное пространство. Как показывают исследования, количество времени, проводимого учащимися в сети Интернет, в последние годы постоянно увеличивалось и более половины молодых людей находятся в ней не менее 6 часов в день, а четверть — более 9 часов [7]. Навязчивая потребность подростка проводить как можно больше времени онлайн, явления депривации при невозможности находиться в цифровой среде свидетельствуют об интернет-зависимости [1]. Несмотря на то, что этот вид зависимости пока не включен в международные классификации болезней, он рассматривается психiatрами как форма нехимических аддиктивных расстройств, а поведение подростков, проявляющих подобную зависимость, безусловно, может квалифицироваться как девиантное. В свою очередь, длительное пребывание подростков в социальных сетях, согласно данным исследований, связано с такой их чертой, как враждебность [4], что может говорить о характере коммуникаций в виртуальном пространстве и о соответствующих коммуникативных рисках.

Агрессивное поведение подростков в сети Интернет чаще всего принимает форму кибербуллинга, или онлайн травли. Психологические последствия такой агрессии часто не уступают по тяжести психическим травмам, получаемым пострадавшими офлайн. Согласно результатам эмпирического исследования, выполненного Д.В. Кириюхиной, обнаруживается значимая корреляция между склонностью подростка к кибербуллингу и аддиктивным поведением, что может рассматриваться как подтверждение приведенных выше данных о связи киберагрессии и интернет-аддикции [2]. В том же исследовании было показано, насколько распространён кибербуллинг как явление: лишь около 3% опрошенных подростков не сталкивались с ним, тогда как остальные встречались в сети Интернет с издевательствами, травлей, раскрытием личной информации, кибер-преследованием и троллингом. Следует отметить также, что роли кибербуллеров и жертв кибербуллинга у подростков примерно в половине случаев сочетаются, и они могут выступать в них попеременно [2]. Нередко кибербуллинг выступает продолжением буллинга в реальном взаимодействии, что находит свое

крайнее выражение в избивании подростка сверстниками с фиксацией происходящего на видео, которое позже выкладывается в социальных сетях (“happyslapping”).

Контентные риски также имеют значение для развития девиантного поведения школьников. Так, исследования демонстрируют связь суицидальных и аутодеструктивных тенденций несовершеннолетних с потреблением информации подобного рода на соответствующих сайтах в сети Интернет [6]. Следует, однако, иметь в виду, что, как правило, подростки не являются пассивными потребителями информации, а в поиске определенных сведений реализуют свои собственные внутренние потребности и тенденции. На тематических сайтах или в чат-группах влияние контента соединяется с коммуникативными воздействиями, а подростки не только подвергаются влиянию этих факторов, но и сами активно его производят. Социально-психологические механизмы и эффекты таких взаимодействий еще нуждаются в исследованиях. Однако на практике результаты сочетания контентных и коммуникативных рисков проявлялись, в частности, в случаях скулшутинга, или нападения подростков на школы. Несовершеннолетние, имевшие значительные внутренние проблемы, связанные с семейными и школьными трудностями, неприятием сверстников, изоляцией или травлей, а в ряде случаев — с наблюдавшейся у них психопатологией, находили решение этих проблем в следовании агрессивным образцам поведения подростков в школе «Колумбайн» (США), которые расстреляли в 1999 г. одноклассников и учителей, относившихся к ним с пренебрежением, после чего покончили с собой. Их идеализированные образы культивировались в сети Интернет определенными группами молодежи. Однако следует подчеркнуть, что информация на сайтах, посвященных событиям в школе «Колумбайн», не являлась первичным звеном в цепи причин и факторов, приведших российских подростков к скулшутингу. Основное значение в данном случае, имело недостаточное внимание окружающих, прежде всего, родителей, педагогов, психологов, к психологическим и клиническим проблемам таких подростков, которые проявлялись задолго до появления у них намерений совершить преступление. Влияние интернет-сообществ послужило катализатором внутренних процессов этих несовершеннолетних, способствовало оформлению их мотивов и выбору способа действия[3].

Аналогичным образом, по-видимому, следует расценивать влияние на несовершеннолетних сайтов и групповых чатов в сети Интернет, имеющих суицидальную и аутоагрессивную направленность. Широко известными стали случаи воздействия на подростков групп, склонявших несовершеннолетних к совершению самоубийств. С целью противодей-

ствия их преступным деяниям потребовалось введение новых статей в Уголовный кодекс.

Ярким проявлением коммуникативных рисков для детей и подростков стали преступные действия сексуального характера по отношению к несовершеннолетним со стороны взрослых, совершаемые с помощью сети Интернет и получившие название онлайн-груминга, или кибергруминга. Используя непонимание или любопытство детей и подростков, взрослые (грумеры) с помощью определенных тактик добиваются встреч с несовершеннолетними с сексуальными целями или предоставления им сексуализированных изображений детей. Борьба с этим преступлением может вестись как техническими средствами, так и просвещением детей и родителей о возможных угрозах.

Интернет создал специфическую среду существования человека, в которой мало границ для распространения информации и самопрезентации пользователей, слабо выработаны нормы и регламентация действий. Жизнь в этой среде может быть интересной и увлекательной, но одновременно опасной для взрослых и, тем более, для детей. Одна из важных перспективных исследовательских задач состоит в том, чтобы выяснить, каким образом дети и подростки воспринимают эту среду, насколько чувствуют риски и готовы справиться с проблемами. Другая задача профилактики виктимизации и развития девиантного поведения несовершеннолетних — способствовать выработке у них норм и правил поведения в цифровой среде, обеспечение безопасности для самих себя и других людей.

Литература

1. *Войскунский А.Е.* Феномен зависимости от Интернета // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 100–131.
2. *Дозорцева Е.Г., Кирюхина Д.В.* Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков // Прикладная юридическая психология. 2020. № 1. С. 80–87.
3. *Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.* Психологические, социальные и информационные аспекты нападения несовершеннолетних на учебные заведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110. DOI:10.17759/psylaw.2020100208
4. *Мальгин В.Л.* Агрессивность и враждебность у подростков с интернет-зависимым поведением [Электронный ресурс] / В.Л. Мальгин, Ю.А. Меркурьева, О.Т. Утеулина [и др.] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2014. № 4(27). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2014_4_27/pomer/pomer02.php (дата обращения: 17.09.2020).
5. *Медведева А.С.* Реакции детей и подростков на сексуальный онлайн-груминг [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 1. С. 44–54. DOI: <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100111>

6. Соколова М.В., Дозорцева Е.Г. Склонность к аутоагрессивному поведению у подростков и информация, потребляемая ими в Интернете // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 22–35. doi:10.17759/psylaw.2019090102
7. Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Дренёва А.А., Илюхина С.Н. Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете: учеб.-метод. пособие. М.: Когито-Центр, 2019. 176 с.
8. Al-Nemrat A., Benzaid Ch. Cybercrime Profiling: Decision-Tree Induction, Examining Perceptions of Internet Risk and Cybercrime Victimization [Электронный ресурс]. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/190701478.pdf> (датаобращения: 17.09.2020).

Сведения об авторе

Дозорцева Елена Георгиевна, доктор психологических наук, главный научный сотрудник, и.о. руководителя лаборатории психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава РФ (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»); профессор кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Девочки-жертвы груминга: группы риска, особенности взаимодействия с посягателем, клиничко-психологические последствия

Нуцкова Е.В.

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава РФ (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nutskova@serbsky.ru

По данным криминологических исследований, несовершеннолетние представляют одну из самых подверженных насилию и злоупотреблению групп населения. За последние три года зафиксирован устойчивый рост количества преступлений, совершенных в отношении детей и подростков, в целом, на 10%. При этом более 40% потерпевших находились в возрасте до 10 лет [1].

Развитие информационных технологий, возникновение альтернативных способов общения и взаимодействия способствуют возникновению новых видов насилия и злоупотребления. Из них сексуальные домогательства в отношении детей и подростков являются наиболее латентным и опасным видом криминальной агрессии. Сексуальные домогательства, или груминг, включают в себя выстраивание доверительных отношений с ребенком для его дальнейшей сексуальной эксплуатации. Согласно опросу школьников Москвы и Московской области, проведенному Г.У. Солдатовой и коллегами, среди 14–17-летних подростков 48% сталкивались с предложениями пообщаться на интимные темы, выслать фото или видео в обнаженном виде. В 2017 г. среди обратившихся на линию помощи «Дети онлайн» 33% просили поддержки именно в решении проблемы сексуальных домогательств [2; 3; 4]. 45% всех нежелательных контактов несовершеннолетних начинаются с общения в Интернете. 42% детей являются жертвами одного посягателя, 27% — двух, 30% — трех и более. 23% детей в возрасте до 15 лет подвергались развратным действиям в Интернете [5; 6].

Последствия криминального насилия и злоупотребления наносят тяжелей вред здоровью и психическому развитию детей и подростков и нередко оказываются непоправимы. Для их коррекции и профилактики необходимо знать, на что должен направить усилия специалист.

Отличительными особенностями развратных действий в Интернете являются:

- 1) доступность (посягатель может быть на связи с жертвой в любое время);
- 2) анонимность (зачастую жертва не знает, с кем она общается на самом деле);
- 3) мнимое чувство безопасности для жертвы (дети не знают, что они являются жертвой преступления и могут обратиться за помощью);
- 4) широкий диапазон социальных последствий;
- 5) высокая латентность;
- 6) формирование у жертвы девиантного сексуального поведения.

Для выявления и описания специфики развратных действий в Интернете было проведено пилотное исследование. Были обследованы 23 несовершеннолетних потерпевших женского пола, экспериментально-психологическое исследование которых было выполнено в Лаборатории психологии детского и подросткового возраста ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» МЗ РФ в рамках КСППЭ в 2011–2019 гг. Все подэкспертные находились в возрастном интервале от 8 до 17 лет.

Изучение распределения потерпевших по возрасту показало, что самую многочисленную группу составили девочки в возрасте от 15 до 17 лет – 12 человек. 13–14-летних потерпевших – 8 человек, 10–12 – 2 человека и одна девочка не достигла 10-летнего возраста.

Анализ семейной ситуации показал, что 11 девочек воспитывались в неполной семье. одна девочка жила в семье старшей сестры, две девочки проживали в школе-интернате, две девочки воспитывались отцами-одиночками, одна семья официально была признана неблагополучной и состояла на профилактическом учете.

У 13 потерпевших выявлялось неблагополучие в сфере общения. Десять девочек жаловались на отсутствие близких друзей и недостаток общения, три были жертвами буллинга со стороны одноклассников.

Изучение процесса взаимодействия с посягателем выявило причины, почему девочки вступали в такой вид общения:

- 1) недостаток общения (девочки хотели познакомиться и пообщаться, завести нового друга);
- 2) познавательный интерес в сфере интимных отношений (девочкам было интересно узнать о сексуальных отношениях);
- 3) они считали, что состоят с посягателем в романтических отношениях;
- 4) были введены в заблуждение (например, считали, что проходят кастинг в модельное агентство);
- 5) не смогли отказать (их вынудили или заставили (угрозами, шантажом и т. д.).

Изучение непосредственных последствий для психического состояния несовершеннолетних пережитого опыта домогательств показало, что данный вид посягательств может приводить к возникновению состояний клинического уровня. Двум девочкам был выставлен диагноз тревожно-депрессивная реакция (F 43.2 МКБ-10). У двух девочек сексологами были описаны симптомы ранней сексуализации поведения.

Основные актуальные переживания, которыми делились девочки, можно было обозначить как опасение что полученные посягателем фото- и видеоматериалы попадут в открытый доступ или третьим лицам, произошедшее приобретет широкую огласку (узнают друзья, одноклассники, учителя). У потерпевших обнаруживались чувства самообвинения, безысходности, социальной изоляции и одиночества.

Таким образом, можно назвать несколько категорий детей, наиболее уязвимых к сексуальным домогательствам в сети Интернет:

- 1) проживающие в неблагополучных семьях;
- 2) подвергающиеся социальной изоляции;
- 3) ранее подвергавшиеся другим видам насилия;
- 4) взаимодействующие с другими детьми, которые были жертвами аналогичных преступлений;
- 5) не имеющие безопасной среды для изучения сексуальности.

Несмотря на неослабевающий интерес со стороны специалистов медицинской и социальной сфер к теме насилия над детьми, на большое количество исследований посвященных проблемам несовершеннолетних потерпевших, остается множество задач, требующих эффективного решения:

- 1) разработка нормативно-правового регулирования работы с несовершеннолетними потерпевшими;
- 2) научно-методические разработки в области работы с несовершеннолетними потерпевшими, в том числе пострадавшими от современных видов насилия (груминга);
- 3) построение целостной и преемственной системы сопровождения потерпевшего различными ведомствами и специалистами;
- 4) разработка профессиональных стандартов и компетенций психологов, работающих в системе сопровождения несовершеннолетних потерпевших (психолог, сопровождающий следственные действия; психолог-эксперт; психолог-консультант);
- 5) профессиональная подготовка психологов, работающих с потерпевшими от преступлений (по каждому из направлений деятельности).

Литература

1. Результаты межрегионального исследования — 2009 г. «Восприятие Интернета детьми и подростками России» [Электронный ресурс] // Официальный

- сайт Фонда развития Интернет. URL: <http://www.fid.su> (дата обращения: 09.01.2019 г.).
2. *Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Зотова Е.Ю.* Цифровая компетентность подростков и родителей. Результаты всероссийского исследования. М.: Фонд Развития Интернет, 2013. 144 с.
  3. *Солдатова Г., Рассказова Е., Зотова Е., Лебешева М., Розгендорф П.* Дети России онлайн. Результаты международного проекта EU KidsOnline II в России [Электронный ресурс]. URL: <http://psypublic.com/assets/files/EU-KidsOnline-II-in-Russia.pdf> (дата обращения: 09.12.2019 г.).
  4. *Солдатова Г.У., Ртищева М.А., Серегина В.В.* Онлайн-риски и проблема психологического здоровья детей и подростков // Академический вестник Академии социального управления. 2017. № 3 (25). С. 29–37.
  5. *Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Львова Е.Н.* Онлайн-агрессия и подростки: результаты исследования школьников Москвы и Московской области // Социально-экономические и общественные науки. 2017. №. 12. С. 103–109.
  6. *Landberg A., Jonsson L.* A part of reality on children, sexual abuse and the Internet. Sweden. Stiftelsen Allmänna Barnhuset & Barnafriid, Linköpings universitet. 2018. 32 p.

Сведения об авторе

Нуцкова Елена Владимировна, кандидат психологических наук, научный сотрудник Лаборатории психологии детского и подросткового возраста, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского Минздрава РФ (ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8864-1085>, e-mail: nutskova@serbsky.ru

© ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2020
 УДК: 316.77+159.9
 DOI: 10.24411/1560-957X-2020-10408

Для корреспонденции

Пережогин Лев Олегович – доктор медицинских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России
 Адрес: 119034, г. Москва, Кропоткинский пер., д. 23
 Телефон: +7 (495) 773-9306
 E-mail: drlev.ru@yandex.ru

Л.О. Пережогин, В.Д. Бадмаева, Е.В. Макушкин, Е.В. Нуцкова

Международная практика использования профилактических программ, направленных на снижение кибернасилия в школьной среде

Научный обзор

ФГБУ «Национальный медицинский научно-исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия

В научном обзоре с целью изучения подходов к превенции кибернасилия среди школьников проведён анализ отечественной и зарубежной литературы. В процессе скринингового поиска и ранжирования источников выделены принципы профилактики кибернасилия и определены две категории наиболее результативных профилактических программ. Первая направлена на широкий спектр участников, включая как детей и подростков различных возрастных групп, без гендерных отличий, так и членов их семей. Вторая категория представлена программами, сфокусированными на небольших группах школьников с учётом половозрастных особенностей и различных факторов, включая социальные, экономические, воздействия культурной среды.

Ключевые слова: интернет; дети; подростки; школа; насилие; информационная среда; кибербуллинг; профилактика

Для цитирования: Пережогин Л.О., Бадмаева В.Д., Макушкин Е.В., Нуцкова Е.В. Мировая практика использования профилактических программ, направленных на снижение кибернасилия в школьной среде // Российский психиатрический журнал. 2020. № 4. С. 63–70. DOI: 10.24411/1560-957X-2020-10408

LO Perezhogin, VD Badmaeva, EV Makushkin, EV Nutskova

World practice of using preventive programs, aimed at reducing cyber-violence in school environment

Review

V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia

The review contains the analysis of domestic and foreign literature, which was carried out in order to study approaches to the prevention of cyber violence among schoolchildren. In the process of screening and ranking of sources, the principles of cyberbullying prevention and two categories of the most effective prevention programs were identified. The first category of programs is aimed at a wide range of participants, including both children and adolescents of various age groups, without gender differences, and their family members. The second category is represented by programs that focus on small groups of schoolchildren considering age and sexual characteristics and other factors, including social, economic, and cultural influences.

Key words: Internet; children; teenagers; school; violence; information environment; cyberbullying; prevention

For citation: Perezhogin LO, Badmaeva VD, Makushkin EV, Nutskova EV. World practice of using preventive programs, aimed at reducing cyber violence in school environment. Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]. 2020;(4):63–70. Russian. DOI: 10.24411/1560-957X-2020-10408

Агрессивные действия подростков в школьной среде регистрируются во всём мире; как правило, они направлены против сверстников, которые не могут легко защитить себя. Данные о распространённости травли сверстников в разных источниках могут существенно отличаться – от 5,1 до 41,4% [1]. Формы агрессивных действий варьируют: от довольно безобидных насмешек до грубого физического насилия, длящегося порой годами [2]. Широкое внедрение в жизнь человека информационных технологий и интернета, распространённость смартфонов в среде несовершеннолетних привели к формированию новой категории издевательств – кибернасилию (кибербуллингу). Этим термином принято обозначать электронную травлю, проявления жестокости онлайн, т.е. преднамеренные агрессивные действия, систематически осуществляемые против жертвы, которая не может себя защитить, с использованием электронных средств: социальных сетей, электронных писем, мобильных мессенджеров, сетевых игр и т.д.

В зарубежной литературе приводятся подробные классификации подобных действий: выделяют flaming (оскорбления), harassment (настойчивое приставание, притеснение), sexting (рассылка фото и видео интимного содержания), denigration (клевета), slam-booking (создание тематических страниц с комментариями) и много других видов онлайн-травли [3, 4]. Следует отметить, что жертвы кибербуллинга иногда могут становиться и жертвами реальных нападений, – в последнее время всё большее распространение в Сети получает публикация видеосцен реального насилия (happy slaping video) [5–7].

Независимо от характера и продолжительности насилия в реальном мире или травли в интернете среди участников очевидно разделение ролей: всегда присутствуют насильник, жертва и (особенно в случае кибербуллинга) многочисленные свидетели, зрители. Как отмечают многие исследователи [8, 9], насилие в подростковой среде, как правило, развивается по сходному сценарию: насильник, издеваясь над жертвой, повышает собственную самооценку и свой социальный статус; жертва, не готовая или не способная себя защитить, пытается избежать издевательств; зрители независимо от их настроения (поддерживают насильника, сочувствуют жертве, никак не реагируют) сохраняют фактический нейтралитет и бездействуют. Разница между реальным насилием и травлей в интернете, по сути, заключается лишь в том, что в первом случае насильник должен иметь очевидное физическое превосходство над жертвой, а во втором – в качестве насильника (часто действующего анонимно) и жертвы может оказаться практически любой подросток в классе (школе, колледже).

В то же время в недавнем отечественном исследовании отмечено, что в процессе онлайн-травли подростки могут занимать позицию не только пре-

следователя, но и жертвы, часто сочетая эти роли [10]. Жертвой травли может стать несовершеннолетний в любом возрасте, однако чаще данное явление встречается в подростковой среде. Вместе с тем, согласно ряду авторов, в последнее время большое распространение кибербуллинг получил среди учащихся начальной школы (1–5-й классы), а в роли насильников и жертв часто оказываются мальчики [8, 11].

В юридической практике зарубежных стран кибербуллинг всё чаще относят к категории уголовных преступлений. Соответствующие статьи имеются в уголовных кодексах ряда штатов США, в Австралии. А в Германии специальные статьи внесены в закон «О защите молодого поколения», их нарушение может повлечь наказание до 10 лет лишения свободы. Во Франции собственно кибербуллинг относится к категории административных правонарушений (проступок), но его последствия могут быть квалифицированы как преступление. В России такие действия, как flaming, могут подпадать под административное правонарушение по ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях («Оскорбление»), а в некоторых случаях кибербуллинг может быть соотнесён с составами преступлений, квалифицируемых ст. 137 Уголовного кодекса Российской Федерации («Нарушение неприкосновенности частной жизни») и ст. 128.1 («Клевета»). Если кибербуллинг повлечёт иные последствия (например, спровоцировал самоубийство), возможна квалификация действий по ст. 110 Уголовного кодекса Российской Федерации («Доведение до самоубийства»). Во всех случаях важным условием привлечения виновного лица к ответственности является достижение им 16-летнего возраста.

Нет сомнений, что кибернасилие в школьной среде способно причинять существенный вред психическому здоровью жертвы. Это связано прежде всего с продолжительностью воздействия психотравмирующих факторов на ребёнка, подвергающегося травле, часто невозможностью ограничить это во времени (например, посещением школы) [12]. Многочисленные исследования жертв кибернасилия [13–15] показывают, что оно приводит к психологическим последствиям и нередко оказывает влияние на формирование у жертв психических расстройств различной степени выраженности [16, 17]. В клинической практике, по данным российских и зарубежных специалистов, работающих с детьми и подростками, ставших жертвами кибербуллинга, при остром, внезапном воздействии эпизода сетевого насилия, как и при сексуальных посягательствах, в зависимости от личностных особенностей потерпевшего может возникнуть шоковая (острая кризисная) реакция продолжительностью от нескольких часов до нескольких дней. У большинства несовершенно-

летних состоянии разрешается выходом в психическое здоровье [18–20]. Однако примерно у 20% пострадавших, особенно в условиях длительного психотравмирующего воздействия, психическое состояние может усугубиться с последующим развитием аффективных (тревожных, депрессивных) нарушений, посттравматического стрессового расстройства, а при неблагоприятном течении – с формированием стойких психогенных изменений личности [3, 21].

Кроме того, результаты исследований показывают, что школьники, систематически сталкивающиеся с буллингом и кибербуллингом, больше склонны к аддитивному поведению – экспериментам с психоактивными веществами и алкоголем, небезопасным сексуальным отношениям, как следствие, они больше подвержены риску столкнуться с нежелательной беременностью, инфекциями, передающимися половым путём, и ВИЧ, чаще задумываются о суициде [10]. Таким образом, учитывая высокое социальное значение и последствия кибербуллинга в школьной среде, важную роль играет вопрос его профилактики [22–24].

Цель научного обзора – поиск методологически корректных лонгитудинальных программ профилактики насилия среди детей и подростков школьного возраста, включая программы, направленные на превенцию и снижение частоты кибербуллинга, доказавших свою эффективность.

Этапы поиска и анализа информации

Поиск программ проводили в несколько этапов. Задача **первого этапа** – скрининговый поиск по ключевым словам в международных научных базах данных (Web of Science, Medline, Scopus) и в отечественной базе публикаций РИНЦ за 2000–2020 гг. Выбранные автоматически источники проходили в дальнейшем сплошную модерацию, и не соответствующие теме исследования работы исключали. В частности, были исключены профилактические программы, которые опирались на ограничительную тактику доступа в интернет и применение средств родительского контроля, поскольку они, на наш взгляд, не подразумевали непосредственной работы с несовершеннолетними.

На **втором этапе** источники ранжировали; предпочтение отдавалось источникам, имевшимся в открытом доступе, полнотекстовым исследовательским статьям, оперирующим статистически достоверными данными, опубликованными в рецензируемых журналах с высокими показателями цитирования, литературным обзорам, имевшим минимальный срок с периода публикации. В итоге были отобраны работы, которые соответствовали поставленным задачам.

Обзор указанных источников проведён на **третьем этапе** работы. Анализ исследуемых превентивных программ позволил разделить их на две

категории. *Первую* составили программы, направленные на самый широкий спектр участников. В них включались дети и подростки различных возрастных групп, без гендерных различий, нередко члены их семей. Число участников таких программ могло варьировать от нескольких десятков до нескольких тысяч человек, а продолжительность – от нескольких недель до 2–3 лет. *Вторую* категорию составили программы, сфокусированные на определённых группах детей и подростков (мальчики, жертвы насилия, дети из групп социального риска и т.д.). Как правило, они включали относительно небольшие группы участников (в пределах 100 человек) и имели продолжительность не более одного календарного года.

Программы превенции кибербуллинга, направленные на широкую аудиторию несовершеннолетних и членов их семей

Большинство превентивных мер, направленных на работу с широкой аудиторией, реализовывались в масштабах школы. В качестве неременной предпосылки к работе в рамках таких программ выдвигался постулат, что «буллинг и кибербуллинг – следствие общего неблагоприятного климата» в данной школе [25–27]. Как следствие, программы включали несколько уровней работы: учащиеся всей школы, класса, учителя, родители, ученики индивидуальных и малых групп. Проводились как традиционные учебные мероприятия (уроки, тренинги, посвящённые проблеме насилия), так и психотерапевтические групповые и индивидуальные встречи. Из терапевтических вмешательств доминировали когнитивно-поведенческая и поведенческая терапии [28–30].

В частности, примером одной научно обоснованной программы, направленной на уменьшение травли в школах, в том числе кибербуллинга, является программа KiVa [31, 32]. Её главная идея заключается в том, что у агрессора снижается мотивация к совершению насильственных действий, так как он перестаёт получать ожидаемого от зрителей социального одобрения. В работу включаются школьники разных возрастных групп. Программа состоит из трёх шагов и включает профилактические мероприятия, решение инцидентов травли, оценивание и анализ результатов. В структуре программы предусмотрены аудиторские занятия, разбор реальных и обобщённых случаев насилия, обучение реакции на него в форме поддержки жертвы и поиска путей прекращения издевательств. Кроме того, в рамках программы разработана тренинговая компьютерная игра [33, 34]. Программа KiVa показала высокую эффективность в плане существенного уменьшения кибербуллинга и косвенно повлияла на снижение показателей тревоги и депрессии у учащихся тех школ, где она использовалась [35, 36].

Необходимо отметить, что большое количество сходных программ, разработанных авторами в разных странах и реализованных в масштабах от 1–2 школ до целого города и даже государства, показывали очень противоречивые результаты [37, 38]. Программы П.К. Смита [9] и Д. Олвеуса [18, 39] и ряд других, построенных на принципе строго регламентированного поведения в ответ на кибербуллинг и реальное насилие [40–43], включая Фламандскую школьную программу против насилия, программу Friendly Schools и Программу позитивного поведенческого вмешательства и поддержки (SWPBIS), в ряде школ демонстрировали высокие результаты (показатели насилия снижались на 40%), а в некоторых учебных заведениях не приносили никаких плодов.

Эффективными в отношении профилактики насилия среди учащихся средней и старшей школ оказались, помимо программы KiVa, программы «Шаг к уважению» (STR) и «Вопросы молодёжи». Обе программы основаны на стимулировании позитивных реакций у сторонних наблюдателей – от демонстративного игнорирования учеников, допускающих насильственные действия, до активного противодействия буллингу и сообщении о нём школьному психологу.

Особое внимание в программах по превенции травли в школах уделялось участию педагогов и активистов родительского сообщества. Авторы программ исходили из четырёх основных принципов: 1) разрушение системы поощрения насильственного поведения со стороны её пассивных участников; 2) формирование новых групповых норм и ценностей; 3) умение отстаивать интересы и позиции в группе, даже если некоторые участники группы сознательно их нарушают; 4) владение набором социальных, когнитивных и эмоциональных навыков, которые дают детям инструменты для решения проблем. Основной мишенью указанных программ становились относительно небольшие группы детей, как правило классы. По сообщениям авторов, в тех классах, где программы были реализованы, значительно снижался общий уровень насилия, а если в программу включали сразу несколько классов в одной школе, это давало эффект синергии [44–46].

Следует обратить внимание на то, что многие из рассмотренных программ были разработаны для превенции школьного насилия, а с возникновением кибербуллинга они были успешно адаптированы под него. Хотя с позиций доказательности эффективность программ на первый взгляд не всегда может показаться убедительной, педагоги и родители настаивают на их проведении, несмотря на их высокую материальную затратность. В частности, для включения в программу KiVa школа обязана пригласить в штат не менее трёх сертифицированных центром KiVa специалистов, провести обучение всего школьного персонала и активистов

из числа родителей и интегрировать элементы программы в ежедневный план уроков, что повышает аудиторную нагрузку на учеников и педагогов в среднем на 1 час ежедневно. Также школа обязана вести постоянные наблюдения, диагностику, исследовать ситуацию, что обходится ей в сумму около 1 млн евро в год. Однако не менее 90% школ в Финляндии и более 50% школ в Эстонии, Швеции, Бельгии, Испании и Норвегии работают по программе KiVa (www.kivaprogramm.net) [11, 47, 48].

Программы превенции кибернасилия, направленные на локальные выборы детей и подростков

Программы, направленные на преодоление проблемы школьного насилия, реализуемые в локальных группах, обычно фокусируются не столько на его профилактике, сколько на предотвращении его негативных последствий. Как правило, это систематические психотерапевтические и психокоррекционные программы, объектом которых являются жертвы насилия [38, 49, 50]. Подобных программ, которые могли бы быть включены в данную группу, достаточно много. Однако эти работы отличались, как правило, небольшим объёмом выборок и не содержали указаний на катamnестические результаты. В частности, нам не удалось найти ни одной работы, в которой в качестве отдалённого катамнеза у участников указывалось бы на снижение риска стать жертвой насилия.

В большинстве программ при работе с пострадавшими используются психотерапевтические подходы в виде когнитивно-поведенческой и телесно-ориентированной терапии. При этом психокоррекционная и психотерапевтическая помощь несовершеннолетним жертвам в современных условиях должна осуществляться в рамках комплексного социально-психолого-психиатрического подхода к оценке нарушений их психического здоровья с обеспечением консультативной, лечебно-терапевтической и реабилитационной помощи [49].

Значительно реже в доступных публикациях отмечаются работы, посвящённые профилактике враждебного поведения несовершеннолетних в интернете. Вероятно, это связано с тем, что подобные действия в подавляющем большинстве не рассматриваются как преступления и не попадают в программы по профилактике криминального поведения несовершеннолетних и молодёжи, действующих во многих странах, включая Россию. Исключением является секстинг, который подпадает под уголовное законодательство, и, соответственно, жертвы могут быть включены в специальные программы профилактики [51–53].

Отдельного внимания также заслуживают программы, направленные на профилактику детского и подросткового суицида, разработанные в контексте кибербуллинга [48]. Их важным позитивным отличием являются мероприятия по оценке уровня

тревожности, депрессии и степени суицидального риска. В эти программы, как правило, проводится персональный отбор детей и подростков. Работа ведётся в небольших группах или индивидуально. В составе команды сотрудников, осуществляющих работу по подобной программе, обязательно присутствуют врачи [54–56]. В России реализация дифференцированных программ предупреждения суицидов несовершеннолетних осуществляется в медицинских, преимущественно в психиатрических, учреждениях квалифицированными специалистами.

Заключение

Насилие в школьной среде – достаточно изученное явление. Однако, будучи перенесённым в интернет-пространство, оно, с одной стороны, сохранило свои основные черты, а с другой – претерпело существенные изменения: приобрело значительную протяжённость во времени, расширило аудиторию источников травли и их жертв, переросло из физической в плоскость морального унижения (оскорбления, публикация и распространение компрометирующих фото, информации и т.д.). Кроме того, значительно снизились возможности привлечения к ответственности обидчика, как правило, в связи с его анонимностью. Несомненно, с феноменологической трансформацией насилия потребовалось его концептуальное осмысление и возникла необходимость разработки новых моделей превенции [35, 39, 57]. Рассмотренные нами программы в подавляющем большинстве представляют собой адаптированные под профилакти-

ку кибербуллинга мероприятия, использующиеся в целях снижения показателей школьного насилия. Несмотря на сложность и высокую стоимость их реализации, они востребованы в различных странах. Некоторые предложенные программы подтвердили свою эффективность, продемонстрировав статистически достоверные показатели снижения уровня насилия.

Важно подчеркнуть, что существующие программы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних при их системном использовании способны существенно снизить общий уровень насилия в школьном коллективе. Однако на проявления кибербуллинга, по всей видимости, они влияют в меньшей степени, поскольку дети с поведенческими нарушениями в большей степени склонны к реальной, физической агрессии. Наибольшего успеха в превенции насилия в информационной среде достигают программы, интегрируемые в систему воспитания детей и подростков, использующие ресурсы школы, семьи, других общественных институтов. Эти программы и стали объектом нашего анализа.

Таким образом, наиболее результативными в профилактике кибернасилия в школьной среде будут программы, учитывающие возрастные и гендерные особенности, социальные, культуральные и экономические факторы, воздействие школьной среды. В процессе работы должны использоваться валидные психометрические инструменты и сочетанные методы социального, психолого-педагогического и психотерапевтического воздействия, базирующиеся на межведомственном подходе.

Сведения об авторах

Пережогин Лев Олегович – доктор медицинских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (Москва)

Индексы: РИНЦ AuthorID: 196257; ORCID: 0000-0002-6872-4457

E-mail: drlev.ru@yandex.ru

Бадмаева Валентина Дорджиевна – доктор медицинских наук, руководитель отдела социальных и судебно-психиатрических проблем несовершеннолетних ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (Москва)

Индексы: РИНЦ AuthorID: 266476; ORCID: 0000-0002-2345-3091

E-mail: nasankaeva@mail.ru

Макушкин Евгений Вадимович – доктор медицинских наук, профессор, заместитель генерального директора по научной работе ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (Москва)

Индексы: РИНЦ AuthorID: 114535; Scopus AuthorID: 12647068700; ResearcherID: P-6827-2015; ORCID: 0000-0002-1937-5908

E-mail: evm@serbsky.ru

Нуцкова Елена Владимировна – кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (Москва)

Индексы: РИНЦ AuthorID: 196257; ORCID: 0000-0002-8864-1085

E-mail: nutskova@serbsky.ru

Информация о конфликте интересов и источнике финансирования

Авторы заявили об отсутствии конфликта интересов. Научная работа инициативная, не финансируемая.

Литература

1. Due P., Holstein B.E., Lynch J. et al. Bullying and symptoms among school-aged children international comparative cross-sectional study in 28 countries // *Eur. J. Public Health*. 2005. Vol. 15, № 2. P. 128–132.
2. Olweus D. *Bullying at School what we know and what we can do*. Cambridge Mass Blackwell Publishers Ltd. 1993. 140 p.
3. Пережогин Л.О. Психические расстройства в качестве вреда здоровью, причиненного действиями в интернете // *Ребенок и правосудие: информационное освещение судебной и иной правоприменительной практики, связанной с защитой прав несовершеннолетних*. М.: АППП, 2018. С. 137–139.
4. Dooley J.J., Pyzalski J., Cross D. Cyberbullying versus face-to-face bullying // *J. Genet. Psychol.* 2014. Vol. 175, № 5. P. 382–400.
5. Menesini E., Nocentini A. Cyberbullying definition and measurement some critical considerations // *J. Psychol.* 2009. Vol. 217, № 4. P. 230–242.
6. Ttofi M.M., Farrington D.P. Risk and protective factors, longitudinal research, and bullying prevention // *New Dir Youth Dev*. 2012. Vol. 133. P. 85–98.
7. Slonje R., Smith P.K. Cyberbullying another main type of bullying // *Scand. J. Psychol.* 2008. Vol. 49, № 2. P. 147–154.
8. Dake J.A., Price J.H., Telljohann S.K. The nature and extent of bullying at school // *J. Sch. Health*. 2003. Vol. 73, № 5. P. 173–180.
9. Smith P.K., Sharp S. *Insights and perspectives. School bullying*. London Routledge, 1994. 160 p.
10. Дозорцева Е.Г., Кирухина Д.В. Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков // *Прикладная юридическая психология*. 2020. Т. 50, № 1. С. 80–87.
11. Ttofi M.M., Farrington D.P. Effectiveness of school-based programs to reduce bullying: A systematic and meta-analytic review // *J. Exp. Criminol.* 2011. № 7. P. 134–144.
12. Макушкин Е.В. Суицидоопасные тенденции у подростков: субклиническая феноменология психической «индукции» при нахождении в киберпространстве // *Психическое здоровье детей страны – будущее здоровье нации: сборник материалов Всероссийской конференции по детской психиатрии и наркологии (Ярославль, 4–6 октября 2016 г.)* / Под ред. Е.В. Макушкина. М.: ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2016. С. 259–262.
13. Бенгина Е.А., Гришаева С.А. Кибербуллинг как новая форма угрозы психологическому здоровью личности подростка // *Вестник ГУУ*. 2018. № 2. С. 153–157.
14. Brown S.L., Birch D.A., Kancherla V. Bullying perspectives experiences, attitudes, and recommendations of 9- to 13-year-olds attending health education centres in the United States // *J. Sch. Health*. 2005. № 75. P. 384–392.
15. Card N.A., Hodges E.V. Parent-child relationships and enmity with peers the role of avoidant and preoccupied attachment // *New Dir. Child Adolesc. Dev*. 2003. № 102. P. 23–37.
16. Dake J.A., Price J.H., Murnan J., Telljohann S.K. Elementary school secretaries' experiences and perceptions of administering prescription medication // *J. Sch. Health*. 2003. Vol. 73, № 10. P. 373–379.
17. Kaltiala-Heino R., Rimpelä M., Marttunen M. et al. Bullying, depression, and suicidal ideation in Finnish adolescents school survey // *BMJ*. 1999. Vol. 319, № 7206. P. 348–355.
18. Olweus D. Bullying at school basic facts and an effective intervention programme // *Promot. Educ.* 1994. Vol. 1, № 4. P. 27–31.
19. Ttofi M.M., Farrington D.P., Lösel F., Loeber R. Do the victims of school bullies tend to become depressed later in life. A systematic review and meta-analysis of longitudinal studies // *J. Aggres. Conf. Peace Res.* 2011. № 3. P. 63–73.
20. Williams K., Chambers M., Logan S., Robinson D. Association of common health symptoms with bullying in primary school children // *BMJ*. 1996. Vol. 313, № 7048. P. 17–29.
21. Макарова Е.А., Макарова Е.Л., Махрина Е.А. Психологические особенности кибербуллинга как формы интернет-преступления // *Российский психологический журнал*. 2016. Т. 13, № 3. С. 293–311.
22. Gini G., Pozzoli T. Bullied children and psychosomatic problems a meta-analysis // *Pediatrics*. 2013. Vol. 132, № 4. P. 720–729.
23. Kochenderfer B.J., Ladd G.W. Peer victimization cause or consequence of school maladjustment // *Child Dev*. 1996. Vol. 67, № 4. P. 1305–1317.
24. Vreeman R.C., Aaron E., Carroll M.D. A systematic review of school-based interventions to prevent bullying // *Arch. Pediatr. Adolesc. Med.* 2007. Vol. 161, № 1. P. 78–88.
25. Cross D., Monks H., Hall M. et al. Three-year results of the Friendly Schools whole-of-school intervention on children's bullying behavior // *Br. Educ. Research J.* 2010. Vol. 37, № 1. P. 105–129.
26. Fekkes M., Pijpers F.I., Verloove-Vanhorick S.P. Effects of antibullying school program on bullying and health complaints // *Arch. Pediatr. Adolesc. Med.* 2006. Vol. 160, № 6. P. 638–644.
27. Fonagy P., Twemlow S.W., Vernberg E.M. et al. A cluster randomized controlled trial of child-focused psychiatric consultation and a school systems-focused intervention to reduce aggression // *J. Child Psychol. Psychiatry*. 2009. Vol. 50, № 5. P. 607–616.
28. Kärnä A., Voeten M., Little T.D. et al. A large-scale evaluation of the KiVa antibullying program grades 4–6 // *Child Dev*. 2011. Vol. 82, № 1. P. 311–330.
29. Lewis K.M., Schure M.B., Bavarian N. et al. Problem behavior and urban, low-income youth a randomized controlled trial of positive action in Chicago // *Am. J. Prev. Med.* 2013. Vol. 44, № 6. P. 622–630.
30. Li K.K., Washburn I., DuBois D.L. et al. Effects of the positive action program on problem behaviors in elementary school students a matched-pair randomized controlled trial in Chicago // *Psychol. Health*. 2001. Vol. 26, № 2. P. 187–204.
31. Williford A., Boulton A., Noland B. et al. Effects of the KiVa anti-bullying program on adolescents' depression, anxiety, and perception of peers // *J. Abnorm Child Psychol.* 2012. Vol. 40, № 2. P. 289–300.
32. Williford A., Elledge L.C., Boulton A.J. et al. Effects of the KiVa antibullying program on cyberbullying and cybervictimization frequency among Finnish youth // *J. Clin. Child Adolesc. Psychol.* 2013. Vol. 42, № 6. P. 820–833.
33. Caravita S., DiBlasio P., Salmivalli C. Unique and interactive effects of empathy and social status on involvement in bullying // *Soc. Dev.* 2009. № 18. P. 140–163.
34. Pöyhönen V., Juvonen J., Salmivalli C. What does it take to stand up for the victim of bullying? The interplay between personal and social factors // *Merrill Palmer Q.* 2010. Vol. 56, № 2. P. 143–163.
35. Salmivalli C., Poskiparta E.M. Making bullying prevention a priority in Finnish schools the KiVa antibullying program // *New Dir. Youth Dev*. 2012. Vol. 133. P. 41–53.
36. Salmivalli C., Voeten M. Connections between attitudes, group norms, and behaviors associated with bullying in schools // *Int. J. Behav. Dev.* 2004. № 28. P. 246–258.
37. Berry K., Hunt C.J. Evaluation of an intervention program for anxious adolescent boys who are bullied at school // *J. Adolesc. Health*. 2009. Vol. 45, № 4. P. 376–382.
38. DeRosier M.E. Building relationships and combating bullying effectiveness of a school-based social skills group intervention // *J. Clin. Child Adolesc. Psychol.* 2004. Vol. 33, № 1. P. 196–201.
39. Olweus D. *Bullying at School: Knowledge Base and an effective Intervention Program* // *Annals of the New York Acad. Sc.* 1996. Vol. 794. P. 265–276.
40. Peters R.D.V., McMahon R.J., Quinsey V.L., Olweus D. *Bullying among schoolchildren intervention and prevention Aggression and violence throughout the life span*. Sage Publications Newbury Park, 1992. P. 100–125.
41. Stevens V., De Bourdeaudhuij I., Van Oost P. Bullying in Flemish schools an evaluation of anti-bullying intervention in primary and secondary schools // *Br. J. Educ. Psychol.* 2000. Vol. 70 (Pt. 2). P. 195–210.
42. Sugai G., Horner R.H. The evolution of discipline practices school-wide positive behavior supports // *Child Family Behav. Therapy*. 2002. № 24. P. 23–50.
43. Twemlow S.W., Fonagy P., Sacco F.C. A developmental approach to mentalizing communities II. The Peaceful Schools experiment // *Bull. Menninger Clin.* 2005. Vol. 69, № 4. P. 282–304.
44. Frey K.S., Hirschstein M.K., Snell J.L. et al. Reducing playground bullying and supporting beliefs an experimental trial of the steps to respect program // *Dev. Psychol.* 2005. Vol. 41, № 3. P. 479–490.

Литература

45. Hawkins J.D., Catalano R.F., Hawkins J.D. The social development model a theory of antisocial behavior Delinquency and crime current theories. New York Cambridge University Press, 1996. P. 149–197.
46. Jenson J.M., Dieterich W.A. Effects of a skills-based prevention program on bullying and bully victimization among elementary school children // *Prev. Sci.* 2007. Vol. 8, № 4. P. 285–296.
47. Bhat C.S. Cyber Bullying: Overview and Strategies for School Counsellors, Guidance Officers, and All School Personnel // *Aust. J. Guid. Counsell.* 2008. Vol. 18, P. 53–66.
48. Levy N., Cortesi S., Crowley E. et al. Bullying in a Networked Era: A Literature Review. Harvard University: Berkman Center Research Publication, 2012. 49 p.
49. Макушкин Е.В., Вострокнутов Н.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д. Психотерапевтическая и психокоррекционная помощь несовершеннолетним, находящимся в трудных жизненных обстоятельствах: Пособие для врачей. М.: ФГБУ «ГНЦСПП им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2007. 58 с.
50. Пережогин Л.О., Девятова О.Е., Пережогина О.В. Дети, перенесшие насильственное разлучение с близкими: психокоррекционные занятия в реабилитационной группе // *Научно-медицинский вестник Центрального Черноземья*. 2009. Т. 35, № 1. С. 76–85.
51. Bauman S. Cyberbullying and sexting: School mental health concerns // *Mental health practice in today's schools: Current issues and interventions* / R. Witte, S. Mosley-Howard. NY: Springer, 2015. P. 241–264.
52. Medrano J.L.J., Lopez Rosales F., Gámez-Guadix M. Assessing the links of sexting, cybervictimization, depression, and suicidal ideation among university students // *Arch. Suicide Res.* 2018. Vol. 22. P. 153–164.
53. Villacampa C. Teen sexting: Prevalence, characteristics and legal treatment // *Int. J. Law Crime Justice*. 2017. № 49. P. 10–21.
54. Heikkilä H.K., Vaananen J., Helminen M. et al. Involvement in bullying and suicidal ideation in middle adolescence: a 2-year follow-up study // *Eur. Child Adolesc. Psychiatry*. 2013. Vol. 22. P. 95–102.
55. Klomek A.B., Sourander A., Kumpulainen K. et al. Childhood bullying as a risk for later depression and suicidal ideation among Finnish males // *J. Affect. Disord.* 2008. Vol. 109. P. 47–55.
56. Klomek A.B., Sourander A., Niemela S. et al. Childhood bullying behaviors as a risk for suicide attempts and completed suicides: a population-based birth cohort study // *J. Am. Acad. Child Adolesc. Psychiatry*. 2009. № 48. P. 254–261.
57. Olweus D. School bullying development and some important challenges // *Annual Rev. Clin. Psychol.* 2013. № 9. P. 751–780.

References

1. Due P, Holstein BE, Lynch J, et al. Bullying and symptoms among school-aged children international comparative cross-sectional study in 28 countries. *Eur J Public Health*. 2005;15(2):128–132.
2. Olweus D. *Bullying at School what we know and what we can do*. Cambridge Mass Blackwell Publishers Ltd. 1993. 140 p.
3. Perezhogin LO. Psichicheskie rasstrojstva v kachestve vreda zdorov'yu, prichinennogo dejstviyami v internete. In: *Rebenok i pravosudie: Informacionnoe osveshchenie sudеbnoj i inoj pravoprimeritel'noj praktiki, svyazannoj s zashchitoy prav nesovershennoletnih*. Moscow; 2018. p. 137–9. Russian.
4. Dooley JJ, Pyzalski J, Cross D. Cyberbullying versus face-to-face bullying. *J Genet Psychol*. 2014;175(5):382–400.
5. Menesini E, Nocentini A. Cyberbullying definition and measurement some critical considerations. *J Psychol*. 2009;217(4):230–42.
6. Ttofi MM, Farrington DP. Risk and protective factors, longitudinal research, and bullying prevention. *New Dir Youth Dev*. 2012;133:85–98.
7. Slonje R, Smith PK. Cyberbullying another main type of bullying. *Scand J Psychol*. 2008;49(2):147–54.
8. Dake JA, Price JH, Telljohann SK. The nature and extent of bullying at school. *J Sch Health*. 2003;73(5):173–80.
9. Smith PK, Sharp S. *Insights and perspectives. School bullying*. London Routledge; 1994. 160 p.
10. Dozorceva EG, Kiryuhina DV. [Cyberbullying and the tendency to deviant behavior in adolescents]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [Applied legal psychology]*. 2020;50(1):80–7. Russian.
11. Ttofi MM, Farrington DP. Effectiveness of school-based programs to reduce bullying: A systematic and meta-analytic review. *J Exp Criminol*. 2011;(7):134–44.
12. Makushkin EV. Suicidoopasnye tendencii u podrostkov: subklinicheskaya fenomenologiya psichicheskoy "indukcii" pri nahozhdenii v kiberprostranstve. In: *Psichicheskoe zdorov'e detej strany – budushchee zdorov'e nacii: sbornik materialov Vserossijskoj konferencii po detskoj psihiatrii i narkologii*. Moscow; 2016. p. 259–62. Russian.
13. Bengina EA, Grishaeva SA. Kiberbulling kak novaya forma угрозы psichicheskomu zdorov'yu lichnosti podrostka. *Vestnik GUU*. 2018;(2):153–7. Russian.
14. Brown SL, Birch DA, Kancherla V. Bullying perspectives experiences, attitudes, and recommendations of 9- to 13-year-olds attending health education centres in the United States. *J Sch Health*. 2005;(75):384–92.
15. Card NA, Hodges EV. Parent-child relationships and enmity with peers the role of avoidant and preoccupied attachment. *New Dir Child Adolesc Dev*. 2003;(102):23–37.
16. Dake JA, Price JH, Murnan J, Telljohann SK. Elementary school secretaries' experiences and perceptions of administering prescription medication. *J Sch Health*. 2003;73(10):373–9.
17. Kaltiala-Heino R, Rimpelä M, Marttunen M, et al. Bullying, depression, and suicidal ideation in Finnish adolescents school survey. *BMJ*. 1999;319(7206):348–55.
18. Olweus D. Bullying at school basic facts and an effective intervention programme. *Promot Educ*. 1994;1(4):27–31.
19. Ttofi MM, Farrington DP, Lösel F, Loeber R. Do the victims of school bullies tend to become depressed later in life. A systematic review and meta-analysis of longitudinal studies. *J Aggres Conf Peace Res*. 2011;(3):63–73.
20. Williams K, Chambers M, Logan S, Robinson D. Association of common health symptoms with bullying in primary school children. *BMJ*. 1996;313(7048):17–29.
21. Makarova EA, Makarova EL, Mahrina EA. [Psychological features of cyberbullying as a form of Internet crime]. *Rossiiskij psihologicheskij zhurnal [Russian psychological journal]*. 2016;13(3):293–311. Russian.
22. Gini G, Pozzoli T. Bullied children and psychosomatic problems a meta-analysis. *Pediatrics*. 2013;132(4):720–9.
23. Kochenderfer BJ, Ladd GW. Peer victimization cause or consequence of school maladjustment. *Child Dev*. 1996;67(4):1305–17.
24. Vreeman RC, Aaron E, Carroll MD. A systematic review of school-based interventions to prevent bullying. *Arch Pediatr Adolesc Med*. 2007;161(1):78–88.
25. Cross D, Monks H, Hall M, et al. Three-year results of the Friendly Schools whole-of-school intervention on children's bullying behavior. *Br Educ Research J*. 2010;37(1):105–29.
26. Fekkes M, Pijpers FI, Verloove-Vanhorick SP. Effects of antibullying school program on bullying and health complaints. *Arch Pediatr Adolesc Med*. 2006;160(6):638–44.
27. Fonagy P, Twemlow SW, Vernberg EM, et al. A cluster randomized controlled trial of child-focused psychiatric consultation and a school systems-focused intervention to reduce aggression. *J Child Psychol Psychiatry*. 2009;50(5):607–16.
28. Kärnä A, Voeten M, Little TD, et al. A large-scale evaluation of the KiVa antibullying program grades 4–6. *Child Dev*. 2011;82(1):311–30.
29. Lewis KM, Schure MB, Bavarian N, et al. Problem behavior and urban, low-income youth a randomized controlled trial of positive action in Chicago. *Am J Prev Med*. 2013;44(6):622–30.
30. Li KK, Washburn I, DuBois DL, et al. Effects of the positive action program on problem behaviors in elementary school students a matched-pair randomized control trial in Chicago. *Psychol Health*. 2001;26(2):187–204.
31. Williford A, Boulton A, Noland B, et al. Effects of the KiVa anti-bullying program on adolescents' depression, anxiety, and perception of peers. *J Abnorm Child Psychol*. 2012;40(2):289–300.
32. Williford A, Elledge LC, Boulton AJ, et al. Effects of the KiVa antibullying program on cyberbullying and cybervictimization frequency among Finnish youth. *J Clin Child Adolesc Psychol*. 2013;42(6):820–33.
33. Caravita S, DiBlasio P, Salmivalli C. Unique and interactive effects of empathy and social status on involvement in bullying. *Soc dev*. 2009;(18):140–63.
34. Pöyhönen V, Juvonen J, Salmivalli C. What does it take to stand up for the victim of bullying? The interplay between personal and social factors. *Merrill Palmer Q*. 2010;56(2):143–63.
35. Salmivalli C, Poskiparta EM. Making bullying prevention a priority in Finnish schools the KiVa antibullying program. *New Dir Youth Dev*. 2012;133:41–53.

References

36. Salmivalli C, Voeten M. Connections between attitudes, group norms, and behaviors associated with bullying in schools. *Int J Behav Dev.* 2004;(28):246–58.
37. Berry K, Hunt CJ. Evaluation of an intervention program for anxious adolescent boys who are bullied at school. *J Adolesc Health.* 2009;45(4):376–82.
38. DeRosier ME. Building relationships and combating bullying effectiveness of a school-based social skills group intervention. *J Clin Child Adolesc Psychol.* 2004;33(1):196–201.
39. Olweus D. *Bullying at School: Knowledge Base and an effective Intervention Program.* Annals of the New York Acad Sc. 1996;794:265–76.
40. Peters RDV, McMahon RJ, Quinsey VL, Olweus D. *Bullying among school-children intervention and prevention Aggression and violence throughout the life span.* Sage Publications Newbury Park; 1992. p. 100–25.
41. Stevens V, De Bourdeaudhuij I, Van Oost P. Bullying in Flemish schools an evaluation of anti-bullying intervention in primary and secondary schools. *Br J Educ Psychol.* 2000;70(Pt. 2):195–210.
42. Sugai G, Horner RH. The evolution of discipline practices school-wide positive behavior supports. *Child Family Behav Therapy.* 2002;(24):23–50.
43. Twemlow SW, Fonagy P, Sacco FC. A developmental approach to mentalizing communities II. The Peaceful Schools experiment. *Bull Menninger Clin.* 2005;69(4):282–304.
44. Frey KS, Hirschstein MK, Snell JL, et al. Reducing playground bullying and supporting beliefs an experimental trial of the steps to respect program. *Dev Psychol.* 2005;41(3):479–90.
45. Hawkins JD, Catalano RF, Hawkins JD. *The social development model a theory of antisocial behavior Delinquency and crime current theories.* New York Cambridge University Press; 1996. p. 149–97.
46. Jenson JM, Dieterich WA. Effects of a skills-based prevention program on bullying and bully victimization among elementary school children. *Prev Sci.* 2007;8(4):285–96.
47. Bhat GS. *Cyber Bullying: Overview and Strategies for School Counsellors, Guidance Officers, and All School Personnel.* Aust J Guid Counsell. 2008;18:53–66.
48. Levy N, Cortesi S, Crowley E, et al. *Bullying in a Networked Era: A Literature Review.* Harvard University: Berkman Center Research Publication; 2012. 49 p.
49. Makushkin EV, Vostroknutov NV, Dozorcheva EG, Badmaeva VD. *Psihoterapevticheskaya i psihokorrekcionnaya pomoshch' nesovershennoletnim, nahodyashchimsya v trudnyh zhiznennyh obstoyatel'stvah: Posobie dlya vrachej.* Moscow; 2007. 58 p. Russian.
50. Perezhogin LO, Devyatova OE, Perezhogina OV. [Children who have suffered forced separation from their loved ones: psychocorrection classes in the rehabilitation group]. *Nauchno-medicinskij vestnik Central'nogo Chernozem'ya* [Scientific and medical Bulletin of the Central Chernozem region]. 2009;35(1):76–85. Russian.
51. Bauman S. *Cyberbullying and sexting: School mental health concerns. Mental health practice in today's schools: Current issues and interventions.* R Witte, S Mosley-Howard. NY: Springer; 2015. p. 241–64.
52. Medrano JIJ, Lopez Rosales F, Gámez-Guadix M. Assessing the links of sexting, cybervictimization, depression, and suicidal ideation among university students. *Arch Suicide Res.* 2018;22:153–64.
53. Villacampa C. Teen sexting: Prevalence, characteristics and legal treatment. *Int J Law Crime Justice.* 2017;(49):10–21.
54. Heikkila HK, Vaananen J, Helminen M, et al. Involvement in bullying and suicidal ideation in middle adolescence: a 2-year follow-up study. *Eur Child Adolesc Psychiatry.* 2013;22:95–102.
55. Klomek AB, Sourander A, Kumpulainen K, et al. Childhood bullying as a risk for later depression and suicidal ideation among Finnish males. *J Affect Disord.* 2008;109:47–55.
56. Klomek AB, Sourander A, Niemela S, et al. Childhood bullying behaviors as a risk for suicide attempts and completed suicides: a population-based birth cohort study. *J Am Acad Child Adolesc Psychiatry.* 2009;(48):254–61.
57. Olweus D. School bullying development and some important challenges. *Annual Rev Clin Psychol.* 2013;(9):751–80.

УДК 159.922.8

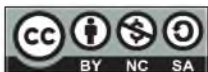
DOI 10.33463/2072-8336.2020.1(50).080-087

КИБЕРБУЛЛИНГ И СКЛОННОСТЬ К ДЕВИАНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ У ПОДРОСТКОВ

Е. Г. Дозорцева, Д. В. Кирюхина

Для цитирования

Дозорцева, Е. Г. Кибербуллинг и склонность к девиантному поведению у подростков / Е. Г. Дозорцева, Д. В. Кирюхина // Прикладная юридическая психология. – 2020. – № 1(50). – С. 80–87. – DOI : 10.33463/2072-8336.2020.1(50).080-087.

Статья лицензируется в соответствии с лицензией [Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/4.0/)

Аннотация. Кибербуллинг – один из видов современного отклоняющегося поведения подростков, который получил свое развитие с появлением социальных сетей в Интернете. Статья посвящена проблеме связи кибербуллинга (участия в кибербуллинге подростков и их отношения к его различным проявлениям) и склонности подростков к другим видам девиантного поведения. Гипотеза о связи кибербуллинга со склонностью к агрессивно-насильственному поведению не подтвердилась, однако обнаружено, что различные виды кибербуллинга имеют значимые связи со склонностью к аддиктивному поведению, в меньшей степени – к делинквентному поведению и склонности к преодолению норм и правил. Сделан вывод о необходимости дальнейших исследова-

ний феномена кибербуллинга как проявления агрессии и уточнения характеристик, сближающих его с феноменом аддикции.

Ключевые слова: подростки, кибербуллинг, социальные сети, Интернет, девиантное поведение, агрессия, аддиктивное поведение, делинквентное поведение.

Современное общество по праву характеризуется как информационное: одной из его черт является признание приоритета информации как продукта человеческой деятельности, а информационные технологии становятся неотъемлемой частью нашего существования. В то же время компьютеризация обеспечивает доступ к информации, которая, однако, не всегда оказывает позитивное влияние на человека и не всегда бывает надежной и достовер-

ной. Проводя за компьютером существенную часть своего времени, подростки оказываются подверженными неблагоприятному влиянию разного рода информации, и сами становятся источником подобных воздействий в разнообразных коммуникациях.

Одна из актуальных проблем, возникших в век информационных технологий, – проблема кибербуллинга – травли человека через сообщения в сети Интернет, содержащие негативные оценки, оскорбления, угрозы [8, с. 11]. Эту проблему можно рассматривать в качестве продолжения и модификации существующей уже в течение десятилетий проблемы буллинга в реальной жизни. Буллинг – одна из современных форм девиантного поведения подростков [1]. С появлением интернет-коммуникаций молодые люди получили новые возможности и активно пользуются виртуальным пространством для реализации своей агрессии, унижая и оскорбляя других людей [4], что может иметь тяжелые последствия для жертв: от негативных эмоциональных реакций до психических расстройств и даже суицида, когда подросток не выдерживает эмоциональных нагрузок и не может справиться со сложившейся ситуацией [10, 11, 14, 15]. В отличие от обычного буллинга, кибертравля охватывает огромную аудиторию интернет-пользователей. Ситуация усугубляется тем, что информация, запущенная в виртуальное пространство с целью дискредитации человека, крайне сложно удаляется. Это порождает у жертвы ощущение беспомощности, безысходности. Большинство из пострадавших не осмеливаются обратиться за поддержкой и предать огласке их травлю, так как опасаются быть отвергнутыми всем обществом [12; 13, с. 71].

В исследованиях, посвященных определению форм и структуры отклоняющегося поведения, были выделены критерии оценки и отличительные свойства такого поведения [2]. Девиации рассматриваются как действия личности (группы), отклоняющиеся от социальных норм, причиняющие реальный ущерб обществу или самой личности (группе). Они сопровождаются социальной дезадаптацией, однако приносят и скрытую выгоду носителю девиантного поведения [3].

Кибербуллинг сходен по своим характеристикам с другими видами девиантного поведения. Ему свойственны деструктивность, социальное равнодушие, игнорирование общечеловеческих ценностей, повторение действий, которые способствуют формированию девиаций [5, 7]. Вместе с тем феномен кибербуллинга в связи с другими видами девиантного поведения до сих пор не исследован. Это обстоятельство, а также необходимость противодействовать подобным тенденциям и предупреждать их негативные последствия обуславливают актуальность изучения проблемы кибербуллинга в связи со склонностью к другим видам девиантного поведения.

Предпринятое нами исследование было направлено на выявление связи между участием подростков в кибербуллинге и отношением к различным проявлениям кибербуллинга, с одной стороны, и склонностью подростков к различным видам девиантного поведения, с другой. Исходя из характеристик кибербуллинга, мы предположили, что наиболее близким к нему должна быть склонность подростков к агрессивному поведению в реальной жизни.

Методы и выборка

В исследовании приняли участие 44 ученика 8-х классов в возрасте 13–15 лет ($M = 14,0 \pm 0,36$), 17 мальчиков и 27 девочек. Для исследования включенности подростков в интернет-пространство и их отношения к кибербуллингу были специально разработаны два опросника. Первая методика посвящена изучению поведения школьников в социальных сетях и определению того, какие виды занятий в Интернете предпочитают юные пользователи и какое количество времени им уделяют. Второй опросник позволил выявить частоту столкновения школьников с кибербуллингом, характер их участия в нем (в качестве жертв, преследователей, совмещающих обе роли), а также их оценку допустимости тех или иных действий в сети Интернет, которые по своему содержанию подпадают под определение кибербуллинга.

Обследование проводилось анонимно, с указанием подростками только своего псевдонима, пола и возраста, что повышало уровень их открытости и достоверности результатов. Часть вопросов имели открытый характер. При обработке данных с помощью описательной статистики учитывались как общие результаты, так и дифференцированные по полу.

При определении склонности подростков к девиантному поведению за основу была взята классификация, используемая в методике «Склонность к отклоняющемуся поведению» («СОП») [9, с. 362–370], с помощью которой у подростков выявляются тенденции к нарушению норм и правил в целом, к аддиктивному, саморазрушающему и самоповреждающему, делинквентному поведению, к агрессии и насилию. Специальная шкала методики ориен-

тирована на выявление дефицита волевого контроля эмоциональных реакций, который способствует реализации перечисленных выше вариантов поведенческих девиаций.

Связь между данными об участии подростков в кибербуллинге и склонностью к отклоняющемуся поведению устанавливалась при помощи ранговой корреляции Спирмена [6, с. 2].

Результаты и их обсуждение

Проведенный опрос показал, что подростки проводят значительную часть своего свободного времени в сети Интернет, преимущественно общаясь в социальных сетях, которые привлекают их удобством такого общения (табл. 1).

Установлено, что практически все (97 %) опрошенные подростки сталкивались с кибербуллингом, причем большинство (56 %) использовали интернет-травлю в качестве ответа на агрессию (табл. 2). Среди девочек количество тех, кто выступали только в роли жертв (40,7 %) значительно преобладает над количеством кибербуллеров (3,7 %). Среди мальчиков кибербуллеров в процентном отношении больше, чем у девочек (17,6 %), но число жертв кибертравли у них также не сколько преобладает (23,5 %).

Как показано в таблице 3, в большинстве случаев школьники, находившиеся в позиции жертвы, подвергались издевательствам, раскрытию личной информации и травле (диссинг).

Результаты, представленные в таблице 4, свидетельствуют о том, что с одобрительным отношением подростков к некоторым видам кибербуллинга связана их склонность к аддиктивному и агрессивному поведению.

Данные таблицы 5 указывают на то, что наибольшее число видов кибер-

Таблица 1

Виды занятий подростков в социальных сетях

Виды занятий в социальных сетях	N = 44
Переписываюсь с друзьями	78 %
Слежу за новостями в мире	10 %
Играю в различных приложениях	0 %
Просматриваю картинки и видео по своим интересам	2 %
Оставляю комментарии под записями других людей	5 %
Завожу знакомства с людьми из других городов (стран)	3 %
Другое	2 %

Таблица 2

Участие подростков в кибербуллинге, %

Подростки	Никогда не сталкивались	Жертвы	Кибербуллеры	Кибербуллеры и жертвы одновременно
Всего (N = 44)	3,0	32,0	9,0	56,0
Девочки (N = 27)	3,7	40,7	3,7	51,9
Мальчики (N = 17)	5,9	23,5	17,6	52,9

Таблица 3

Формы кибербуллинга, которым подверглись подростки

Формы кибербуллинга	N = 44
Издательство	77 %
Раскрытие личной информации	51 %
Травля (диссинг)	48 %
Киберпреследование	39 %
Троллинг	31 %

Таблица 4

Связь оценки допустимости подростками действий в сети Интернет со склонностью к девиантному поведению

Действия в Интернете, которые подростки считают допустимыми	Виды отклоняющегося поведения	
	Аддиктивное поведение	Склонность к агрессии и насилию
Оскорблять человека и его интересы и не извиняться за это	,476***	-,152
Обсуждать информацию о человеке с другими без его ведома	,305**	,330**

** p < 0,01; *** p < 0,001

агрессии подростков связано со склонностью к аддиктивному поведению как иллюзорно-компенсаторному варианту решения собственных проблем. Кроме того, обращает на себя внимание то, что максимально тесно с различными видами отклоняющегося поведения связан такой вид кибербуллинга, как отправление текстового сообщения, чтобы позлить или посмеяться. В то же

время множественные проявления кибербуллинга, или использование разных видов недопустимого поведения в виртуальной среде, имеют связь с наиболее выраженным вариантом девиантного поведения – делинквентным.

Как показано в таблице 6, некоторые виды кибербуллинга, от которых страдали сами опрошенные, имеют неоднозначные связи со склонностью к

Таблица 5

Связь действий, которые совершали подростки со склонностью к девиантному поведению

Действия в Интернете	Виды отклоняющегося поведения		
	Аддиктивное поведение	Преодоление норм, правил	Делинквентное поведение
Размещение выдуманной информации о человеке, чтобы другие посмеялись	,373**	,234	,123
Отправление текстового сообщения, чтобы позлить или посмеяться	,666***	,437***	,412***
Размещение выдуманной информации в социальных сетях о других людях	,444***	,127	,246
Отправление электронного письма, чтобы позлить или посмеяться	,324**	,194	,108
Более одного из упомянутых выше	,491	,267	,309**

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

Таблица 6

Связь действий, с которыми сталкивались подростки в сети Интернет в качестве пострадавших, и склонности к девиантному поведению

Действия в Интернете по отношению к самому подростку	Виды отклоняющегося поведения		
	Аддиктивное поведение	Преодоление норм, правил	Делинквентное поведение
Получение неприятного письма от знакомого	-,123	-,323**	-,147
Получение неприятного письма от незнакомого	-,029	-,006	,314**
Травля и издевательство онлайн	,455***	,179	,250

* $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$

девиантному поведению. Можно предположить, что положительные связи между показателями кибербуллинга, жертвами которого становились подростки, и их собственными девиантными тенденциями служат основанием превращения в дальнейшем пострадавших в киберагрессоров.

Данные, представленные в таблице 7, указывают на наличие значимой связи между многими виртуальными действиями, которые, по мнению подростков, являются приемлемыми, и склонностью к отклоняющемуся поведению. Большую часть связей составляют позитивные установки к проявлениям кибербуллинга со склонностью к аддиктивному поведению.

Обобщая результаты эмпирического исследования, можно констатировать следующее. Подростки 13–15 лет активно пользуются Интернетом, в

частности социальными сетями, и часто сталкиваются с кибербуллингом. Кибербуллинг может рассматриваться как особый вариант девиантного поведения, который проявляется во враждебном отношении к другим людям с целью нанесения им психологического ущерба. В процессе онлайн-травли подростки занимают позицию как преследователя, так и жертвы, часто сочетая эти роли. Выдвинутая нами гипотеза о наиболее тесной связи кибербуллинга со склонностью подростков к агрессии и насилию не подтвердилась: такие связи в данной выборке вообще отсутствовали. В то же время различные виды кибербуллинга имеют значимые связи преимущественно со склонностью школьников к аддиктивному поведению, в меньшей степени – к делинквентному поведению и преодолению норм и правил в це-

Таблица 7

Связь виртуальных действий, которые подростки считают приемлемыми, и склонности к девиантному поведению

Действия в Интернете, которые подростки считают приемлемыми	Виды отклоняющегося поведения		
	Аддиктивное поведение	Преодоление норм, правил	Делинквентное поведение
Не извиняться в социальных сетях за оскорбления	,306**	,193	,009
Злить кого-нибудь	,468***	,204	,379**
Не осуждать тех, кто выкладывает видео с драками	,270	,070	,325**
Смотреть видео, где кого-то бьют	,393***	,187	,224
Не осуждать парней, которые выкладывают фото знакомых девушек без их ведома	,328***	,349**	,023
Троллить других людей в Интернете	413***	,170	,251

* p < 0,05; ** p < 0,01; *** p < 0,001

лом. Полученные результаты требуют новой интерпретации и ставят новые вопросы. Мы можем предположить, что они свидетельствуют о специфическом характере кибербуллинга как феномена агрессии. Возможно, подростки, склонные к активной прямой, в том числе физической, агрессии, реализуют ее в реальной жизни, а не в сети Интернет. С другой стороны, кибербуллинг при отсутствии непосредственного контакта между агрессором и жертвой может иметь замещающий характер и включать в себя элементы фантазии (представления кибербуллера о реакции жертвы), что сближает его с иллюзорно-компенсаторными свойствами аддиктивного поведения.

Заключение

Проведенное исследование имеет существенные ограничения, связанные с небольшим объемом выборки, и может рассматриваться как предварительное, пилотное. В то же время выявленные связи кибербуллинга и склонности к различным видам девиантного поведения позволяют наметить пути дальнейшего изучения кибербуллинга как феномена специфической «бесконтактной» агрессии. Более детального анализа требуют характеристики аддиктивного поведения, связи с которым кибербуллинг отличаются высокой статистической значимостью. Интерес представляет сопоставление этих явлений с таким феноменом, как кибераддикция. Следует продолжить исследование связи кибербуллинга с различными компонентами агрессии, а так же агрессивностью и враждебностью как личностными чертами. Один из вариантов исследования может заключаться в определении индивидуальных характеристик, не

только способствующих, но и препятствующих кибербуллингу.

Полученные как в настоящем исследовании, так и в планируемых работах результаты позволят более четко представить феномен кибербуллинга и разработать подходы к его профилактике и конкретные меры по предупреждению кибертравли среди подростков.

Библиографический список

1. Авдулова Т. П. Тенденции социализации подростков в контексте информационных предпочтений // Психологические исследования : электрон. науч. журн. 2011. № 6(20). С. 8. URL : <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.12.2019).
2. Вассерман Л. И., Щелкова О. Ю. Медицинская психодиагностика: теория, практика, обучение : учеб. пособие. СПб. ; М., 2003. 736 с.
3. Змановская Е. В. Психология девиантного поведения: структурно-динамический подход : монография. СПб., 2005. 274 с.
4. Кондрашкин А. В., Хломов К. Д. Девиантное поведение подростков и Интернет: изменение социальной ситуации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 9(3). С. 102–113.
5. Ксенофонтова И. В. Специфика коммуникации в условиях анонимности: меметика, имиджборды, троллинг // Интернет и фольклор : сб. статей / отв. ред. А. С. Каргин. М. : Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. С. 285–294.
6. Поляков Л. Е. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена. М. : Наука, 1971. 2 с.
7. Солдатова Г. У., Зотова Е. Ю. Кибербуллинг в школьной среде: трудная онлайн-ситуация и способы совлада-

ния // Образовательная политика. 2011. № 5(55). С. 11–22.

8. Федунина Н. Ю. Представления о триаде «преследователь – жертва – наблюдатель» в кибербуллинге в англоязычной литературе // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 41. 11 с.

9. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М. : Изд-во Института психотерапии, 2002. 488 с.

10. Chibbaro J. S. School counselors and the cyber bully: Interventions and implications. Professional School Counseling. 2007. Pp. 65–68.

11. Kowalski R. M., Limber S. P. & Agatston P. W. Cyberbullying: Bullying

in the digital age (2 nded.). Chichester : Wiley-Blackwell, 2011.

12. Lenhart A. Cyberbullying: What the research is telling us. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/Presentations/2009/18-Cyberbullying-What-the-research-is-telling-us.aspx>, 2010.

13. Patchin J. W. Cyberbullying: A review of the legal issues facing educators. Preventing School Failure. 55(2). 2011. Pp. 71–74.

14. Slonje R., Smith P. K. Cyberbullying: Another main type of bullying? Scandinavian Journal of Psychology. 49. 2008. Pp. 147–154.

15. Walrave M., Heirman W. Cyberbullying: Predicting victimisation and perpetration. Children & Society. 25(1). 2011. Pp. 59–72.

**ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ДЕВИАНТНОГО И
ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ | INTERNET
TECHNOLOGIES TO PREVENT DEVIANT AND SOCIALLY DANGEROUS BEHAVIOR**

**Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения**

Дозорцева Е.Г.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Ошевский Д.С.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3465-6302>, e-mail: oshevsky@serbsky.ru

Сыроквашина К.В.

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-6130>, e-mail: syrovkashina@mail.ru

В статье рассматриваются факторы, повлиявшие на совершение несовершеннолетними нападений на учебные заведения. Проведен анализ публикаций, предлагающих объяснения и теоретические модели такого рода преступлений. Авторы представляют результаты собственного качественного анализа данных эмпирического исследования 9 подростков, совершивших нападения на школы, и материалов уголовных дел, выполненного в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Полученные данные свидетельствуют о специфической личностной структуре подростков и имеющихся у них психических расстройствах, а также об их особом социально-психологическом статусе отверженных и изолированных в классе. Описан компенсаторный механизм развития идентичности с ориентацией на ролевую модель подростков, совершивших нападение на школу «Колумбайн» в США, и подражание их действиям. Оценивается роль сети Интернет в этом процессе. Делается вывод о необходимости многоаспектного анализа подобных действий и соответствующей профилактической работы.

Ключевые слова: нападения в школах, несовершеннолетние, агрессивное поведение, аутоагрессивное поведение, суицид, сеть Интернет.

Для цитаты: *Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.* Психологические, социальные и информационные аспекты нападений несовершеннолетних на учебные заведения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110. DOI:10.17759/psylaw.2020100208

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
Psychological, Social and Informational Aspects of
Attacks by Minors on Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

Psychological, Social and Informational Aspects of Attacks by Minors on Educational Institutions

Elena G. Dozortseva

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Dmitry S. Oshevsky

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3465-6302>, e-mail: oshevsky@serbsky.ru

Kseniya V. Syrokvashina

FSBI «National Medical Research Center of Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbsky» of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-6130>, e-mail: syrokvashina@mail.ru

The article examines the factors influencing the attacks by minors on educational institutions. The analysis of publications offering explanations and theoretical models of such crimes is performed. The authors present the results of their own qualitative analysis of data from an empirical study of 9 teenagers who attacked schools, and materials of criminal cases. The analysis is performed as part of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination. The data indicate the specific personality structure of adolescents and their existing mental disorders, as well as their special socio-psychological status in the classroom as outcasts and isolated. A compensatory mechanism of identity development is described with a focus on the role model of teenagers who attacked the Columbine school in the United States, and who imitated their actions. The role of the Internet in this process is evaluated. It is concluded that there is a need for a multidimensional analysis of such actions and appropriate preventive work.

Keywords: attacks in schools, minors, aggressive behavior, auto-aggressive behavior, suicide, the Internet.

For citation: Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V. Psychological, Social and Informational Aspects of Attacks by Minors on Educational Institutions. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110. DOI:10.17759/psylaw.2020100208 (In Russ.).

В последнее время проблема нападений на школы со стороны учеников вызывает повышенную озабоченность сотрудников правоохранительных органов, образования и здравоохранения. Подобные явления происходили не только в России, но и в других странах

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
Psychological, Social and Informational Aspects of
Attacks by Minors on Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

— США, Германии, Финляндии, причем часто эти акты агрессии имеют сходные черты, а их причины интересуют многих исследователей.

Проведенные ранее литературные обзоры позволяют составить примерную картину психологических механизмов и факторов риска формирования поведения, результатом которого являются нападения несовершеннолетних на учебные заведения [3; 7]. Отдельные отечественные теоретические исследования заставляют задуматься о терминологических разночтениях и подходах к школьным нападениям с различных методологических позиций [4]. Опираясь на опыт исследований, проведенных на материале комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз, мы проанализировали случаи школьных нападений, прошедших детальную клинико-психологическую оценку. Фактически в каждом случае выстраивалась схема формирования поведения несовершеннолетнего, включавшая в себя историю жизни, имевшиеся факторы риска, анализ основных механизмов нападения и оценку степени способности к осознанно-волевой регуляции в ходе нападения. В данной работе мы хотели бы провести обобщение этих случаев с обозначением перспективы дальнейших исследований.

Анализируя исследования, проведенные с целью определения причин школьных нападений, можно выделить несколько групп факторов, относящихся к индивидуальным особенностям нападавших, их непосредственному окружению и характеру их взаимодействия.

Наиболее часто в качестве социально-психологической характеристики общения несовершеннолетнего со сверстниками выступают проблемы коммуникации с другими обучающимися, отвержение со стороны сверстников или буллинг. Лишь в отдельных случаях подобных проблем взаимодействия с микросоциумом не отмечается. Неразрешенные конфликты в школьной среде становятся источником постоянного стресса и фокусом переживаний подростков, а также субъективным поводом для формирования агрессивных намерений [8; 13; 17; 19]. Вместе с тем ряд исследователей предостерегают от объяснения проблемы школьных нападений лишь влиянием буллинга и обращают внимание на их многофакторную природу [16].

Значительное внимание со стороны специалистов уделяется психическому здоровью несовершеннолетних агрессоров. В описываемых в публикациях случаях у многих нападавших выявлялись психические расстройства. Преобладающим при этом был диагноз депрессии; отмечалось, что у подростков длительное время было сниженное настроение [9; 13]. В тесной связи с формированием у них психических аномалий рассматривался определенный спектр личностных особенностей инициаторов нападений. На основе доминирующих нарушений и уровня психического функционирования предлагалась типология нападавших (травмированный, психотический и психопатический типы) [10].

В структуре формирования идей нападений и их реализации в большинстве случаев отмечались суицидальные намерения. Инициаторы школьных нападений, как правило, оставляли предсмертные записки, объясняя, в частности, причины своих действий, а после атаки предпринимали попытки покончить с собой, которые отличались подготовленностью и продуманностью [11]. Отмечается также, что число убитых при атаке имеет прямую корреляцию с вероятностью суицида нападавшего [18].

Среди выделяемых семейных проблем несовершеннолетних отмечается отсутствие внимания со стороны родителей, слабый контроль с их стороны, а также конфликтные семейные отношения. Кроме того, в качестве фактора, усиливающего напряжение

непосредственно перед нападением, могли выступать родительские дисциплинарные меры [19].

Одним из важных вопросов, которые стояли перед исследователями, был вопрос о том, какую роль в формировании идеи нападения на школу или стимулировании подобных намерений подростков играли источники информации, в том числе Интернет. Участие в сообществах, ориентированных на обсуждение идей ненависти к другим, акцентированных на превосходстве над окружающими, может способствовать росту убежденности в правомерности размышлений о мести, а нападения — как предпочитаемого выхода из субъективно сложной ситуации [12].

Распространение информации через СМИ и социальные сети, а также проблема самопредъявления рассматривалась через теорию информационного «заражения». Была обнаружена связь между ростом популярности социальных сетей и числом школьных нападений [15]. Вероятность того, что подверженные стрессу или уязвимые индивидуумы могут, сознательно или неосознанно, вдохновляться описанием сценариев и деталей подобных событий, была проверена в исследовании с использованием математической модели «заражения». Авторами было показано, что эффект заражения после массовых нападений проявляется в случае гибели трех и более жертв и не характерен для менее летальных событий [18].

Одной из успешных попыток разработки методологической базы исследования школьных нападений можно считать модель Дж. Левин (J. Levin) и Е. Мэдфис (E. Madfis). На основе нескольких криминологических теорий (теории напряжения, теории управления и теории рутинных действий) они разработали пятиступенчатую «последовательную» модель, описывающую пять этапов: хроническое напряжение, неконтролируемое напряжение, острое напряжение, этап планирования и нападение. Хроническое напряжение, переживаемое несовершеннолетним, включает в себя долгосрочные фрустрации на основе пережитого в детском или подростковом возрасте, приводящие к социальной изоляции, что в условиях дефицита систем просоциальной поддержки приводит к неконтролируемому напряжению. Далее, как правило, краткосрочным негативным событием провоцируется острое напряжение, в свою очередь стимулирующее переход к стадии планирования, в сценарии которого контроль над ситуацией воплощается в массовом убийстве, а финалом становится само нападение [15].

Несмотря на то, что в имеющихся публикациях уже проводился анализ феномена нападений подростков на школы, его трактовка в различных психологических аспектах с привлечением конкретного материала эмпирического психологического исследования, в том числе отражающего субъективные переживания несовершеннолетних и характер влияния на них сети Интернет, до сих пор отсутствовала. В связи с этим *целью* настоящего исследования стало описание психологических, социально-психологических и информационных аспектов нападений несовершеннолетних на учебные заведения.

Материал и методы исследования

Исследование проведено в ФГБУ «НМИЦ ПН имени В.П. Сербского» Минздрава России. Материалом послужили результаты обследования 9 несовершеннолетних мужского пола, обвиняемых в нападениях на учебные заведения. Данные были получены в рамках

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
 Психологические, социальные и информационные
 аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
 заведения
 Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
 Psychological, Social and Informational Aspects of
 Attacks by Minors on Educational Institutions
 Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

производства комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ). Клинические и экспертные параметры представлены в табл. 1 и 2.

Таблица 1

Клинические характеристики подэкспертных

Клиническая характеристика	Число наблюдений (абс.)
Психически здоровый	1
Расстройство адаптации (F43.25 по МКБ-10)	1
Органические психические расстройства (F07.08 по МКБ-10)	2
Формирующаяся личностная патология (F61.03 по МКБ-10)	2
Расстройства шизофренического спектра (F20.3, F23.1, F25.2 по МКБ-10)	3

Таблица 2

Экспертные характеристики подэкспертных

Рекомендованное экспертное решение КСПЭ	Число наблюдений (абс.)
Вменяемые без ограничений	3
Ограниченно вменяемые (ст. 22 УК РФ)	2
Невменяемые (ст. 21 УК РФ)	4

Подростки обвинялись по ст. 30 ч. 2 ст. 105 УК РФ (попытка убийства, убийство двух и более лиц). Кроме того, троим из них инкриминировали ст. 206 УК РФ (захват заложника), двоим ст. 223 (изготовление оружия). Двое несовершеннолетних состояли на внутришкольном учете, в КДН и ЗП, однако никто ранее к уголовной ответственности не привлекался. Среди пострадавших были в основном дети, три нападения закончились смертельными исходами. Средний возраст обвиняемых подростков на момент нападения составил $16,1 \pm 1,1$ лет, на момент обследования $16,4 \pm 1,2$ лет.

При оценке различных сфер психической деятельности и индивидуально-психологических особенностей подростков в соответствии с рекомендуемыми стандартами [3] проводилось экспериментально-психологическое исследование. Осуществлялся психологический анализ анамнестических сведений и материалов уголовного дела.

Сведения заносились в формализованную карту исследования, включающую 89 параметров. Проводился качественный анализ высказываний несовершеннолетних, продуцируемых в ходе клинической беседы.

Результаты исследования

Учитывая то, что врачи-психиатры экспертных комиссий диагностировали психические расстройства у 8 из 9 несовершеннолетних, были проанализированы факты, которые могли указывать на психическое неблагополучие подростков в истории их жизни.

Наследственная отягощенность по психическим заболеваниям была отмечена только в одном случае. Ранняя (пре- и постнатальная) органическая патология выявлена примерно в половине случаев (5 наблюдений), что могло выступать предиспозицией проблем дальнейшего психического развития. Вместе с тем практически все обследованные адаптировались в детских дошкольных учреждениях, своевременно поступили в школу и в начальных классах демонстрировали среднюю, а некоторые высокую успеваемость. Только у троих подростков отмечались академические трудности в средней школе. В то же время данные клинической беседы свидетельствуют о том, что к началу подросткового периода внутренний дискомфорт был присущ всем без исключения несовершеннолетним. Он проявлялся в субъективном ощущении непонимания и даже отторжения со стороны окружающих. Весьма иллюстративными являются высказывания подростков. Среди их определений того, кем они себя чувствовали, — «изгой общества», «параноик», «недочеловек», «лишний в этом мире» и т. п. В этот период большинство несовершеннолетних (7 наблюдений) отмечали у себя суицидальные мысли и намерения, о которых они, как правило, ни родителям, ни учителям не сообщали. Подобные тенденции и связанное с ними психическое напряжение приводили к повышенной агрессивности и враждебности. Однако открытое агрессивное поведение для обследованных подростков было в основном не характерно. Следует подчеркнуть, что, несмотря на интенсивные субъективные переживания, которые экспертные комиссии квалифицировали как патологические признаки психического расстройства, сведения об обращениях к профильным специалистам (неврологу, психиатру, клиническому психологу) и ранее выставленных психиатрических диагнозах были только в двух случаях. Лишь один подросток находился под наблюдением психиатра. Из сказанного следует, что клинические факторы в формировании аутоагрессивного и агрессивного поведения несовершеннолетних окружающими были явно недоучтены.

Исследование индивидуально-психологических особенностей в рамках КСППЭ позволило выделить у несовершеннолетних обвиняемых в нападениях на учебные заведения ряд дисгармоничных свойств. Для всех без исключения обследованных была характерна неустойчивая самооценка с пессимистическим восприятием будущего, ее существенная зависимость от внешних обстоятельств. Это сочеталось с ожиданием негативного и враждебного отношения со стороны окружающих, подозрительностью, неуверенностью в себе, ранимостью и обидчивостью. Усредненные данные, по методике «Тест руки» Э. Вагнера (показатель $(Ag+Dir)/n=0,31$) свидетельствовали о повышенной агрессивности. При исследовании с помощью личностного опросника Басса—Перри обнаружено, что в структуре агрессивных тенденций ведущую роль играл параметр «Враждебность» (усредненный показатель — 26,88 баллов). По данным теста Розенцвейга, подростки были склонны фиксироваться на неприятных переживаниях (индекс $OD=39,5\%$), у них преобладали эгозащитные тенденции (индекс $ED=42,4\%$). Повышенная сензитивность сочеталась со склонностью к накоплению психического напряжения. При этом стратегии разрешения проблемных ситуаций отличались не только узким репертуаром, но и инертностью, ригидностью. Наряду с чертами зависимости обнаруживалась склонность к избегающим моделям поведения. Для всех обследованных несовершеннолетних были характерны повышенный уровень личностной тревожности и депрессивные тенденции. Выявляемая интровертивная направленность, склонность не делиться своими переживаниями существенно затрудняли использование внешней помощи и поддержки.

Анализ семейного контекста показывает, что несовершеннолетние, обвиняемые в нападениях на учебные заведения, воспитывались во внешне благополучных, в основном полных семьях. Из школьных характеристик следует, что родители уделяли должное внимание воспитанию детей, постоянно взаимодействовали с педагогическим коллективом и администрацией. Родители также описывали отношения в семье как благополучные. Вместе с тем из самоотчетов самих подростков следует, что они, как правило, не ощущали семейной поддержки (данные семи наблюдений), а отношения с родственниками характеризовали как плохие и дистанцированные. Нарративы, полученные в ходе клинической беседы и касающиеся взаимоотношений с родителями, содержат вариации описаний отношений с родителями от «непонимания» до «они относились ко мне, как к мусору». Обследуемые с обидой указывали на то, что при возникновении проблем они предпочитали не говорить о них близким. Даже в тех редких случаях, когда подростки сообщали родителям о конфликтах с учителями и одноклассниками, своих внутренних переживаниях по этому поводу, активно искали помощи у родителей, те не воспринимали их серьезно. В итоге у подростков формировалось чувство субъективной безвыходности из создавшегося положения.

Анализ конфликтов, связанных с образовательными учреждениями, показал, что в характеризующих несовершеннолетних материалах менее чем в половине случаев (4 наблюдения) содержатся сведения, касающиеся проблем подростка с учениками и учителями. Вместе с тем, по данным, полученным в ходе клинической беседы, все несовершеннолетние негативно воспринимали отношения, складывающиеся в школе. Об уровне психического напряжения и ощущении безвыходности красноречиво свидетельствуют их высказывания. Так, один из нападавших заявлял: «Год жил только мечтой поскорей закончить 9 классов и уйти куда-нибудь учиться в другое место». Он сообщал родителям о своих конфликтах с одноклассниками, просил их перевести его в другую школу. Однако ему отвечали, что от этого «лучше не станет» и нужно продолжать учебу на прежнем месте. Подросток отмечал, что у него нарушился сон, «все мысли были только о том, что придется идти в школу и терпеть». Другой несовершеннолетний утверждал, что негативные мысли о школьных конфликтах «начинали мелькать еще в субботу, в воскресенье было до трясучки, до тошноты, представлял себе, как это опять будет в понедельник». В подавляющем большинстве случаев подростки указывали на возникавшие суицидальные мысли и намерения, а двое ранее предпринимали попытки самоубийства.

Одним из основных способов частичного снятия психического напряжения являлось ведение дневниковых записей и общение в социальных сетях, где подростки описывали свои переживания. Причем это было характерно даже для несовершеннолетних с относительно невысоким интеллектуальным уровнем и недостаточно развитой рефлексией. В материалах уголовных дел представлены рукописные записи и скриншоты из соцсетей, где подростки подробно описывали свои переживания, составляли списки обидчиков, разрабатывали способы расправы над ними, в деталях излагали свои агрессивные фантазии. Следует подчеркнуть, что подобная деятельность начиналась задолго (от полугода до полутора—двух лет) до нападения на учебное заведение. Психическое напряжение, не имевшее адекватного выхода, приводило к поиску возможных причин создавшегося положения и путей выхода из него. Это, в свою очередь, формировало у подростков своеобразные увлечения. Большинство из них проводили много времени за компьютерными играми с агрессивным сюжетом (8 наблюдений). Более чем в половине случаев (5 наблюдений) несовершеннолетние проявляли

интерес к националистической и расистской идеологии. Однако наибольшую притягательность для них имела деструктивная молодежная субкультура «Колумбайн», основанная на почитании и идеализации подростков, совершивших нападение на одноименную школу в США в 1999 г. В 8 случаях подростки не только целенаправленно искали сведения в Интернете, посещали ресурсы, касающиеся этой тематики, но и активно включались во взаимодействие с другими несовершеннолетними, разделяющими подобные взгляды. Некоторые для общения в группах в качестве никнеймов брали себе имена подростков, осуществивших нападение на школу «Колумбайн».

Восприятие себя слабым, беспомощным, не способным противостоять внешним обстоятельствам, решать каким-то образом школьные проблемы требовало определенной компенсации. Она происходила за счет формирования идеализированных деструктивных образов, в которых подросток представлял себя сильным. Этот механизм хорошо иллюстрирует запись одного из несовершеннолетних: «Я всегда ненавидел себя, презирал, со мной никто не общался, гнобили часто, чувствую себя неполноценным. И как мне быть. Попытаться завоевать авторитет и внимание — пустая трата времени и нервов. Люди — куски поганого... меня всего трясет, я так не нервничал с тех пор, как придумал эту хрень... осталось немного... мы умрем, как и все, мы беспощадно всех убьем, всех!!!! Оставаться в теле человека, думать о ближайшей смерти, о том, что собираешься убить... заводит». Другой подросток, который полагал, что «все люди» недооценивают его, убийствами и последующим суицидом хотел показать, что ему «надоела несправедливость в этом мире». Ранее отмечалось, что для большинства несовершеннолетних была характерна интровертированность. Внутренняя изолированность, неумение строить адекватные социальные связи приводили к поискам социальной поддержки среди подростков со схожими проблемами. Она осуществлялась в процессе виртуального общения с соответствующим гипермаскулинным позиционированием себя в социальных сетях. Следует отметить, что действия подростков, ранее совершивших нападения на учебные заведения, в таких сообществах идеализировались, романтизировались и выступали для участников моделью для подражания. Например, один из несовершеннолетних отмечал, что оформлял дневник так же, как у «Эрика и Дилана», а в качестве «пособия» использовал сюжеты многократно пересмотренных фильмов «Нулевой день» и «Класс», повествующих о нападениях на учебные заведения в США и Эстонии.

О высокой значимости этих интересов и включенности в подобную деятельность свидетельствуют изменения в поведении подростков. Так, у троих появилось увлечение оружием и взрывчатыми веществами, которое было несвойственно им ранее. Четверо несовершеннолетних начали подражать в стиле одежды подросткам, совершившим нападение на школу «Колумбайн». В целом ряде материалов уголовных дел содержатся сведения от родителей и учителей, которые отмечали происходившие с подростками трансформации, однако не придавали им серьезного значения. Так, мать одного из подростков сообщала, что сын попросил ее купить черный плащ и высокие ботинки «берцы». Она указывала, что ему нравился стиль «милитари», и предполагала, что камуфляж придавал сыну уверенности. Отец этого несовершеннолетнего подарил сыну на день рождения пневматическое ружье, которое тот использовал при нападении на школу. По-видимому, активное взаимодействие в Интернете и социальных сетях в сообществе единомышленников на темы, связанные с нападением на учебные заведения и последующим суицидом, подпитывали, оформляли и закрепляли уже имевшиеся агрессивно-деструктивные тенденции подростков.

Во многих случаях анализ высказываний несовершеннолетних позволяет проследить динамику и роль получаемой в сети Интернет информации в принятии решения о нападении на школу. Так, один из обвиняемых сообщал, что в группах «Колумбайн» и аналогичных им он состоял примерно два года. Однако если вначале он «просто знакомился» с содержанием ресурсов, то в последующем, чем больше информации получал, тем больше находил общего между тем, что происходило в жизни ранее напавших на учебные заведения, и «своим плохим, депрессивным состоянием». Подчеркивал, что стал уже «нарочно» просматривать данный контент, смотреть видеоролики, общаться в чатах с заинтересованными несовершеннолетними из разных городов, которые также страдали от школьного буллинга.

О стойкости сочетанных суицидально-агрессивных намерений свидетельствует то, что в двух третях случаев подростки предполагали завершить нападение самоубийством, причем четверо предприняли суицидальную попытку, а трое из них были госпитализированы в связи с нанесенными самоповреждениями.

Следует отметить, что, несмотря на разработанный план и внешнюю целенаправленность действий, у многих несовершеннолетних агрессивные криминальные действия носили во многом ситуационный и хаотичный характер. Обращает на себя внимание также тот факт, что среди пострадавших учеников и учителей не оказалось ни одного непосредственного участника конфликтов, или того, кого подростки воспринимали как своих обидчиков.

Обсуждение результатов

Проведенный качественный анализ данных эмпирического исследования личностных особенностей и психического состояния несовершеннолетних, совершивших нападения на учебные заведения, характеристик их взаимодействия с непосредственным окружением в школе и семье, а также использования ими информации в сети Интернет, позволяет заключить, что формирование агрессивного и аутоагрессивного поведения таких подростков началось задолго до совершения ими противоправных действий, однако оставалось незамеченным окружающими.

Имевшиеся у большинства обследованных психические нарушения повышали их уязвимость и трудности регуляции поведения, однако сами по себе, чаще всего, изначально к серьезным школьным проблемам не приводили. Вместе с тем взаимодействие с одноклассниками уже на относительно ранних этапах их не удовлетворяло, а в подростковом периоде вызывало выраженное напряжение и дистресс. Отсутствие у большинства таких несовершеннолетних явных внешних признаков дезадаптации создавало у учителей и родителей иллюзию их относительного благополучия. Они не откликались на потребности несовершеннолетних, и те не получали необходимой поддержки, в то время как ситуацию в школе ощущали как угрожающую и крайне дискомфортную. Такие индивидуальные свойства, как повышенная чувствительность, склонность к накоплению отрицательных переживаний, эмоциональная ригидность, способствовали подобному восприятию ситуации. При этом не всегда речь могла идти о школьном буллинге, скорее подросток оказывался изолированным, изгоем, мишенью эпизодических шуток и насмешек со стороны одноклассников, что также субъективно тяжело им переживалось. Следует отметить, что феномен отвержения, социальной изоляции, или социального остракизма, лишь в последнее время становится предметом исследования в отечественной психологии [1; 2], и можно предположить, что его значение для психологического здоровья пока недооценивается.

Вступая в период формирования самосознания, такой подросток сталкивается с тем, что основной его характеристикой и ролью в группе становится роль изолированного, не уважаемого, не принимаемого и не понимаемого сверстниками. Отчуждение в семейной сфере также не дает ему адекватной и привлекательной для него ролевой модели. Формирование образа Я, идентичности, в подобных условиях сопряжено с серьезными трудностями. Выходом для незрелого подростка становится идентификация с теми, кто дает ему возможность почувствовать свою силу и получить новый статус; на этой основе строится его собственная идентичность. Подобный феномен наблюдался, например, одним из авторов у несовершеннолетних, совершивших агрессивно-насильственные преступления на почве националистической идеологии [5]. В случае подростков, совершивших нападения на образовательные учреждения, образцом для подражания стали те, кто в аналогичной ситуации изменили ее насильственным способом и совершили самоубийство, выразив, таким образом, свой протест и став «героями» в глазах некоторых. Именно они представляли для подростков идеальную ролевую модель, идентификация с которой протекала у них в течение достаточно длительного периода. Этот процесс включал в себя также формирование мотивации для совершения нападения и его подготовку.

Интернет, социальные сети, специальные сайты служили для несовершеннолетних источником информации и эмоционального подкрепления и в этом смысле — фактором влияния. Однако сами несовершеннолетние уже были готовы к поиску такого рода информации, а их собственная активность на соответствующих сайтах поддерживала их устремления и оказывала влияние на других участников обсуждений, таких же подростков. То обстоятельство, что при совершении нападения подростки старались объяснить свой поступок в предсмертных письмах, а также что объектом нападения были не те, кто мог считаться их обидчиками, свидетельствует об их стремлении не отомстить конкретным людям, а выразить протест против воспринимаемой ими несправедливости. Совершение же самоубийства позволяло им выйти из сложной ситуации и закрепить за собой статус «героев» в глазах их единомышленников.

Следует заключить, что поиск причин и факторов совершения подростками нападений на школы не должен ограничиваться их индивидуальными особенностями и внешними характеристиками их положения в школе. Необходим глубокий анализ динамики их развития, характера отношений в школьном коллективе, в семье и интернет-среде, субъективного восприятия несовершеннолетним этих отношений и самого себя, с учетом возрастных особенностей подросткового периода и, в особенности, процесса формирования самосознания и идентичности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет получить более детальное представление о психологических факторах, повлиявших на совершение подростками нападений на образовательные учреждения. Рассмотрение клинико-психологических, социально-психологических, возрастных аспектов дает возможность правильно оценить вклад каждого из них в развитие личности и формирование противоправного поведения несовершеннолетнего.

Приведенные данные также свидетельствуют о том, что роль сети Интернет в жизни школьника тесно связана с его потребностями, мотивацией, интересами и общением в реальной жизни, которые Интернет в значительной степени опосредует, создавая новые

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
Psychological, Social and Informational Aspects of
Attacks by Minors on Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

возможности и компенсируя дефициты, при этом усиливая как позитивные моменты, так и возникающие риски. Во многом характер воздействия интернет-среды определяется самими подростками, их активностью в поиске той или иной информации, а также продуцированием их собственного контента и особенностями общения. Регуляция этого процесса со стороны взрослых не должна сводиться лишь к запретам. Диалог с подростками и внимание к их проблемам, совместная с ними деятельность в онлайн и офлайн режиме могут принести значительно большую пользу.

Полученные сведения могут быть учтены при проведении в дальнейшем профилактической работы. Внимание учителей, школьных психологов, родителей должны привлекать не только подростки с явными признаками поведенческих девиаций, но и те, кто находится в стороне от класса, не уважается и не принимается другими учениками, даже если они кажутся внешне благополучными в других отношениях. Субъективная удовлетворенность ученика различными аспектами школьной жизни и собственной ролью в ней, как и активная включенность в коллективную деятельность, должны быть важными критериями школьной адаптации и качества жизни школьника.

Литература

1. Бойкина Е.Э. Агрессия сквозь призму социального остракизма [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8. № 3. С. 60—67. doi: 10.17759/jmfp
2. Бойкина Е.Э., Чиркина Р.В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // Психология и право 2020. Том 10. № 1. С. 152–170. doi: 10.17759/psylaw.2020100114
3. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4(32). С. 62—76. doi: 10.11621/prj.2018.0406
4. Книжникова С.В. Амок: актуальность изучения нападений в школах, причины, возможности первичной профилактики // Социальная психология и общество. 2019. Т.10. № 1. С. 152—168. doi: 10.17759/sps.2019100109
5. Ошевский Д.С. Негативные социальные установки и смысловые конструкты у подростков, совершивших агрессивные противоправные деяния на национальной почве // Юридическая психология. 2012. № 3. С. 30—34.
6. Стандарты судебно-психиатрических экспертных исследований Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В.П. Сербского (извлечения) // Медицинская и судебная психология / Под ред. Т.Б.Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2016. С. 599—604.
7. Сыроквашина К.В. Нападения в школах: агрессивные и аутоагрессивные действия несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 3. С. 37—44. doi:10.17759/jmfp.2019080304
8. Agnich L.E. A Comparative Analysis of Attempted and Completed School-Based Mass Murder Attacks // American Journal of Criminal Justice. 2015. Vol. 40. № 1. P. 1—22. doi:10.1007/s12103-014-9239-5
9. Gerard F.J. et al. Offender and offence characteristics of school shooting incidents // Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling. 2016. Vol. 13(1). P. 22—38. <https://doi.org/10.1002/jip.1439>

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
Psychological, Social and Informational Aspects of
Attacks by Minors on Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

10. Langman P. Rampage School Shooters: A Typology // *Aggression and Violent Behavior*. 2009. Vol. 14. P. 79—86
11. Lankford A. A comparative analysis of suicide terrorists and rampage, workplace, and school shooters in the United States from 1990 to 2010 // *Homicide Studies*. 2012. Vol. 17. P. 255—274. doi:10.1177/1088767912462033
12. Larkin R.W. Learning to Be a Rampage Shooter: The Case of Elliot Rodger. *The Wiley Handbook on Violence in Education: Forms, Factors, and Preventions* / Eds H. Shapiro. Wiley, 2018. P. 69—84.
13. Leary M.R. et al. Teasing, rejection, and violence: case studies of the school shootings // *Aggressive Behavior*. 2003. Vol. 29. P. 202—214. doi:10.1002/ab.10061
14. Lee K. Mass Shootings and Media Contagion Theory: Social Media's Influence on Frequency of Incidents // *Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*. 2018. Vol. 9(2). P. 27—35
15. Levin J., Madfis E. Mass Murder at School and Cumulative Strain: A Sequential Model // *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52. № 9. P. 1227—1245. doi:10.1177/0002764209332543
16. Mears D.P., Moon M., Thielo A.J. Columbine Revisited: Myths and Realities about the Bullying-School Shootings Connection // *Victims and Offenders*. 2017. Vol. 12. № 6. P. 939—955
17. O'Toole M.E. The school shooter: A threat assessment perspective. Quantico, VA: National Center for the Analysis of Violent Crime, Federal Bureau of Investigation, 2000. 46 p.
18. Towers S. et al. Contagion in Mass Killings and School Shootings // *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10(7): e0117259. doi:10.1371/journal.pone.0117259
19. Verlinden S., Hersen M., Thomas J. Risk factors in school shootings // *Clinical Psychology Review*. 2000. Vol. 20. № 1. P. 3—56. doi:10.1016/S0272-7358(99)00055-0

References

1. Boikina E.E. Agressiya skvoz' prizmu sotsial'nogo ostrakizma [Aggression through the prism of social ostracism] [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology]. 2019. Vol. 8. № 3. P. 60—67. doi: 10.17759/jmfp.2019080307 (In Russ., Abstr. in Engl.).
2. Boikina E.E., Chirkina R.V. Sotsial'nyi ostrakizm: sovremennoe sostoyanie problemy, metodologiya i metody issledovaniya [Social ostracism: current state of the problem, methodology and research methods]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law] 2020. Vol. 10. № 1. P. 152—170. doi: 10.17759/psylaw.2020100114. (In Russ., Abstr. in Engl.).
3. Davydov D.G., Khlomov K.D. Massovye ubiistva v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh: mekhanizmy, prichiny, profilaktika [Massacres in educational institutions: mechanisms, causes, prevention]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal]. 2018. № 4(32). P. 62—76. doi: 10.11621/npj.2018.0406. (In Russ., Abstr. in Engl.).
4. Knizhnikova S.V. Amok: aktual'nost' izucheniya napadenii v shkolakh, prichiny, vozmozhnosti pervichnoi profilaktiki [Amok: Relevance of School Attacks Exploring, Causes, and Primary Prevention Possibilities]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. 2019. Vol.10. № 1. P. 152—168. doi: 10.17759/sps.2019100109 (In Russ., Abstr. in Engl.).
5. Oshevskii D.S. Negativnye sotsial'nye ustanovki i smyslovye konstrukty u podrostkov, sovershivshikh agressivnye protivopravnye deyaniya na natsional'noi pochve [Negative social

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
Psychological, Social and Informational Aspects of
Attacks by Minors on Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

- attitudes and meaning constructs in juveniles, conducted aggressive criminal acts based on nationalism] . *Yuridicheskaya psikhologiya* [Juridical Psychology]. 2012. № 3. P. 30—34. (In Russ.).
6. Standarty sudebno-psikhiatricheskikh ekspertnykh issledovaniy Gosudarstvennogo nauchnogo tsentra sotsial'noi i sudebnoi psikhiatrii im. V.P. Serbskogo (izvlecheniya) [Standards of forensic psychiatric expert research of the V.P. Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (extraction)]. *Meditinskaya i sudebnaya psikhologiya*. Pod redaktsiei T.B.Dmitrievoi, F.S. Safuanova. M.: «Genezis», 2016. P 599—604. (In Russ.).
  7. Syrokvashina K.V. Napadeniya v shkolakh: agressivnye i autoagressivnye deistviya nesovershennoletnikh [Elektronnyi resurs]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Journal of Modern Foreign Psychology]. 2019. Vol. 8. № 3. P. 37—44. doi:10.17759/jmfp.2019080304 (In Russ., Abstr. in Engl.).
  8. Agnich L.E. A Comparative Analysis of Attempted and Completed School-Based Mass Murder Attacks. *American Journal of Criminal Justice*. 2015. Vol. 40. № 1. P. 1—22. doi:10.1007/s12103-014-9239-5
  9. Gerard F.J. et al. Offender and offence characteristics of school shooting incidents. *Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling*. 2016. Vol. 13 (1). P. 22-38. <https://doi.org/10.1002/jip.1439>
  10. Langman P. Rampage School Shooters: A Typology. *Aggression and Violent Behavior*. 2009. Vol. 14. P. 79—86.
  11. Lankford A. A comparative analysis of suicide terrorists and rampage, workplace, and school shooters in the United States from 1990 to 2010. *Homicide Studies*. 2012. Vol.17. P. 255-274. doi:10.1177/1088767912462033
  12. Larkin R.W. Learning to Be a Rampage Shooter: The Case of Elliot Rodger. The Wiley Handbook on Violence in Education: Forms, Factors, and Preventions. Eds H.Shapiro. Wiley, 2018, pp.69—84.
  13. Leary M.R. et al. Teasing, rejection, and violence: case studies of the school shootings. *Aggressive Behavior*. 2003. Vol. 29. P. 202—214. doi:10.1002/ab.10061
  14. Lee K. Mass Shootings and Media Contagion Theory: Social Media's Influence on Frequency of Incidents. *Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*. 2018. Vol. 9 (2). P. 27—35.
  15. Levin J., Madfis E. Mass Murder at School and Cumulative Strain: A Sequential Model. *American Behavioral Scientist*. 2009. Vol. 52. № 9. P. 1227—1245. doi:10.1177/0002764209332543
  16. Mears D.P., Moon M., Thielo A.J. Columbine Revisited: Myths and Realities about the Bullying-School Shootings Connection. *Victims and Offenders*. 2017. Vol.12. № 6. P. 939—955.
  17. O'Toole M.E. The school shooter: A threat assessment perspective. Quantico, VA: National Center for the Analysis of Violent Crime, Federal Bureau of Investigation, 2000. 46 p.
  18. Towers S. et al. Contagion in Mass Killings and School Shootings. *PLoS ONE*. 2015. Vol. 10 (7): e0117259. doi:10.1371/journal.pone.0117259
  19. Verlinden S., Hersen M., Thomas J. Risk factors in school shootings. *Clinical Psychology Review*. 2000. Vol. 20. № 1. P. 3—56. doi:10.1016/S0272-7358(99)00055-0

Информация об авторах

Дозорцева Елена Георгиевна, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный

Дозорцева Е.Г., Ошевский Д.С., Сыроквашина К.В.
Психологические, социальные и информационные
аспекты нападений несовершеннолетних на учебные
заведения
Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 97–110.

Dozortseva E.G., Oshevsky D.S., Syrokvashina K.V.
Psychological, Social and Informational Aspects of
Attacks by Minors on Educational Institutions
Psychology and Law. 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 97–110.

медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России; профессор кафедры юридической психологии и права, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Ошевский Дмитрий Станиславович, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России; доцент кафедры юридической психологии и права, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3465-6302>, e-mail: oshevsky@serbsky.ru

Сыроквашина Ксения Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Минздрава России, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-6130>, e-mail: syrovkashina@mail.ru

Information about the authors

Elena G. Dozortseva, Doctor in Psychology, Professor, Chief Researcher, The Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology; Professor, Chair of Legal Psychology, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1309-0485>, e-mail: edozortseva@mail.ru

Dmitry S. Oshevsky, PhD in Psychology, Associate Professor, Senior Researcher, The Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Associate Professor, Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3465-6302>, e-mail: oshevsky@serbsky.ru

Kseniya V. Syrokvashina, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Senior Researcher, The Serbsky Federal Medical Research Center for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3172-6130>, e-mail: syrovkashina@mail.ru